

• Статьи

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ *О.Шатилов, В.Павленко*..... 3

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ

ОТНОШЕНИЯ *Е.Андреев*..... 14

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В ЗАМКНУТЫХ КОЛЛЕКТИВАХ *Ю.Бойко, В. Лебедев* 21

УПРАВЛЕНИЕ СИЛАМИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧС *В.Середа* 27

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА КАПИТАЛА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ *А.Джумов* 37

НАРКОТИКИ В ВОЙН ПРОТИВ РОССИИ *А.Тихонов* 46

РОССИЯ И ООН XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ *Л.Гришаева*..... 63

УКРАИНА ПОСЛЕ ВЫБОРОВ *С.Жильцов* 72

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НОВОГО РУКОВОДСТВА

УКРАИНЫ *Л.Гусев* 79

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

ТРАНСФОРМАЦИИ *Д.Фетищев*..... 89

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МАКЕДОНИИ *Е.Пономарева* 95

МОДЕЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

ИНФОРМАТИКЕ *Т.Петрова*..... 105

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ *Е.Максимова* 109

Рецензии

МЕТАСТАЗЫ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ *В.Ли*..... 114

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ГЛАВНЫМ *А.Дробан* 117

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ *О.Рыжов*..... 122

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-
Университет”

ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный директор редакции)
- НОВИКОВ Ю.Д.
(заместитель главного редактора)
- АБАШИДЗЕ А.Х.
- БЕРКОВ А.А.
- ДЕРЯБИН Ю.С.
- ЗИМЕНКОВ А.Л.
- ИЗВЕКОВ Н.Н.
- КОМАРОВ И.К.
- КОТИЛЕВСКИЙ М.Д.
- ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
- ЛУНЬКОВ А.Г.
- МЧЕДЛОВ М.П.
- ОРЛОВ А.А.
- ПЕТРАКОВ Н.Я.
- РЕПКИН Ю.М.
- ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

- АРИСТОВ В.В.
- ГАБАРАЕВ Б.А.
- ГАЛОГАНОВ А.П.
- ДЕЛЯГИН М.Г.
- ЕФИМОВ Б.Е.
- ЖУРКИН В.В.
- ЗОРИН В.С.
- ИВАШОВ Л.Г.
- ИВЛИЕВ Г.П.
- КАШЛЕВ Ю.Б.
- КРЕМЕНЮК В.А.
- ЛАДЫГИН Ф.И.
- ЛАПТЕВ П.А.

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ
К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический
журнал
«Обозреватель–
Observer»
издается с 1992 г.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Шатиров,
член Совета Федерации, кандидат технических наук,
В.Павленко,
кандидат политических наук

Год “контрреволюционного” перелома

От международных аспектов интеграции перейдем к ситуации, складывающейся непосредственно в СНГ¹.

Здесь все указывает на переломный характер прошедшего 2005 г. Его “визитной карточкой” можно считать общую смену направленности геополитических процессов. Постсоветские “национально-демократические” элиты, выполнившие в период распада СССР функции генератора центробежных тенденций, в период “цветных” революций получили возможность убедиться в отсутствии у Запада иных мотивов их поддержки, кроме стремления к недопущению возрождения России как геополитического конкурента. Например, стремление “оранжевой” украинской элиты в Европейский союз явно не получает ни в США, ни даже в Европе такого понимания, как ее попытки интегрироваться в НАТО. Причина очевидна: в киевском истеблишменте Запад видит отнюдь не равноправного партнера, а инструмент вытеснения России с евразийского геополитического пространства, а также замены российских (а, точнее, советских) технологических (и, прежде всего, военных) стандартов собственными.

Так или иначе, но серия чувствительных провалов на пространстве бывшего СССР уже убедила постсоветские элиты в неэффективности западной поддержки, тем более что это начинает осознаваться самим Западом.

“Мы у себя в Америке просто никогда не думали, что Россия сможет встать на ноги и начнет влиять на происходящие события”, – признает, например, Николас Гвоздев – старший научный сотрудник Никсоновского центра, редактор журнала “The National Interest”².

Получается, что именно таким, сугубо эмпирическим путем было найдено наиболее действенное противоядие против “оранжевых” тенденций, захлестнувших евразийское пространство в 2003 – начале 2005 гг., начиная с разрушения разработанного при активном участии Москвы плана федерализации Молдавии и кончая революциями на Украине и в Киргизии.

Если быть более точными, то необходимо отметить, что уже киргизский кризис марта 2005 г., по сути, закончился “ничьей” между Россией и Западом: в отличие от Киева, Бишкек сохранил полноценное членство во всех созданных при активном участии Москвы организациях, не став чинить ей всевозможных препятствий. Кроме того, дав согласие на временное сохранение американского военного присутствия в Манасе, новое киргизское

руководство не допустило его расширения за счет открытия второй военно-воздушной базы США, что угрожало бы нарушением равновесия, достигнутого после появления в Канте гарнизона российских ВВС.

После этого инициатива на большей части постсоветского пространства от Запада прочно перешла к России. Провал андижанского мятежа, представлявшего собой попытку первого шага по пути создания исламско-экстремистского “Халифата”³ (проект которого рассчитан на столкновение Москвы с мусульманским миром), дополнился ощутимыми поражениями противников действующей власти на выборах в ключевых геостратегических центрах Закавказья и Центральной Азии – Азербайджане и Казахстане.

Одновременно существенно замедлились темпы и эффективность интеграции прозападных сил, центром которых стала “ось” Киев – Тбилиси (с участием Кишинева). Созданное вокруг нее Содружество демократического выбора (СДВ), как выяснилось, оказалось неспособным не только сформировать дееспособный союз, навязав Москве борьбу за лидерство на постсоветском пространстве, но и внятно сформулировать цели, принципы, а также ценностные установки подобной альтернативы (если не считать стремления отгородиться от России форсированным вступлением в НАТО).

Создатели СДВ вполне могут разделить ответственность за его низкую эффективность с белорусской оппозицией, поражение которой на президентских выборах (19 марта 2006 г.) сделало неактуальным усиленно возрождаемый определенными силами на Западе проект “Балто-Черноморского союза”, впервые появившийся в начале 90-х годов, в преддверие распада СССР.

Важно и другое. Для интеграционных процессов в СНГ сложилась весьма благоприятная геэкономическая конъюнктура. Уровень мировых цен на энергоносители, как заметил Президент России В.В.Путин в разговоре с премьер-министром Великобритании Э.Блэром на саммите “Россия – Евросоюз” в Лондоне, “...позволяет нам проводить более независимую внешнюю политику”⁴.

Ключевым элементом такой политики становятся планы энергетического лидерства, которое обеспечивает не только более прочную геэкономическую, а, стало быть, и геополитическую зависимость от Москвы европейских партнеров, но и широкую основу для консолидации интересов всех субъектов постсоветской части Евразии, объединенных единой газотранспортной и трубопроводной системами, создававшимися в 50–80-е годы как единое целое. Важно также, что в условиях глобализации усиливается значение цивилизационного фактора, частью которого являются единые технологии, а точнее – в современных условиях складываются предпосылки передачи, по крайней мере, части суверенных прав, которыми обладают государства, на уровень цивилизаций, которые, в свою очередь, превращаются в базовый инструмент обеспечения национальных интересов. С одной стороны, похоже, исчерпывает себя концепция “государства-нации”, вызванная к жизни Великой Французской буржуазной революцией, а с другой – существенные изменения претерпевает отношение к другой концепции – “светского государства”. Как указывает ряд авторов, религия все меньше воспринимается неким “внешним” фактором по отношению к государству и все больше – “внутренним”, определяющим его самооценку⁵.

То, что в выигрышном положении здесь оказываются государства-цивилизации, в том числе, Россия, безусловно, важно. Но еще важнее то, что в цивилизационном подходе содержится немалый интеграционный потенциал. Игнорировать то, что пространство СССР – единая, уникальная цивилизация, способная при воссоединении, стать эпицентром глобального межцивилизационного диалога, значит, предельно усложнять себе дорогу не только к лидерству – энергетическому или любому другому. Но и к восстановлению утраченного за годы “реформ” потенциала.

Из этого видно, что, с одной стороны, энергетическое лидерство соответствует долгосрочным интересам всех участников интеграционного процесса, а с другой – без их активного сближения это лидерство затруднено из-за сохраняющейся угрозы постановки по периметру российских границ “санитарных кордонов”, а также пусть и уменьшающихся, но

сохраняющихся пока возможностей налаживания обходных (минуя Россию) путей сухопутного транзита энергоресурсов из стран Центральной Азии и Среднего Востока на Запад.

Интеграционные организации: иерархия, структура, задачи

В отличие от СДВ – аморфного объединения, участники которого не связаны ничем, кроме идеологии и ценностей либерального западничества, сторонники интеграции располагают мощной инфраструктурой в виде целого ряда взаимосвязанных экономических и военно-политических организаций: Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Единого экономического пространства (ЕЭП), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Кроме них, существует многофункциональная система двусторонних связей, обеспечивающая России роль естественного интегрирующего центра.

С роспуском Организации Центрально-Азиатского союза (ОЦАС) и вступлением ее членов – Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии – в ЕврАзЭС наметилась тенденция к сокращению общего количества организаций, отвечающих за интеграцию, и повышению эффективности их деятельности.

Система взаимодействия в ЕврАзЭС, ЕЭП и ОДКБ в отличие от СНГ и СДВ, где доминирует горизонтальный тип связей, объективно препятствующий более тесной интеграции, организована на смешанной, горизонтально-вертикальной основе. Причем, удельный вес факторов, обеспечивающих именно вертикальную интеграцию, с перспективой дальнейшей централизации, вплоть до передачи определенной части суверенитетов на наднациональный уровень, постоянно увеличивается. Расширяется и их география.

Благодаря внедрению взаимодополняющего разделения сфер ответственности, существенно упорядочиваются и уточняются функции вышеперечисленных организаций, каждая из которых отвечает за свой участок интеграции.

Одновременно достигнута эффективная корреляция интеграционных процессов с соответствующими международными тенденциями. С одной стороны, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) укрепляется геополитическая “смычка” России, Казахстана и других субъектов постсоветского пространства с Китаем, а также с ведущими странами мусульманского мира – Ираном и Пакистаном, а с другой стороны, благодаря наличию в странах с “оранжевыми” режимами противостоящих им территориальных или национально-территориальных анклавов, ориентирующихся на Москву (речь идет, прежде всего, о Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и некоторых других субъектах), Россия получает уникальную возможность расширения интеграционного потенциала. Тем более что Запад сам создает для этого подходящие прецеденты – вроде предстоящего референдума по независимости автономного края Косово.

Что касается возможности распространения подобных прецедентов на саму Российскую Федерацию (чревато ее дезинтеграцией), то эта угроза, являвшаяся вполне реальной еще в 2000 г., ныне существенно ослабела. Главным образом, благодаря успешному строительству властной вертикали, унификации федерального и региональных законодательств, а также нормализации обстановки в Северо-Кавказском регионе. Косовский вариант в нашей стране (применительно к Чеченской республике или всему Северному Кавказу) в этих условиях становится практически невозможным, особенно при успешном прохождении “знакового” рубежа 2008 г. и обеспечении – тем или иным способом – надежной преемственности центральной власти.

Саммитами ЕврАзЭС, состоявшимися в Москве (июнь и октябрь 2005 г.) и Стрельне (январь 2006 г.), установлены и закреплены иерархия и вытекающая из нее соподчиненность интеграционных структур и процессов.

В центр поставлено само ЕврАзЭС – как наиболее продвинутый, широкий и

сбалансированный в геополитическом плане альянс со стержнем в виде российско-казахстанского союза, объединяющий западные и восточные субъекты бывшего СССР – от Белоруссии до Таджикистана, Киргизии и вновь принятого в Сообщество Узбекистана.

Ядром ЕврАзЭС выступает ЕЭП, количество участников которого, по сути, уменьшено с четырех до трех (Россия, Казахстан и Белоруссия), но без Украины, по политическим причинам из интеграционного процесса (по крайней мере, на данном этапе) выпадающей.

В 2005 – начале 2006 гг. окончательно утвердилась практика, в соответствии с которой основные решения по ЕЭП принимаются именно “тройкой”, причем в формате ЕврАзЭС. Что касается “четверки”, то контакты в ее рамках осуществляются преимущественно на двусторонней основе, а также в формате становящегося все более аморфным СНГ, как это имело место в августе 2005 г. во время саммита глав государств Содружества в Казани.

Привязка ЕЭП к ЕврАзЭС с выведением за его рамки Украины наглядно продемонстрировала: рассчитывать на диалог с другими наиболее развитыми постсоветскими республиками (совокупный ВВП “большой четверки” достигает 94% от ВВП бывшего СССР) на собственных условиях “оранжевым” властям Киева не приходится. Тезис “либо полноценное участие, либо фактическое неучастие” получил подтверждение в апреле 2006 г. во время российско-казахстанской встречи на высшем уровне в Москве⁶.

Но у интеграционных процессов имеется и “второе дно”. Экономическое взаимодействие дополняется политическим и военным – в рамках ОДКБ и оборонно-промышленных комплексов стран-участниц⁷.

Прежде всего, отметим, что обнародование задач военной интеграции происходит постепенно – лишь по мере углубления объединительных процессов в других сферах, прежде всего, в экономике. Как правило, это происходит “по факту”, что свидетельствует либо о спонтанности принимаемых решений (во что, честно говоря, поверить трудно), либо о наличии глубоко продуманного и последовательно воплощаемого в жизнь плана, имеющего поддержку во всех ключевых столицах ЕврАзЭС.

О реальных темпах прогресса можно, например, судить по результатам сравнительного анализа решений, принятых упомянутыми саммитами Организации, состоявшимися в 2005–2006 гг.

Так, в июне 2005 г. очередность интеграционных мероприятий в рамках ЕврАзЭС была определена следующим образом: создание свободной экономической зоны – валютное регулирование – таможенный союз – экономический союз.

Июньский саммит 2005 г. утвердил план введения в Сообществе единой валюты, о котором было объявлено еще в марте⁸.

По итогам октябрьского саммита принято решение о предстоящем “соединении” (а фактически – о вхождении) ЕЭП с ЕврАзЭС. Причем, локомотивом все более тесного сближения выступает, скорее, не Союзное государство России и Белоруссии, а буквально на глазах набирающая интеграционную динамику российско-казахстанская “ось”.

Январь 2006 г. ознаменовался важнейшими договоренностями в оборонной сфере: в частности, подписанием соглашения о взаимодействии пограничных ведомств при возникновении кризисных ситуаций на внешних границах. Показательно, что заключены они были в рамках не ОДКБ, а ЕврАзЭС, что подтверждает его стержневой характер не только для экономики, но и для политики.

Обратим внимание и на начавшуюся унификацию состава ЕврАзЭС и ОДКБ, осуществляющуюся за счет их расширения.

С июня 2005 г. в экономических саммитах принимает участие Армения, уже входящая в систему коллективной военной безопасности. Логичным в связи с этим следовало бы считать и скорейшее возвращение в число участников ОДКБ принятого в ЕврАзЭС Узбекистана – одного из учредителей этого постсоветского оборонного союза, оформленного Ташкентским договором

(1992 г.).

Другой важный момент. Ротация председательства в ЕврАзЭС (в июне 2005 г. Н.А.Назарбаева сменил А.Г.Лукашенко) никак не отражается на лидерстве в ОДКБ: его бессменным председателем остается Президент России В.В.Путин, а руководство военной структурой возложено на начальника российского Генерального штаба генерала армии Ю.Н.Балуевского. Можно, таким образом, предположить, что участниками интеграционного процесса сделаны серьезные выводы из провалов, постигших такие международные организации, как СНГ и Евросоюз. Очевидно, что существует ясное понимание: сугубо экономическая интеграция, не опирающаяся на общие геополитические интересы, а также на единую концепцию военного строительства, обречена на неудачу.

Примером того, насколько глубоко продвинулись объединительные процессы в военно-политической сфере, можно считать решение о ликвидации созданного после распада СССР космодрома “Свободный” (в Амурской области), сопровождавшееся пролонгацией аренды Байконура, а также других военных полигонов, расположенных на территории Казахстана. Очевидно, что это объясняется исчезновением угрозы потери указанных объектов, а с ними – и статуса России как полноценной космической державы.

В пользу перехода интеграционных процессов в активную фазу говорит и ряд пунктов итогового документа июньского (2005 г.) саммита ОДКБ – “Заявления глав государств-участников”⁹.

С одной стороны, говорится о необходимости более тесной координации действий в постконфликтном обустройстве Афганистана и Ирака как важнейшем инструменте противодействия международному терроризму, а с другой – обращает внимание расстановка акцентов в оценке общей ситуации в Азии, а также в части, касающейся взаимодействия в этом вопросе с зарубежными партнерами по антитеррористической коалиции. (В частности, указывается на возможное использование ими “двойных стандартов”, включая участие некоторых иностранных спецслужб в подготовке террористов).

Приоритетное внимание уделяется борьбе с наркотрафиком – главным источником финансирования транснациональной террористической деятельности. Кроме того, демонстрируется несколько иное, по сравнению с Западом, видение вопросов, связанных с ядерными программами Ирана и КНДР.

Соответствующим образом сформулированы задачи в сфере военно-политического и военно-технического сотрудничества – от модернизации объединенной системы ПВО до совершенствования Коллективных сил развертывания в Центральной Азии. Обратим внимание на момент, который авторы считают важнейшим: в коллективных действиях явный приоритет отдается Центрально-Азиатскому региону, что объясняется ростом угрозы превращения исламского экстремизма в инструмент “управляемого конфликта”, а, точнее, военной экспансии, направляемой против России, а также ее союзников определенными кругами на Западе¹⁰.

Что касается западного стратегического направления, то сторонники интеграции, видимо, исходят из того, что появление здесь реальной военной угрозы – среднесрочная перспектива, реализация которой возможна, прежде всего, в случае превращения Европы в преимущественно мусульманский анклав, при захвате ведущих позиций в нем экстремистскими силами. На это, по мнению ученых, потребуется от 30 до 50 лет¹¹. Поэтому основные усилия сосредотачиваются на отражении текущих угроз – втягивания Украины в НАТО и попыток пересмотра оценок второй мировой войны, весьма актуальных для прошедшего года 60-летия Победы. Выдвинуто также предложение реформировать ОБСЕ, адаптировав эту организацию к угрозам и вызовам XXI в.¹².

Еще одним важнейшим индикатором успешного развития интеграции является активизация консолидации транспортно-коммуникационной инфраструктуры и обеспечения взаимозависимости интегрирующихся транспортных артерий – принципиально важного не только с экономической, но и с геополитической точки зрения.

Ведущие участники ЕврАзЭС – Россия и Казахстан – в мае 2005 г., например, наглядно продемонстрировали способность к оперативному устранению пограничных препятствий, возникших из-за изменения паспортного режима.

Исключительно важной частью интеграционного процесса, становится обеспечение энергетического лидерства. А это требует не только максимального объединения газотранспортной сети (ГТС) СССР, но и учета коллективных интересов участников интеграции в проектах, обходящих территорию России, будь то нефтепровод “Баку – Тбилиси – Джейхан” или включение транзитных газопроводов в Армении в систему экспорта на Запад иранского газа.

Сохранение определенных проблем с интеграцией ГТС российского “Газпрома” и белорусского “Белтрансгаза” выступает одним из ключевых факторов, обуславливающих задержку интеграции в рамках Союзного государства. Хотя эти проблемы, очевидно, менее существенны, чем в случае с Украиной, продолжающей настаивать на сугубо национальной принадлежности своих газопроводов.

С другой стороны, ни Белоруссия, ни Украина, в отличие от восточноевропейских стран, не высказываются против строительства обходящих экспортных маршрутов российского газа в Западную Европу: северного – по дну Балтийского моря и южного – через Турцию, Балканы и Венгрию.

Все это говорит о том, что на постсоветском пространстве, начиная с 2005 г., происходит постепенное упорядочение деятельности различных межгосударственных объединений, ответственных за интеграцию.

“Разноскоростная” модель объединения, при которой характер взаимодействия субъектов бывшего СССР определяется степенью их готовности к делегированию части суверенных полномочий на надгосударственный уровень, в целом, сохраняет актуальность. При этом, однако, значительно большее, чем раньше, внимание уделяется многосторонним контактам и связям, которые все активнее доминируют над двусторонними, а также тесной координации внешнеполитической деятельности. Роль базового инструмента в объединительном процессе переходит от СНГ (признанного способом “цивилизованного развода” бывших советских республик¹³) к системе экономических и политических институтов, объединяющих государства Содружества, сделавших выбор в пользу интеграции.

Общий вектор всех этих процессов достаточно четко сформулирован президентом Казахстана Н.А.Назарбаевым в апрельском выступлении в российской Государственной Думе – создание Евразийского союза¹⁴.

Идеологическое обеспечение интеграции

Распад КПСС, ликвидировавший идеологические основы единой союзной государственности, поставил субъекты бывшего СССР перед выбором мировоззренческой модели. Поражение союзной элиты в противостоянии с российской, устранившее с политической арены центральные органы власти, убрало и последнее препятствие на пути суверенизации постсоветского пространства.

Если при И.В.Сталине Союз эволюционировал от конфедеративной государственности к унитарной, имперской, то при М.С.Горбачеве процесс покатился в обратном направлении. К примеру, формирование многопартийной системы, ставшее частью политической реформы, провозглашенной решениями XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.), изначально осуществлялось не на союзном уровне, а на уровне отдельных республик.

В самой России сепаратистские тенденции, связывавшиеся с деятельностью “демократов”, были подкреплены созданием Компартии РСФСР. По сути, ее инициаторы предпочли обособление российских коммунистов открытой борьбе с правящей компрадорской группировкой Горбачева – Яковлева.

Новый союзный договор, подписание которого было сорвано выступлением ГКЧП, равно как и государственное устройство СССР, сложившееся в результате роспуска союзного Съезда народных депутатов и Верховного Совета (сентябрь 1991 г.), превратились в своеобразный “манифест” конфедерализации страны. А отставка Горбачева, подобно отречению в марте 1917 г. императора Николая II, окончательно исключила дальнейшее существование единой государственности.

В союзных республиках к власти пришли национальные элиты, при поддержке Запада взявшие курс на независимость от Москвы. В самой России дальнейшее развитие сепаратизма было приостановлено лишь роспуском Верховного Совета (октябрь–декабрь 1993 г.) и принятием новой Конституции, восстановившей традиционную персоналистскую модель власти, основанную на постановке главы государства над всеми ветвями власти и самим институтом разделения властей. Но и после этого правящая группировка либеральных “реформаторов” всячески препятствовала преодолению центробежных тенденций: например, за счет принудительного выталкивания бывших союзных республик из рублевой зоны, форсированной, “обвальной” приватизации системообразующих элементов энергетической и транспортной инфраструктур, оборонно-промышленного комплекса и т.д. Свою лепту в раздувание сепаратистских настроений внес и вооруженный конфликт в Чеченской республике, едва не распространившийся на весь Северо-Кавказский регион.

В идеологическом плане одна космополитическая идеология – коммунистическая – сменилась другой – либеральной¹⁵, еще более циничной и разрушительной из-за провозглашения “высшей ценностью” индивида и гипертрофированного внимания к его правам и свободам – в ущерб обязанностям и ответственности. Следуя западным просвещенческим традициям, “реформаторы” объявили единственным ограничителем суверенитета личности закон; любые иные сдерживающие факторы, прежде всего, духовно-нравственные, были отброшены и объявлены архаикой.

В сложившейся ситуации единственным хранителем традиции оказались институты духовной власти – Русская Православная Церковь и другие традиционные религиозные конфессии. Однако их влияние было в значительной мере подорвано более чем 70-летним периодом господства государственного атеизма. Воспользовавшись этим, деструктивные силы предприняли ряд попыток подорвать целостность страны, спровоцировав межконфессиональный конфликт.

Предотвратить его удалось во многом благодаря инстинкту самосохранения народа и традициям тысячелетней цивилизации, основанной на имперском единстве славянско-православной, тюрко-исламской и других традиционных духовных культур.

С 1997 г. берет начало практика проведения Всемирных Русских Народных Соборов – важнейшей и наиболее эффективной “площадки” межконфессионального диалога, к участию в котором, приглашаются сначала светская часть общества, а, начиная с 2001 г. – государственная власть.

Каждый из проведенных за эти годы Соборов решал конкретные задачи, объединенные единой целью – восстановлением традиционных духовных основ и нравственных норм общественной жизни, которое, по мере роста влияния и авторитета религиозных конфессий и дискредитации либерально-западнических идей, все активнее пробивало себе дорогу в самых широких слоях российского общества, а также во власти. Состоявшийся 4-6 апреля 2006 г. X Всемирный Русский Народный Собор впервые открыто поставил (и решил) вопрос восстановления традиционной духовности на доктринальном уровне – путем соединения закона с моралью, а секулярной концепции прав человека – с религиозной традицией, исходящей из необходимости соотнесения достоинства, а, стало быть, и прав человека с определенной социальной позицией¹⁶.

В решениях Собора указывается на существование ценностей, стоящих не ниже прав человека – веры, нравственности, святынь, Отечества: “Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственные традиции...”

Опасным видится изобретение таких “прав человека”, которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями”¹⁷.

Интересно, что практически параллельно с Собором к аналогичным выводам, но уже с точки зрения сугубо светской мысли, пришла группа известных политологов – участников открытого семинара “Полит.Ру” (С.Кордонский, А.Аузан, А.Даниэль, М.Блинкин, А.Черкасов).

“Если говорить о праве, то речь идет не только о формальном законе, – говорится в резюме его апрельского заседания. – У права должны быть некоторые общие установления, которые могут быть даже не зафиксированы письменно, а стоят над законом и делают его исполняемым”¹⁸.

Другим важнейшим достижением Собора следует считать постановку вопроса о миссии России в XXI в., положившую начало широкой общественной дискуссии, конечная цель которой, как представляется, – возрождение национальной идеи, основанной на традиционных ценностях и принципах, и при этом соединение ее с инновационными технологическими подходами, обеспечивающими модернизацию страны.

“Полагаю, что миссия России в XXI в. состоит в том, чтобы наш уникальный опыт построения единого цивилизационного пространства на основе культурной и религиозной многоукладности содействовал построению многоукладного мира, в котором бы различные цивилизационные модели входили в гармоничное и мирное взаимодействие”, – говорится в обращении к Собору Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II¹⁹.

Рассматривая основные итоги X Всемирного Русского Народного Собора, необходимо обратить внимание на ряд моментов, имеющих самое прямое отношение к перспективам евразийской интеграции.

1. Мощная поддержка, полученная Собором во всех основных слоях российского общества, за исключением прозападного крыла либеральной гуманитарной интеллигенции (что, на наш взгляд, глубоко символично), подтверждает как принципиальную возможность общественного согласия, так и наличие сил, этому согласию противостоящих. В связи с этим обращает внимание весьма интересный результат исследований, проведенных в марте 2006 г. социологами “Левада-центра”²⁰.

Имеются серьезные основания полагать, что подобное “раздвоение” массового сознания, на котором кое-кто уже пытается спекулировать, отыскивая некие “оранжевые” настроения, – мнимое. На самом деле более это походит на своеобразный сигнал, подаваемый обществом власти: решительнее двигаться заявленным курсом, дополняя прорывы на международной арене соответствующей внутренней политикой, прежде всего, в вопросах, связанных с обеспечением социально-политической стабильности и военной безопасности.

2. Уникальная способность Собора объединить не только традиционные конфессии, но и в оцерковленную часть общества со светской, а также широкую патриотическую общественность – с властью, возможно, проясняет его перспективы. Из сугубо общественного форума Собор со временем может (и, по мнению авторов, должен) трансформироваться в важнейший институт, способный не только выработать идеологическую платформу общенациональной консолидации, но и обеспечить ее институционально.

3. Рассуждая об идеологической консолидации, авторы отмечают, что ее непременным условием является выработка общенационального консенсуса, обеспечивающего преемственность исторической перспективы по отношению к современности, а современности – по отношению к исторической ретроспективе. В негативной части – отрицании западных экспериментов и их последствий – такой консенсус, в целом, уже сформирован.

Что касается позитивной мотивации, то X Всемирный Русский Народный Собор впервые за весь постсоветский период подал весомую заявку на то, чтобы сформулировать ее в наиболее концентрированном и (что немаловажно) доступном и приемлемом для

светской части общества виде. По мнению митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, ее формула выглядит следующим образом: “Завершение трехсотлетнего противостояния между славянофильской и западнической концепциями развития России за счет их исторического примирения и конвергенции”²¹.

4. Очевидно, что и статус Собора, и масштаб, и значимость принятых на нем решений выходят за рамки современной Российской Федерации. Ввиду цивилизационной (духовно-культурной, ценностной и технологической) общности народов евразийского пространства, созданный этим форумом механизм диалога является универсальным с точки зрения консолидации не только российского, но и всего постсоветского пространства.

Это означает, что распространение интеграционных тенденций на основе установок, сформулированных X Всемирным Русским Народным Собором, на большую часть СНГ, прежде всего, на государства-участники ЕврАзЭС, ЕЭП и ОДКБ является, по-видимому, лишь вопросом времени.

Вместо выводов

Итак, межгосударственная интеграция как экономическая, так и политическая, а также военная – уже в повестке дня.

Объединение, скорее всего, начнется в рамках “связки” ЕвразЭС – ЕЭП (с Украиной или без нее) – ОДКБ. Ибо единая валюта – это, по сути, единая государственность. Опыт евро в данном случае – не в счет. Несколько эмиссионных центров, как в Евросоюзе, на евразийском пространстве, скорее всего, не будет. При объединении экономик в дело вступит фактор исторического опыта. А он у нас базируется на централизации.

На роль “локомотивов” интеграции, вместо Союзного государства России и Белоруссии, все активнее претендует альянс России и Казахстана. Эти государства – самостоятельные с геополитической точки зрения субъекты постсоветского пространства, обладающие ресурсным обеспечением, имеют особое значение с точки зрения функционирования единого оборонного пространства, а также военно-промышленного и космического комплексов, обладают инфраструктурной сетью, что особенно важно для успешного решения проблем безопасности.

Россия и Казахстан, кроме того, накопили большой и, главное, отвечающий условиям современности опыт государственного строительства в условиях национального и религиозного многообразия, превращающий их в общее ядро единого цивилизационного пространства. Исключительная актуальность этого опыта в апреле 2006 г. подтверждена X Всемирным Русским Народным Собором, решения которого составляют идеологическую основу дальнейшего углубления интеграционных процессов.

Перспективы ускоренной интеграции подкреплены углубляющимся кризисом западного мира и неэффективностью созданной им системы глобального управления. А также прогрессирующей деградацией существующего миропорядка и, как следствие, неопределенностью (многовариантностью) того, что идет ему на смену.

Преимущество, которым обладают в этой ситуации наиболее динамичные субъекты мирового сообщества, к которым относится как Россия, так и другие участники интеграционного процесса, налицо.

Примечания

¹ Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 1–4.

² Цит. по Вайсман С. Россия: когда она нужна, ее нет // The New York Times (ИноСМИ.Ru 2000–2006).

³ Примаков Е.М. Новая угроза // Московские новости. 2006. № 12. 7–13 апреля. С. 22.

⁴ <http://www.inopressa.ru/independent/2005/10/05/11:16:27/putin>.

⁵ Ремизов М. Суверенная теократия //

http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=974&do=...

⁶ Материалы совместной пресс-конференции Президентов Российской Федерации и Казахстана В.В.Путина и Н.А.Назарбаева // <http://www.rian.ru/economy/20060405/45326825.html>.

⁷ Конкретным шагом в этом направлении, например, следует считать предложение Президента России В.В. Путина по созданию сети международных центров ядерного цикла по обогащению урана. Наряду с Российской Федерацией, готовность участвовать в этом проекте демонстрируют Казахстан и Узбекистан // Путин В.В. Материалы телевизионной пресс-конференции 31 января 2006 г. // <http://www.regnum.ru/news/581950.html>.

⁸ Рапота Г.А. Интервью // Финансовые известия. 2005. 24 марта.

⁹ <http://www.kommersant.ru/index-news-y.html?id==88717>.

¹⁰ Шатиоров С., Павленко В. Международные аспекты евразийской интеграции // Обозреватель–Observer. 2006. № 4. С. 13–24.

¹¹ Бассам Тибби – известный германский востоковед, занимающийся проблемами иммиграции в Геттингенском университете, считает, что к 2050 г. число мусульман-иммигрантов в Европе увеличится до 40 млн. Приводящаяся им динамика увеличения иммиграционного потока следующая: если в районе 1950 г. в Европу ежегодно приезжало около 1 млн. мусульман, то в 2005 г. их количество превысило 15 млн. // <http://christ4you.ru/modules/news/print.php?storyid=2571>.

¹² ОБСЕ – продукт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Смысл ее существования – обеспечение незыблемости послевоенных европейских границ – был утрачен с объединением Германии, распадом СССР, Югославии и Чехословакии. В нынешнем формате ОБСЕ представляет собой не что иное, как малоавторитетный по европейским меркам инструмент давления на Россию, Белоруссию и другие субъекты евразийского пространства по вопросам демократии и прав человека, а также поддержки в этих странах сторонников либерально-западнических ценностей. Очевидно, что главная цель “Заявления глав государств” в части, касающейся ОБСЕ, – минимизировать ущерб, наносимый этой организацией как интеграционному процессу, в целом, так и его отдельным участникам.

¹³ Путин В.В. Материалы пресс-конференции в Ереване 25 марта 2005 г. // <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/03/85912.shtml>.

¹⁴ <http://ww.kazembassy.ru/issue/?issuelid=640>.

¹⁵ Шатиоров С.В., Павленко В.Б. О современном аспекте советского опыта национально-государственного строительства // Обозреватель–Observer. 2006. № 1. С. 6–13; Они же. Имперская государственность: история и современность // Там же. № 2. С. 6–17.

¹⁶ Права человека и нравственная ответственность. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на X Всемирном Русском Народном Соборе // <http://www.mospat.ru/center.php?page=30688&newwin=1&prn=1>.

¹⁷ О правах и достоинстве человека. Декларация X Всемирного Русского Народного Собора // <http://www.mospat.ru/center.php?page=30728&newwin=1&prn=1>.

¹⁸ Открытый семинар “Полит.Ру”. Фашисты и нацпроекты // http://www.polit.ru/author/2006/04/11tez2_print.html.

¹⁹ Слово Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II при открытии X Всемирного Русского Народного Собора // <http://www.mospat.ru/center.php?page=30687&newwin=1&prn=1>.

²⁰ Из материалов исследования видно, что нарастает количество тех, кто одновременно и поддерживает власть в одних вопросах и относится к ее действиям критично, обвиняя в непоследовательности, в других. Обращает внимание рост настроений в пользу пролонгации президентских полномочий В.В. Путина за рамки второго срока. Причем, в случае экстремального развития ситуации в стране и/или мире, количество сторонников сохранения за ним поста главы государства увеличивается до двух третей. Почти половина

признают за действующим президентом права “назначать преемника”, то есть соглашаются на его уход как бы “скрепя сердце” // <http://www.levada.ru/press/2006041104.html>.

²¹ Программа “Национальный интерес” // Эфир телеканала “Россия”. 2006. 9 апреля.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.Андреев

Немногие даты в Истории выдерживают испытание временем. День государственного воссоединения Германии – 3 октября 1990 г. – заслуживает того, чтобы быть занесенным в “скрижали” Истории. Менее чем через десять месяцев после другой исторической даты – падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. – закончилась эпоха, покоившаяся на послевоенном “статус-кво”: разъединении, расколе, противостоянии. События ноября 1989 г. – октября 1990 г. стали серьезным испытанием и для самих немцев, и для их европейских соседей, и для всей биполярной системы международных отношений, “вращавшейся” вокруг оси противостояния двух сверхдержав.

Стремительные события тех уже далеких дней явились беспримерным экспериментом в мировой истории. Сегодня, по прошествии более 15 лет, настало время подвести кое-какие итоги, поразмышлять о дне сегодняшнем, осмелиться заглянуть в будущее. “Сейчас, видимо, можно говорить только о промежуточном финише, достигнутого Германией на пути своего внутреннего объединения”, – эти слова принадлежали бывшему Правящему бургомистру Берлина Эберхарду Дипгену, одному из свидетелей и участников той политической “стройки века”.

Если по прошествии лет взглянуть на ситуацию с формально-исторической точки зрения, то невозможно не заметить, что “игру” тогда начинали три государства – СССР, ГДР и ФРГ, а заканчивали только два – новая Россия и объединенная Германия. Впрочем, строго говоря, “игра” еще не закончена, ибо органично “вписать” еще не до конца сложившиеся российско-германские отношения, в свою очередь, в еще не до конца сложившуюся архитектуру европейской и мировой безопасности – задача не из легких и не из быстроразрешимых.

Исчезновение ГДР и СССР и выход на европейскую и мировую арену новых субъектов международного права – России и Германии оказали глубокое влияние на последующее становление системы евробезопасности и структуру международных отношений в целом. Как не раз доказывала история Европы, Германия и Россия “обречены” играть на континенте решающую роль в силу многочисленных факторов исторического, геополитического, военного, экономического, культурного и, не в последнюю очередь, ментального характера.

Велика степень “взаимозависимости” наших стран в международных и двусторонних делах. Сегодняшняя относительная Слабость России, заключающаяся, в ее внутривнутриполитической и экономической нестабильности и неспособности пока до конца “пережить” распад СССР, может серьезно осложнить в будущем общеевропейскую ситуацию и, как следствие, наши двусторонние отношения с ведущими европейскими державами. Однако, несмотря на этот пессимистический сценарий, нельзя не согласиться, что в силу своего географического положения, истории, роли “моста” между Западом и Востоком Европы немцы будут серьезно влиять на будущее развитие России.

Россия так же будет оставаться для немцев важнейшим партнером в Европе как в силу договоров, заключенных еще осенью 1990 г. (Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября, Договор о партнерстве от 13 сентября и 9 ноября), так

и в силу объективного удельного веса “восточного колосса” в расстановке немцами своих национальных приоритетов во внешней политике. Для России, и это неоднократно подчеркивалось и подчеркивается (в том числе и на самом высоком уровне), Федеративная Республика остается стратегическим партнером в Европе, что объективно соответствует, уже в свою очередь, российскому “raison d’etat” – причем эта политическая линия сумела пережить и объединение немцев, и распад Советского Союза. Однако сложившаяся на сегодняшний день новая система координат в европейской и мировой политике заставляет обоих партнеров вносить в процесс выстраивания своих взаимоотношений необходимые коррективы.

По прошествии более 15 лет целесообразно в более широком историческом контексте, чем это делалось по “горячим следам” в начале 90-х годов, еще раз проанализировать те драматические и порой неожиданные повороты, которые привели к объединению Германии и окончанию “холодной войны”.

Задача состоит в том, чтобы попытаться дать ответ на вопрос, как и в силу каких причин стали возможными события конца 80-х – начала 90-х годов XX в. и какое воздействие они оказали и продолжают оказывать на облик Европы в начале XXI в.

Оглядываясь на события периода германского объединения и его международное измерение целесообразно остановиться на трех вопросах.

Во-первых, это особая роль треугольника СССР – ГДР – ФРГ в годы “холодной войны” и ее завершающей стадии во второй половине 80-х – начале 90-х годов.

Достигнутая на Потсдамской конференции 1945 г. советско-англо-американская договоренность о том, что Германия должна быть разделена и впредь оставаться политически слабой и зависимой, была, по словам первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, “кошмарным сном” (“Alptraum”). Вместе с тем, Советский Союз после войны всегда опасался, что вставшая на ноги и усилившаяся Западная Германия (вступление в 1955 г. в НАТО, активизация “реваншистов”, проблема Берлина, “доктрина Хальштейна” и др.) вновь начнет “не по-доброму” смотреть на Восток. Созданная в 1949 г.

ГДР должна была, по замыслу тогдашнего советского руководства, противостоять “агрессивным” планам Запада и стать “форпостом” социализма в Европе. Идея, возникшая у советского руководства в конце 60-х – начале 70-х годов и состоявшая в том, что ГДР достигла определенного уровня стабильности, позволяющего ей начать политику сближения с ФРГ, посеяла, наряду с разрядкой и сближением СССР с ФРГ, зерна недоверия в бесприммерно крепкие до того советско-восточногерманские отношения и отчасти дестабилизировала внутривосточную обстановку в “первом государстве рабочих и крестьян на немецкой земле”.

Перестройка второй половины 80-х годов и интенсификация советско-западногерманских контактов, критика руководством ГДР советской внутренней и внешней политики вывели ситуацию в этом “треугольнике” из-под контроля и во многом явились предпосылкой событий 1989–1990 гг., объединения Германии и распада ОВД, чему способствовало историческое заявление СССР об отказе использовать силу при решении спорных внешнеполитических вопросов как внутри самого Варшавского договора, так и в целях его сохранения.

Вторая тема – процесс германского объединения и механизмы принятия решений по этому вопросу как в самом СССР, так и в созданных для этого межсоюзнических структурах с участием обоих германских государств.

Несмотря на исторические события 9 ноября 1989 г., когда рухнула Берлинская стена, ни ведущие политики в ФРГ и ГДР, ни советские руководители не могли предположить, что менее чем через 11 месяцев немцы обретут государственное единство. Реальностью были два германских государства с различными общественно-политическими системами и внешнеполитической ориентацией, принадлежностью к противостоящим друг другу военно-политическим блокам, дислокацией на их территориях иностранных войск, стоящих в буквальном смысле слова “друг против друга”.

Более того, перспектива объединения увязывалась тогда политиками и экспертами с очень серьезными рисками и опасностями. Большинство западных немцев “свыклись” с фактом раскола и наслаждались достижениями своей развитой экономики и отлаженной социальной системы.

Вдохновители “перестройки” в СССР полагали, что возможно реформирование “социализма” и в самой ГДР, “толчком” к чему послужила отставка Э.Хонеккера (октябрь 1989 г.) и замена его более молодым и готовым на реформы Э.Кренцем. Однако события развивались с такой быстротой, что в период с ноября 1989 г. по июль 1990 г. (когда было принято окончательное решение о членстве объединенной Германии в НАТО) Советскому Союзу оставалось только “реагировать и поспевать” за ними без возможности оказывать на их ход какого-либо существенного влияния. Тогдашний министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер писал о переломе 1989–1990 гг.: “Непроницаемая, плотная завеса облаков десятилетиями заслоняла звезду германского единства; затем она на короткое время разошлась, звезда стала обзримой и мы ее ухватили”¹.

Известный британский публицист Тимоти Гартон Эш охарактеризовал события 1989–1990 гг. следующим образом: “Это было время, когда десять месяцев вместили больше событий, чем обычно вмещают десять лет”. По его словам, этот “бег навстречу друг другу и наскок друг на друга (обоих немецких государств – Авт.)” был “санкционирован переговорами великих держав”².

Объединение Германии разделило в то время политиков, дипломатов, журналистов, общественность на два лагеря, поляризовало их мнения.

Известный немецкий политический обозреватель К.Кайзер назвал его “величайшим триумфом в дипломатии послевоенного времени”³, бывший министр иностранных дел СССР А.Бессмертных – “одним из наиболее ненавистных событий в истории советской внешней политики”⁴.

По прошествии 15 с лишним лет все-таки представляется, что после ноября 1989 г. и особенно первых свободных выборов в законодательные органы власти ГДР в марте 1990 г. все уже было определено заранее. Однако многие немецкие и отечественные политики, принимавшие непосредственное участие в событиях того времени, до сих пор удивляются тому факту, что “суматошные перемены не превратились в кровавую баню” или, по меньшей мере, не переросли в новую фазу холодной войны”⁵.

О драматичности событий 1989–1990 гг. свидетельствуют такие факты, что порой даже первые лица стран, отвечавших за послевоенную судьбу Германии, не всегда, мягко говоря, адекватно оценивали обстановку. Так, Франсуа Миттеран следующим образом спонтанно отреагировал в одной из частных бесед на падение Берлинской стены: “Эти люди играют с мировой войной”.

За месяц до этого он доверительно делился со своим советником по внешнеполитическим вопросам Жаком Аттали: “Те, кто говорят о германском объединении, не понимают абсолютно ничего. Советский Союз его никогда не допустит. Это означало бы смерть Варшавского пакта. Вы можете себе это представить? Ведь ГДР – это Пруссия. Она никогда не захочет попасть под контроль Баварии”. В феврале 1990 г. он взволнованно заявляет: “Горбачев говорит мне, что он будет оставаться твердым, а сейчас он уступает во всем!”.

Когда Ф.Миттеран в мае 1990 г. посетил Советский Союз с официальным визитом, то он был уверен, что Горбачев попросит его о поддержке в противодействии германскому объединению: “Я бы ее ему с удовольствием оказал, если бы я знал, что он стоит на своем. Но зачем мне ссориться с Колема, если через три дня Горбачев отвернется от меня? Это бы означало мою полную изоляцию”. Несмотря на то, что Ф.Миттеран понимал, что позиция Франции будет отличаться от представлений других союзных держав о формах, темпах объединения и статусе новой Германии, он все же рискнул предложить Горбачеву, что Германия, хотя и будет оставаться членом НАТО после объединения, тем не менее не должна входить в ее военную организацию”⁶.

К этому времени такая позиция Франции наталкивалась уже на непреклонность США, Великобритании и самой ФРГ. Она становилась явно запоздалой и неактуальной, и это несмотря на то, что еще за несколько месяцев до этого, в конце 1989 г., США не желали каких-либо изменений на европейском политическом поле и радовались тому, что ФРГ уже 40 с лишним лет пребывает в НАТО. Более того, американцы опасались возможных дискуссий с СССР по вопросу нового международно-правового и блокового статуса объединенной Германии.

Великобритания и та же Франция, хорошо памятуя о событиях последней войны, приветствовали набиравшие силу интеграционные процессы в Западной Европе с участием легко предсказуемой и разделенной надвое Германией.

Но ни одно государство мира не потеряло с объединением Германии больше, чем Советский Союз. “Разделенная” Германия лежала в основе послевоенной советской европейской концепции безопасности. В ГДР несли боевую службу лучшие, самые боеспособные части и соединения советских Вооруженных Сил. ГДР считалась ближайшим союзником и главным торговым партнером СССР в СЭВ, “витриной социализма” с самыми эффективными во всем социалистическом лагере экономикой и социальной сферой.

Международно-правовой аспект феномена 1989–1990 гг. заключается в том, что четыре союзные державы и оба германских государства были “переплетены” между собой и “вплетены” каждый в целую сеть соглашений и договоров, закреплявших раскол Германии и делавших эту модель хорошо управляемой. Несмотря на периодические вбрасываемые Западом “лозунги” о необходимости преодоления раскола Германии, все союзные державы смирились со “статус-кво” и даже были им довольны по принципу: “от добра, добра не ищут”. Тем не менее стремительные перемены с октября 1989 г. (отставка Э.Хонеккера) по октябрь 1990 г. (3 октября 1990 г. – день объединения Германии) – сделали так, что от “статус-кво” не осталось ровным счетом ничего, кроме истории. Мировая история знает немного примеров такого “обвального” прекращения действия целого ряда договоров, являвшихся “становым хребтом” системы международных отношений на важнейшем с политической точки зрения континенте мира.

Целесообразно проследить, как были преодолены практические барьеры и глубоко “засевший” страх перед объединенной Германией, показать, что объединение Германии положило конец “холодной войне”, проанализировать, почему у СССР не нашлось тогда стратегии поведения, способной управлять событиями, а не бежать вслед за ними. В обстановке потери контроля над ситуацией советское руководство отчаянно хваталось за “соломинку”: оно начало торг об экономических уступках Бонна в качестве “отступного” за объединение Германии и ее членство в НАТО, обсуждало размеры компенсации за вывод к концу 1994 г. Западной группы войск с территории Восточной Германии, спешно договорилось о достойном будущем советских военных мемориалов и захоронений в восточной части страны.

События тех дней хоть и позволили Германии превратиться сегодня в главного и безальтернативного европейского партнера России в политике, экономике, культуре и т.д., но и закрепили за ней право играть первые роли в сегодняшней Центральной и Восточной Европе, да и на европейском постсоветском пространстве. С горькой иронией приходится цитировать западных аналитиков, придерживающихся мнения, что “Горбачеву и Шеварднадзе удалось “возродить” два новых государства: Германию (путем объединения ФРГ и ГДР – Авт.) и Россию (путем развала СССР – Авт.) и, причем, первую в качестве великой державы”⁷.

И, наконец, третий, и, возможно, важнейший аспект – последствия объединения Германии и распада Советского Союза и всего “восточного” блока для сегодняшней европейской безопасности. К сожалению, нельзя не признать, что к политико-идеологическому вакууму, возникшему в начале 90-х годов в Восточной Европе, странах Балтии и европейских странах СНГ, немцы, по сравнению с Россией, оказались подготовленными несравненно лучше. Новая ФРГ быстро вписалась в концепцию США,

Великобритании и других стран Запада, предусматривавшую расширение НАТО и Евросоюза на Восток в контексте общеевропейского “мультилатерализма”. Россия оказалась не готова к такому повороту событий и выступила против любой экспансии западных структур в направлении своих границ. Это проявилось особенно ярко после отставки занимавшего позицию уступок и компромиссов с Западом министра иностранных дел России А.Козырева и вставшего у руля отечественной внешней политики Е.Примакова (1996 г.) с его концепцией “многополярности” мира. Сегодня “центр тяжести” европейской политики смещается на Восток континента – вопрос в том, как сбалансировать, выровнять интересы восточноевропейцев (как вступивших в НАТО, так и остающихся пока за ее пределами), Балтии, европейских стран СНГ и самой России с учетом если не решающей (не будем забывать и о США), то ключевой роли давно сформировавшейся и ставшей, по сути, единой западной части Старого света.

У Германии в этом процессе появилась уникальная роль. Чисто географически, (геополитически, цивилизационно) она находится между Западом и Востоком Европы, причем уникальность ситуации заключается в том, что водораздел, именуемый “железным занавесом”, в течение 40 с лишним лет проходил по ее “телу” и делал Германию своеобразной “сцепкой” двух частей континента. После объединения этот “германский мост” еще более укрепился – не в последнюю очередь в связи с перемещением центра политической активности с Рейна на Шпрее.

Некоторые исследователи склонны считать, что Германии в какой-то мере не повезло. Так, известный немецкий историк Грегор Шёлльген полагает, что во внешнеполитическом плане Германия сегодня так же “ограниченно дееспособна, как и полвека назад”, то есть в момент основания ФРГ. Тогда это было связано с послевоенным оккупационным режимом и ответственностью союзников за ее действия, а сегодня, после снятия этого режима в 1990 г., с единственной “военной супердержавой – США”, когда “ни одна страна, в том числе и ни одна великая держава в современном понимании, не может более проводить автономную и суверенную внешнюю политику”.

По мнению Г.Шёлльгена, “в своей внешней политике ФРГ предписывают использовать ту свободу действий, которую открывают сегодняшние рамочные условия”.

Тенденцию все большей зависимости процессов мировой политики от внешнеполитических установок США “не могут скрыть даже отдельные не всегда вписывающиеся в них акции бывших великих держав или громкие декларации стран, пытающихся заявить о себе”⁸.

С другой стороны, ни одно другое государство Европы за годы “холодной войны” не приобрело такого ни с чем не сравнимого опыта и умения действовать в “рамках возможного”, осознавать и распознавать границы этого “возможного”, принимать их как данность и использовать в своих интересах, как Германия. Это умение вновь вернуло немцам роль лидера на континенте, но и возложило на них особую, с учетом их прошлого ответственность за формирование безопасного всеобъемлющего миропорядка в Европе, где бы учитывались интересы и больших, и малых народов.

Этот миропорядок, в свою очередь, зависит далеко не в последнюю очередь от российско-германских отношений, связанных на сегодняшний день с удачным или ошибочным поиском своей “национальной идентичности”, который несет в себе в равной степени заряд надежды и риска. В этой связи появляется опасность выстраивания “национальной идеи” на “национальной”, культурно-этнической и историко-этнической основе. Так, существует опасение, что “в посткоммунистической Европе это уже привело к войнам на Балканах и в отдельных регионах бывшего Советского Союза”, а возвращение России “к своей исторической идентичности способно обострить националистические тенденции и в самой Германии”⁹.

Наследие прошлого еще способно, к сожалению, омрачать “поиск своего лица” нашим обоим странам, ибо укрепление собственной государственности ранее нередко происходило за счет ущемления прав других народов, территориальных приращений, подавления свобод,

насаждения режимов террора и насилия.

Однако даже недавняя история к всеобщему оптимизму знает и другое. Разве возможно было бы столь “бархатное” объединение Германии, и, в частности, события 1989–1990 гг., если бы в 1970–1973 гг. западные немцы не сумели трезво оценить международные реалии в мире и не принять тот “статус-кво”, который был изменен в своей “сердцевине” именно достижением германского единства?

Была бы возможна “новая восточная политика” и приемлемо было бы для западных союзников ФРГ создание условий для более широкого внешнеполитического маневра Бонна, если бы за полтора десятка лет до этого не начался процесс экономического объединения Европы при Аденауэре, в котором Западная Германия играла одну из ведущих ролей, и начало которому положила немецкая катастрофа во Второй мировой войне?

События последних 55 лет в Европе, несмотря на их неоднозначность, все же иллюстрируют те позитивные объединительные эволюционные процессы, которые продолжаются сегодня в “расширенном составе”.

Важной предпосылкой конструктивного российско-германского диалога в XXI в. станет, как представляется, способность нового послевоенного поколения политиков и общественности обеих стран, с одной стороны, интегрироваться в единое политико-экономическое пространство, а с другой – “подняться” над всей предшествующей историей двусторонних отношений для создания новой базы для взаимодействия, максимально свободной от негативного опыта Второй мировой и “холодной” войн.

От этого будет зависеть и европейское будущее.

Здесь уместно вспомнить о сравнении России и Германии с “двумя цыплятами в одной скорлупе”, сделанном почти сто лет назад В.Ульяновым-Лениным, а также вывод о том, что “у немцев необходимо учиться”⁹. И действительно, послевоенный опыт немцев при переходе от гитлеровской диктатуры к демократии и социально-ориентированной рыночной экономике, успех экономической реформы канцлера Л.Эрхарда достойны того, чтобы, по меньшей мере, брать этот опыт на вооружение.

Сегодня отношения России и Германии – это своеобразное состояние между “прошлым и будущим”. Ушло с политической сцены поколение политиков, чья ментальность в отношении противной стороны формировалась категориями войны и послевоенного противостояния: Горбачев, Ельцин, Коль, Геншер. От того, какую позицию займут политики послевоенной генерации, от их мыслей, действий, реакций, будет зависеть, какой вектор развития зададут в своих отношениях Россия и Германия. Важно, чтобы уроки прошлого столетия помогли обоим партнерам мирно сосуществовать и сотрудничать в новом веке. И здесь велика роль нынешних лидеров обеих странах президента России В.В.Путина и канцлера ФРГ А.Меркель.

И последнее. Перенос столицы Германии в Берлин в 1999 г. и превращение Федеративной Республики из “боннской” в “берлинскую” ускорили процесс, начавшийся с падением стены в Берлине, а именно – осознание немцами того факта, что их страна превратилась в полноценного и полноправного члена европейской семьи народов и одновременно взяла на себя вытекающие из этого права, обязанности и ответственность перед своими соседями и партнерами. Привлечение немецких вооруженных сил к участию в совместных, в том числе и миротворческих, военных акциях на Балканах (при всем негативном отношении в целом к акту агрессии НАТО в Югославии в 1999 г.), в Афганистане, Африке и т.д. говорит о том, что, по меньшей мере, западноевропейские страны и США – как бывшие союзники Советского Союза по “антигитлеровской коалиции” – уже подвели окончательную черту под прошлым Германией. Германия, в свою очередь, охотно “вживается” в новую роль. Пребывание у власти в 1998–2005 гг. молодой амбициозной “команды” из СДПГ и “зеленых” позволяло немцам без робости и оглядки назад, как это было при демохристианах в 80–90-е годы чаще говорить о патриотизме и национальных интересах, не забывая при этом давать отпор правому экстремизму в лице НДПГ и ННС. Сегодня, когда у руля в ФРГ большая коалиция ХДС/СДПГ

западноевропейские партнеры Германии связывают с ней свои надежды на европейское объединение как со страной, преодолевшей внутренний раскол и государством, лежащем в “сердце” континента и продемонстрировавшем способность мирно объединить две его части.

В свою очередь, нынешний курс России на укрепление собственной государственности, продолжение реформ в экономике и социальной сфере при одновременном отходе от “олигархического” капитализма, поиск настоящей, а не мнимой национальной идеи, “накопление ресурсов” и преодоление институциональных слабостей, “прагматизация” внешней политики должны, видимо, и далее импонировать руководству ФРГ. В ФРГ хорошо осведомлены о трудностях, переживаемых Россией, и готовы активно содействовать ей по всем направлениям в их преодолении. Особая роль отводится энергетическому диалогу двух стран и проблеме укрепления глобальной энергетической безопасности, совместной борьбе с такими общемировыми вызовами, как бедность, инфекционные болезни, терроризм, распространение нар- котиков.

Безусловно, Россия обязана сама определиться в своих внутри- и внешнеполитических ориентирах. Однако традиционная заинтересованность Германии в поддержании высокой “планки” двустороннего взаимодействия сохранит за ней особую роль в формировании будущего облика России и содействии становлению в России экономически сильного, демократического, правового государства.

Россия, сыгравшая решающую роль в обретении немцами единства, имеет сегодня неплохие возможности для того, чтобы экономический потенциал Германии “работал” на укрепление ее национальной экономики, а внешняя политика ФРГ оставалась предсказуемой, направленной на продолжение процесса объединения Европы с учетом интересов всех вовлеченных в него государств, а также максимально учитывающей интересы России в диалоге с Евросоюзом, ОБСЕ, Советом Европы, ООН и особенно в свете идущей сегодня дискуссии о расширении ее Совета Безопасности, в том числе, возможно, за счет приобретения ФРГ места его постоянного члена.

Примечания

¹ “Der runde Tisch”. Kiessler/Elbe. S. 14.

² Ash G. Im Namen Europas. S. 502.

³ Kaiser K. Deutschlands Vereinigung. S. 16.

⁴ Бессмертных А. Цит. по: Beschloss/Talbott. Auf hochster Ebene. S. 317.

⁵ Интервью с Колем, Геншером, Тельником, Шеварднадзе, Дашичевым, Португаловым и Эппельманом // Kuhn. Gorbatschow und die deutsche Einheit. S. 7–11.

⁶ Attali J. Verbatim. S. 241, 369, 337, 313, 416, 495.

⁷ Stent A. Rivalen des Jahrhunderts. 2000. S. 15, 16.

⁸ Schollgen G. Die Aussenpolitik der BRD. C.H.Beck, 1999. S. 16.

⁹ Цит. по: Semjonow W. Von Stalin bis Gorbatschow, 1995. S. 204.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В ЗАМКНУТЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Ю.Бойко,

доктор медицинских наук, кандидат юридических наук,
профессор (Дипломатическая Академия МИД России)

В.Лебедев,

доктор психологических наук,
кандидат медицинских наук, профессор

В своей профессиональной деятельности сотрудники посольств, консульств и дипломатических миссий образуют так называемые “малые коллективы”, в которых его члены находятся в состоянии вынужденного общения при фактическом постоянстве состава.

Такая “замкнутая на себя” группа, хотя и подчиняется общим законам развития малых коллективов, но имеет целый ряд особенностей, связанных, прежде всего, со значительной групповой изоляцией, которая, как доказано многочисленными исследованиями отечественных и зарубежных ученых, очень быстро (в течение 2–3 мес.) приводит к нарастанию в коллективе межличностной напряженности, приводящей к внутренней враждебности и появлению в коллективе значительного числа “отверженных” и “изолированных”, что неминуемо приводит к конфликтным ситуациям.

Это положение усугубляется сложностью структуры взаимоотношений в дипломатии: при жесткой иерархической подчиненности и однозначно определенной формальной организации в дипломатических коллективах существует значительное число неформальных лидеров, многие из которых имеют официальные полномочия, большинство сотрудников обладают высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, что делает их яркими индивидуальностями, далеко не всегда толерантными к чужой точке зрения и умеющими работать в команде. В такой ситуации действия руководителя при конфликте становятся крайне важными, так как неправильное его поведение или недооценка значимости происходящего могут привести к выходу ситуации из-под контроля с самыми непредсказуемыми последствиями.

Конфликт – это столкновение противоположных интересов на почве соперничества при отсутствии взаимопонимания, связанное с острыми эмоциональными переживаниями. Это, безусловно, чрезвычайно сложное и противоречивое явление, имеющее как позитивную, так и негативную составляющие. Поэтому целью руководителя малого коллектива должно быть не только разрешение конфликтной ситуации, а перевод её из негативной в позитивную плоскость, управление конфликтом и использование его для выполнения коллективом поставленных задач.

Конфликт состоит из объекта, участников, конфликтной ситуации и инцидента.

Объект конфликта – это социальное явление, вызвавшее данную конфликтную ситуацию. Он может быть материальным и психологическим. Объект всегда значим для участников конфликта, хотя эта значимость может быть крайне субъективной и далеко не всегда обусловленной рабочей ситуацией.

Участники конфликта – это лица, группы лиц и даже целые структурные

подразделения. Каждый из участников претендует на единоличное манипулирование объектом. Наличие объекта и участников конфликта формируют конфликтную ситуацию.

Однако наличие конфликтной ситуации не предусматривает автоматического возникновения конфликта. То есть конфликт может быть только потенциальным и при благоприятном развитии событий и грамотных действиях руководителя не реализоваться. Для того чтобы конфликт перешел в реальную плоскость, необходим инцидент, то есть определенные действия одного из участников, направленные на объект и ущемляющие интересы другой стороны (или других сторон). При этом представления участников конфликта о себе, противоположной стороне, объекте и условиях конфликта, как правило, далеки от объективности и носят “идеальный” характер. Эти представления получили название “образов конфликтной ситуации”. То есть конфликтное поведение определяется не реальностью конфликта, а образами конфликтной ситуации как субъективной оценкой участниками сложившейся ситуации.

Конфликт в любом коллективе подчиняется общим закономерностям. Оптимальной схемой анализа конфликта и управления им является “сетка Томаса”.

Для анализа конфликта им была применена двухмерная модель:

- по вертикали выражена степень напористости при защите собственных интересов;
- по горизонтали – степень склонности к кооперации и внимание к интересам оппонентов.

В соответствии с этими характеристиками, К.Томас выделяет следующие пять основных способов управления конфликтами:

1. Соревнование (конкуренция) как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам противоположной стороны;
2. Приспособление как принесение в жертву собственных интересов ради интересов противоположной стороны;
3. Компромисс;
4. Избегание (уклонение) как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей;
5. Сотрудничество как создание альтернативы, удовлетворяющей обе стороны, за счет взаимных уступок участников конфликта.

В предложенной классификации нет однозначно плохих или однозначно хороших способов управления конфликтами, многое зависит от конкретной ситуации, от конкретных участников и от конкретной проблемы. Но при этом, у каждого подхода есть определенные закономерности, которые проявляются во всех случаях:

- при избегании конфликта ни одна из сторон не достигает успеха;
- при соревновании, приспособлении и компромиссе либо один оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, либо оба участника конфликта проигрывают, так как идут на уступки, которые не разрешают конфликтную ситуацию, а лишь сглаживают ее остроту;
- сотрудничество – единственный выигрышный способ для всех сторон, так они пытаются выйти на принципиально новый, конструктивный уровень решения проблемы.

Соревнование предполагает активные действия и самобытный, самостоятельный путь выхода. Наиболее эффективен этот способ в условиях:

- когда исход очень важен для вас;
- когда вы обладаете достаточным авторитетом и властью;

- когда вы находитесь в критической ситуации, которая требует быстрого, даже мгновенного реагирования;
- когда у вас нет иного выбора;
- когда вы не можете дать понять группе людей, что находитесь в тупике, тогда как кто-то должен повести их за собой.

Избегание (уклонение) эффективно в условиях:

- когда затрагиваемая проблема не столь важна для вас;
- когда вы чувствуете свою неправоту и правоту другого, к тому же если он обладает большей властью;
- когда вы общаетесь со сложным собеседником;
- когда вы пытаетесь принять решение, но не знаете, что предпринять;
- когда у вас недостаточно информации по проблеме;
- когда велика напряженность и нужно ее сбросить;
- когда вам нужно выиграть время.

Приспособление эффективно в условиях:

- когда вы чувствуете, что, немного уступая, вы теряете мало;
- когда надо смягчить ситуацию;
- когда вы понимаете, что итог намного важнее для другого, чем для вас;
- когда правота не на вашей стороне.

Компромисс наиболее эффективен в условиях:

- когда у участников конфликта одинаковая власть, и они имеют взаимоисключающие интересы;
- когда требуется быстрое или временное решение;
- когда другие подходы оказались неэффективными;
- когда компромисс позволяет сохранить взаимоотношения.

Сотрудничество, в отличие от компромисса, достигается на более глубоком уровне и требует гораздо больше времени и активного участия в разрешении конфликта. Этот стиль наиболее эффективен в условиях, когда:

- решение проблемы очень важно для обеих сторон;
- у вас тесные и длительные взаимоотношения;
- у вас есть время поработать над проблемой;
- обе стороны имеют одинаковую власть или хотят проигнорировать различия в обладании реальной властью.

В любом конфликте существуют, как правило, три пути его разрешения:

- самый легкий, но не всегда реальный – изменить себя или изменить свое отношение к проблеме;
- самый трудный, а поэтому и практически нереальный – изменить оппонента, его мнение, повлиять на него в нужном нам направлении;
- самый оптимальный и реальный: найти взаимоприемлемый вариант решения проблемы и бороться за его реализацию.

Возможные пути разрешения конфликта заключаются в поиске ответов на вопросы:

- Что бы я сделал для разрешения конфликта?
- Что мог бы сделать для этого партнер?
- Каковы общие цели, во имя которых необходимо найти выход из конфликта?

При этом вам следует:

- проявить внимание и доброжелательность к собеседнику;
- проявить терпимость к особенностям партнера, показать свое искреннее сочувствие;
- быть сдержанным, контролировать свои движения, речь, мимику;
- попытаться понять, что именно привело человека в его нынешнее состояние, каковы его явные или скрытые мотивы;
- дать собеседнику полностью выговориться, внимательно выслушать его; хороший эффект дает техника прямого повтора, интерпретации или обобщения услышанного – тем самым человеку дают понять, что его услышали;
- отвлечь внимание партнера от болезненного вопроса хотя бы на короткое время, при этом могут быть использованы любые приемы – от просьбы пересесть на другое место, позвонить, записать что-то до высказывания какой-нибудь нелепой мысли, шутки;
- подчеркнуть общность ваших интересов, целей, задач;
- высказывать собеседнику не готовые оценки и мнения, а свои чувства, вызываемые его словами; это заставит вашего партнера отвечать вам не односложно, а развернуто, мотивировано, с пояснением своей позиции;
- прежде чем отвечать на критику, замечания, упреки, нужно четко уяснить, что конкретно имеется в виду; вы должны быть уверены, что правильно все поняли.

Хотя в каждом отдельном случае причина конфликта совершенно конкретна, все конфликты имеют сходную основу: фактическое положение дел находится в противоречии с ожиданиями людей. Если это так, то можно наметить два стратегических пути разрешения конфликта: либо перестроить реальность под ожидания оппонентов, либо попытаться изменить отношение оппонентов к существующему положению дел.

В практике управления конфликтом чаще всего нужно действовать одновременно по обоим направлениям.

1. Создайте атмосферу сотрудничества.

С момента первой встречи конфликтующих сторон и затем в начале каждой последующей встречи стоит провести несколько минут в неофициальной беседе.

2. Стремитесь к ясности общения.

Подготовьте к переговорам необходимую информацию. С самого начала договоритесь о терминологии, чтобы исключить разное понимание одних и тех же слов.

3. Признайте наличие конфликта.

Как ни странно, это бывает труднее всего.

4. Договоритесь о процедуре.

Если конфликт признан и очевидно, что он быстро не решается, то вместо того, чтобы продолжать бесплодные споры, договоритесь, где, когда и как начнете совместную работу по его преодолению.

5. Сформулируйте проблему конфликта.

Главная задача здесь заключается в том, чтобы определить конфликт в терминах той обоюдной проблемы, которая подлежит урегулированию. Уже на этой стадии нужно подходить к ней как к “нашей” проблеме – это сразу определит дух сотрудничества.

Обе стороны должны высказаться о ситуации. В чем они видят конфликт. Какие

чувства у них это вызывает, и в особенности – как каждый оценивает свой вклад в конфликтную ситуацию.

Не менее важно выяснить также и то, что каждая из сторон не видит и не признает, то есть выяснить соответствие “образов конфликтной ситуации” всех участников конфликта реальному положению дел.

Зачастую причина конфликта заключается в недостаточной информированности участников, получении ими умышленно или случайно искаженной информации. В этом случае достаточно бывает введения их в курс реального положения дел, чтобы снять конфликтную ситуацию.

Необходимо, насколько это возможно, отстраниться от скрытых интересов и личных амбиций. С этой целью необходимо сосредоточиться на конкретных действиях, потребностях сторон и спорных предметах, стремясь не переходить на личности. Вряд ли стоит обсуждать побуждения людей или обнаруживать в поведении личные мотивы.

6. Исследуйте возможные варианты решения.

7. Добейтесь соглашения.

Здесь нужно обсудить и дать оценку высказанным предложениям, а затем выбрать наиболее приемлемое. Естественно, оно должно учитывать требования обеих сторон, то есть быть соглашением.

Иногда бывает достаточно одной встречи и самого факта обсуждения, чтобы уладить разногласия. В других случаях, когда предмет более важен и сложен, может потребоваться несколько этапов переговоров.

8. Установите крайний срок решения.

Если не поставить строго определенный срок, переговоры по конфликту могут тянуться очень долго. Когда же поставлен временной предел, стороны будут строить работу, исходя из него. Важно только, чтобы эти сроки были согласованы и приняты всеми участниками конфликта.

9. Воплощайте план в жизнь.

Желательно приступить к мерам по урегулированию конфликта как можно скорее после заключения соглашения. Отсрочки могут вызвать сомнения и подозрения сторон друг к другу.

10. Оцените принятое решение.

При разработке самого удачного соглашения по урегулированию конфликта могут остаться обделенные или обиженные.

Руководитель малого коллектива в условиях его групповой изоляции, кроме выполнения своих основных обязанностей, вынужден разрешать возникающие в ходе работы конфликтные ситуации, быть судьей и посредником при их разборе.

Для успешного перевода неуправляемого негативного конфликта в управляемый позитивный, руководитель, кроме рассмотренных выше действий, должен предпринять следующие шаги:

1. Проанализировать конфликт.

При этом следует помнить, что чем раньше руководитель вмешивается в конфликтную ситуацию, тем выше шансы на позитивное разрешение конфликта. По данным С.И.Самыгина и Л.Д.Столяренко, если руководитель вмешивается в конфликт в начальной фазе, то он разрешается на 92%, в то время как при вхождении в конфликт на конечной его стадии – на 2%.

2. Обязательным условием является открытая декларация собственного нейтралитета и беспристрастности к участникам конфликта, подчеркивание первостепенной значимости интересов дела, а не личностных амбиций.

3. Необходимо добиться максимального сокращения объекта конфликта и числа претензий сторон.

4. Руководитель не должен высказывать какие-либо претензии или как-то ущемлять инициатора конфликта. Во всяком случае, до его разрешения.

5. Необходимо определить наиболее эффективный метод управления и разрешения конкретного конфликта.

В ходе реализации этого метода необходимо предложить сторонам несколько собственных вариантов решения проблем.

Методы разрешения конфликта могут быть прямыми (когда стороны непосредственно общаются друг с другом в присутствии руководителя) и косвенными (когда участники конфликта общаются с руководителем индивидуально, а для разрешения конфликта привлекаются третьи лица, пользующиеся авторитетом в коллективе). Если конфликт не удается разрешить или перевести в конструктивное русло, сделать управляемым, то руководитель обязан прибегать к санкциям. Причем диапазон таких санкций может быть весьма широк – от устных замечаний до административных взысканий и кадровых перестановок.

Учитывая специфику рассматриваемых учреждений (дипломатических служб, торговых представительств, общественных некоммерческих организаций за рубежом и т.д.), необходимо отметить, что в любых конфликтных ситуациях внутри коллектива руководитель вынужден принимать самостоятельные решения по их урегулированию или, при возможности, советоваться с вышестоящими инстанциями, а с учетом специфики работы руководителю не целесообразно обращаться за помощью к третьим лицам – психологам, конфликтологам и т.д. Поэтому знание основных закономерностей развития конфликтной ситуации и способов перевода неуправляемого конфликта в управляемый, а негативного – в позитивный для руководителей подобных служб имеет столь большое значение.

УПРАВЛЕНИЕ СИЛАМИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧС

Правовые основы

В.Середа,
кандидат юридических наук

Исторический опыт использования Вооруженных Сил, других воинских формирований, структур правоохранительной системы в особых условиях, особенно в локальных войнах, региональных вооруженных конфликтах показывает, что чем совершеннее система подготовки, принятия и реализации норм права, тем с большей результативностью и эффективностью работает вся задействованная система сил обеспечения безопасности и звенья, ее составляющие, на всех уровнях управления.

Проблемам правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности в последние годы было уделено большое внимание рядом отечественных ученых.

Значительным событием для ученых и специалистов, исследующих проблемы обеспечения национальной безопасности Российского государства, явилась подготовка и издание коллективом ученых Академии ФСБ России монографии на тему “Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации”, в которой всесторонне исследовано современное состояние безопасности страны и сформулированы основные направления решения накопившихся правовых проблем в этой области¹.

Правовое регулирование, прежде всего в сфере государственного управления, также достаточно подробно изложено в работах Г.В.Атаманчука, в которых всесторонне рассмотрены сущность, предмет, метод, формы и структура управления². Однако здесь не затрагиваются вопросы правового регулирования управления деятельностью федеральных органов исполнительной власти в чрезвычайных ситуациях.

Следует учесть, что проблемы совершенствования правовых основ управления деятельностью отечественных сил обеспечения безопасности, прежде всего в локальных войнах и вооруженных конфликтах, в том числе за пределами территории Российской Федерации, стала актуальной за последние годы в истории современной России.

Правовое регулирование управления задействованными в чрезвычайных ситуациях (ЧС) силами и средствами обеспечения безопасности призвано определить их роль и место в функционирующей системе, направления оперативно-служебной деятельности, круг полномочий и обязанностей участников совместной деятельности и обеспечить реализацию возлагаемых на них функций в соответствии с действующими законодательными и иными правовыми актами.

При этом следует учитывать, что успехи и ошибки в рассматриваемых условиях также имеют тенденцию к изменению. Крупные успехи на федеральном уровне обычно приводят к коренному перелому в развитии обстановки. В такой же мере любые стратегические просчеты могут оказаться роковыми.

Отсюда исключительно важное значение приобретает создание эффективной системы руководства, особенно на стратегическом уровне, оказывающей большое влияние на ход и

исход действий всей совокупности силовых структур и системы их жизнеобеспечения в чрезвычайных ситуациях.

Правовые основы управления деятельностью силами обеспечения безопасности в этих условиях представляет собой сложную структуру правовых актов законодательного характера, подзаконных актов высших органов государственной власти и управления, ведомственных и межведомственных нормативно-правовых документов, непосредственно регламентирующих их деятельность в чрезвычайных ситуациях, а также межгосударственных соглашений в рамках СНГ, обеспечивающих совместную согласованную деятельность указанных субъектов в правоохранительной сфере.

Реализация Концепции построения правового государства на основе принципа разделения властей актуализирует проблему совершенствования правового регулирования их деятельности в данных условиях.

Для оценки современного состояния правовой регламентации участия тех или иных структурных подразделений сил обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях и управления их деятельностью целесообразно сделать анализ основополагающих правовых актов Российской империи, Союза ССР и России, затрагивающих эту сферу. Данный подход позволяет критически и всесторонне оценить нынешний уровень правотворчества в этой специфической области и выработать наиболее оптимальные пути его совершенствования.

Как известно, события революции 1905 г. вынудили правящую элиту Российской империи пойти на меры, связанные с совершенствованием системы органов государственной власти в стране, в том числе образование Государственной Думы, а также внесение поправок в Свод Основных государственных законов Российской империи.

Так, в соответствии со ст.ст. 13–15 Свода в новой редакции от 23 апреля 1906 г. русский император объявлял войну, переводил войска на военное положение, объявлял местности на военном или исключительном положении, устанавливал ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

В этих целях в порядке верховного управления он издавал в соответствии с законами указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов³.

Результаты проведенного исследования показывают, что в действиях дореволюционных органов власти преобладал директивно-распорядительный подход к решению возникающих проблем, связанных с использованием армии, сил МВД по локализации кризисных ситуаций, возникших внутри страны.

В частности, в связи с начавшимися событиями в Петрограде Николай II из Ставки направил 25 февраля 1917 г. командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову телеграмму следующего содержания: “Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...”⁴.

Войскам и полиции было приказано стрелять в демонстрантов. Указанные меры носили запоздалый характер и не способствовали стабилизации обстановки в столице.

Директивно-распорядительный подход имел место и в действиях руководства Советского государства. Слом старой государственной машины, чрезвычайная ситуация, сложившаяся в стране, потребовали выработки и принятия кардинальных решений, которые бы способствовали консолидации сил, созданию необходимых условий для изменения ситуации в РСФСР. Эти меры нашли свое отражение в Первой Советской Конституции, принятой съездом Советов в июле 1918 г.

В частности, в соответствии со ст. 37 Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., Совету Народных Комиссаров (СНК) принадлежало общее управление делами РСФСР³.

Обо всех своих постановлениях и решениях СНК немедленно сообщал ВЦИК Советов, который вправе был отменить или приостановить всякое постановление или решение СНК³.

Складывающаяся обстановка в стране потребовала создания также специального

органа, который бы обеспечивал максимальную централизацию системы государственного управления в условиях начавшейся Гражданской войны.

Таким органом явился Совет рабочей и крестьянской Обороны (1918–1920 гг., с 1920 г. Совет труда и обороны – СТО) – чрезвычайный высший орган Советского государства, который одновременно являлся Главным военно-хозяйственным центром Советской республики.

Согласно Положению, принятому 8 Всероссийским съездом Советов (декабрь 1920 г.), он действовал на правах Комиссии СНК РСФСР.

На местах органами Совета труда и обороны были областные, губернские и волостные экономические совещания.

С образованием СССР был образован СТО СССР. Упразднен Постановлением ЦИК СССР 28 апреля 1937 г.

Его функции были переданы Экономическому Совету при СНК СССР⁵.

Наличие чрезвычайного органа по обеспечению управления страной в тот период времени явилось одним из необходимых и обязательных условий, способствовавших победе и становлению нового государства во время Гражданской войны и в послевоенный период.

Изданием Постановлений и Декретов ВЦИК, СНК и СТО РСФСР регламентировались в тех условиях также и деятельность отечественных органов государственной безопасности, в том числе и в вопросах ограничения прав и свобод граждан⁶.

Научный и практический интерес представляет исследование положений Конституции Союза ССР от 5 декабря 1936 г., а также состояние правотворчества в предвоенные годы.

Анализ содержания статей Основного закона (ст.ст. 14, 49, 68)⁷ свидетельствует, что его положения не предполагали заблаговременной разработки и принятия законодательных актов, исполнение которых обеспечивало бы подготовку общества и государства, их структур управления к действиям в угрожаемый период и с началом войны.

Автор поддерживает точку зрения тех ученых, которые считают, что реализация положений Конституции обуславливает издание ряда законодательных актов.

Причем, совершенно очевидно, что этот процесс должен осуществляться в минимально короткие сроки и в плановом порядке. В противном случае ее учредительные установки, не получив развития в последующем законодательстве, не будут осуществлены с должной эффективностью⁸.

На решение этого вопроса оказывали влияние и некоторые ошибочные представления советской военной науки о возможном характере будущей войны, способах ведения операций и новых требованиях, которые может предъявить война “моторов” к управлению войсками.

Считалось, что война не потребует коренной перестройки системы управления. Никто всерьез не думал о возможных действиях противника по расстройству управления войсками Красной Армии, об особом режиме работы Верховного Главного командования (ВГК) на военное время, о создании надежных основных и запасных центральных командных пунктов, устойчивой сети военной связи⁹.

В определенной мере аналогичной была ситуация и с созданием высшего органа руководства страной, ее Вооруженными Силами и боевыми действиями.

Лишь в конце весны 1941 г. нарком обороны С.К.Тимошенко доложил проект соответствующих документов руководству страны.

В результате было получено согласие на проверку структуры Ставки Верховного Главного командования и порядка ее работы на специальном командно-штабном учении, что осуществить не удалось⁹.

30 июня 1941 г. решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Государственный комитет обороны СССР (ГКО) – высший чрезвычайный государственный орган, осуществлявший всю полноту власти во время Великой Отечественной войны.

В своей деятельности ГКО опирался на аппарат СНК, уполномоченных ГКО на

местах, местные городские комитеты обороны, партийные и государственные органы. Рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений являлся Народный комиссариат обороны и его управления⁹.

Принятие Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. новой Конституции (Основного Закона) СССР не внесло кардинальных изменений в ранее сложившуюся практику формирования направлений деятельности сил обеспечения безопасности страны на ведомственном и межведомственном уровне, в том числе в чрезвычайных ситуациях.

В связи с введением поста Президента СССР (март 1990 г.) полномочия высших органов государственной власти претерпели соответствующие изменения.

Анализ содержания статей (ст.ст. 127.3., 132, 135 и др.)¹⁰ Конституции СССР показывает, что, несмотря на наличие по состоянию на декабрь 1990 г. комплекса признаков, свидетельствовавших о развитии системного кризиса внутри страны, в Основном законе не были внесены необходимые изменения и дополнения, которые бы заложили правовую основу для формирования системы чрезвычайных исполнительно-распорядительных органов на всех уровнях вертикали государственной власти в интересах мобилизации и консолидации общества, государственной системы управления по выводу страны из создавшегося положения.

Предусмотренный Основным законом Совет Безопасности осуществлял только выработку рекомендаций в области обороны страны, поддержания ее надежной государственной, экономической и экологической безопасности, преодоления последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, обеспечения стабильности и правового порядка в обществе, но не являлся той государственной структурой, которая бы обеспечивала их практическую реализацию.

Кроме того, Основной закон не содержал правовых норм, определявших законодательную основу по использованию подразделений Вооруженных Сил, иных воинских формирований, органов государственной безопасности, внутренних дел по локализации кризисных ситуаций внутри страны, хотя, начиная с 1986 г., их применение в различных регионах страны приобрело устойчивый и систематический характер.

Только в апреле 1990 г. впервые в стране был принят закон СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения”.

В соответствии со ст. 5 Закона для координации работы по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств Совета Министров СССР и советы министров союзных и автономных республик, краевыми и областными советами народных депутатов или их исполнительными органами могли образовываться специальные временные органы.

На основе ст. 12 Закона для координации действия и руководства воинскими частями, привлекавшимися для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, а также организации взаимодействия с органами внутренних дел и государственной безопасности по поручению Верховного Совета или Президента СССР министрами внутренних дел, обороны СССР и Председателем КГБ СССР мог создаваться совместный оперативный штаб и назначаться комендант соответствующей местности (района). В соответствии с диспозицией данной статьи комендант получал право издания приказов, регламентирующих вопросы поддержания режима чрезвычайного положения в рамках настоящего Закона.

Следует отметить, что Закон не предписывал разработку и утверждение типовых положений об указанных временных органах управления, что на практике приводило к несвоевременности принятия целесообразных мер по локализации негативных последствий и оздоровлению обстановки, их низкой эффективности. Кроме того, отсутствовала правовая основа подготовки и проведения активных мероприятий по разоружению бандформирований, в том числе в форме проведения специальных операций. Положения указанного закона, особенно по вопросам использования воинских контингентов внутри страны по поддержанию режима ЧП, вступили в противоречие с новой редакцией

Основного Закона, принятой в декабре 1990 г. Однако своевременно они не были устранены.

Кризисные явления, прежде всего, вооруженные конфликты, затронувшие значительное число государств на постсоветской территории и Юго-Восточной Европы, и необходимость их локализации совместными усилиями, в том числе с использованием коалиционных воинских контингентов, вызвали необходимость принятия соответствующих правовых актов, прежде всего, межгосударственного характера, которые бы формировали легитимную основу для принятия и реализации высшими органами государственной власти подобного рода решений.

Так, в соответствии со ст. 5 Федерального закона “О международных договорах РФ” от 15 июля 1995 г. международные договоры Российской Федерации, наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права, являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью ее правовой системы.

Исходя из ст. 15 указанного Закона, международные договоры об основах межгосударственных отношений по вопросам, затрагивающим обороноспособность Российской Федерации, по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, а также мирные договоры и договоры о коллективной безопасности подлежат ратификации³.

Анализ содержания существующего механизма правового регулирования в РФ дает возможность систематизировать правовые нормы, регламентирующие деятельность сил обеспечения безопасности страны в особых условиях, по следующей структуре:

1. Международные правовые акты (например, Соглашение о создании Содружества независимых государств от 8 декабря 1991 г.).

2. Конституция РФ.

3. Законодательные акты РФ.

Федеральные конституционные законы (“О военном положении”, “О чрезвычайном положении”);

Федеральные законы (например, “О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или постановлению мира и международной безопасности” от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ)¹¹.

4. Постановления Федерального собрания РФ, Совета Федерации и Государственной Думы. (Например, Постановление Государственной Думы “О мерах по обеспечению безопасности правопорядка в связи с ситуацией в Чеченской Республике “ от 2 апреля 1999 г. № 3833-11 ГД)¹¹.

5. Указы Президента Российской Федерации (Например, Указ от 15 февраля 2006 г. № 116 “О мерах по противодействию терроризму”)

6. Постановления Правительства РФ.

7. Нормативно-правовые документы временных органов управления силами обеспечения безопасности в зоне возникновения чрезвычайных ситуаций. (Например, решение руководителя Оперативного штаба по проведению контртеррористической операции.)

8. Ведомственные, межведомственные акты федеральных органов исполнительной власти по вопросам, касающимся организации и взаимодействия заинтересованных ведомств в этих условиях.

9. Конституции, законодательные и иные правовые акты субъектов РФ, их органов власти и управления, а также органов местного самоуправления по вопросам, касающимся их деятельности в чрезвычайных ситуациях, принятые в пределах их полномочий.

Данная структура представляет собой достаточно сложную систему для практической реализации. В связи с этим представляется целесообразным внести дополнения, изменения в Федеральные конституционные законы “О военном положении”, “О чрезвычайном положении”, с помощью которых обеспечить формирование действенного механизма управления выделенными силами и средствами обеспечения безопасности в

рассматриваемых условиях.

События в Косово, а также в Таджикистане показали, что за пределами РФ в локализации особых условий важная роль может отводиться органам и войскам МВД России, Пограничной службе ФСБ России, действовавших в указанных условиях за пределами страны, в том числе в составе международных полицейских сил.

К сожалению, правовых норм на их применение, в том числе управление их действиями за пределами страны не содержится в отечественном законодательстве, в том числе и в Федеральном законе “О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению мира и международной безопасности” от 23 июня 1995 г. № 9311 и Указе Президента Российской Федерации № 637 “О формировании специального воинского контингента Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности”¹¹.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 25 мая 1999 г. № 65011 в Министерстве обороны РФ был утвержден Перечень соединений и воинских частей Вооруженных Сил РФ для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, в который не включены части и соединения Внутренних войск МВД России и пограничных органов России, на базе которых возможно формирование и подготовка контингентов международных полицейских сил.

В соответствии с Указом Президента РФ № 637 1996 г. Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 125111, которым утвердило Положение о специальном воинском контингенте в составе Вооруженных Сил РФ для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, содержание которого фактически не затрагивает оперативно-служебную деятельность органов безопасности в войсках, а также органов и войск МВД России, пограничных органов в составе международных полицейских сил, что имело место в Косово.

Необходимо отметить, что Конституция РФ также не содержит соответствующие правовые нормы, которые бы явились основанием для привлечения Вооруженных Сил РФ, их органов военного управления к локализации чрезвычайных ситуациях, возникших под воздействием сформировавшихся внутренних угроз безопасности России¹².

Исследования существующей законодательной базы приводит к выводу о необходимости заблаговременного формирования и подготовки к функционированию специальных государственных органов с рабочими аппаратами управления на федеральном, региональном уровнях, которые были бы способны принять на себя руководство действиями сил обеспечения безопасности в случае возникновения рассматриваемых условий, а деятельность таких органов в правовом отношении должна быть урегулирована. Такими функциями целесообразно наделить Совет Безопасности РФ или специально сформированный орган Правительства РФ, а на региональном уровне – полномочных представителей Президента РФ и руководителей субъектов Федерации.

Создание Национального антитеррористического комитета и его структур на местах в соответствии с Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 “О мерах по противодействию терроризму”, по мнению автора, можно рассматривать как начальный этап в формировании целостной системы обеспечения национальной безопасности России. Имеющаяся законодательная база в определенной мере сформировала предпосылки для решения этой проблемы.

Так, согласно ст. 22 Федерального конституционного закона “О чрезвычайном положении” на территории, на которой введено чрезвычайное положение, Указом Президента РФ может вводиться особое управление этой территорией за счет создания:

- временного специального органа управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение;

- федерального органа управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение¹³. Деятельность указанных органов управления осуществляется на основании Положений, утвержденных Президентом РФ.

В соответствии с пп.1 п.2 ст.13 Федерального закона РФ № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. “О противодействии терроризму” для руководства контртеррористической операцией, ее руководитель определяет структуру и порядок работы оперативного штаба, а также задачи и функции должностных лиц, включенных в состав оперативного штаба.

Вместе с тем, отсутствие нормативных документов, определяющих понятия: “Оперативный штаб”; “военный комендант территории”, на которой введено ЧП, проводится контртеррористическая операция, ведутся или разворачиваются военные действия; “комендантский час”, а также определяющих предназначение и функции задействованных сил, значительно снижают эффективность их применения.

Кроме того, существующая законодательная база, которая затрагивает сферу применения сил обеспечения безопасности в рассматриваемых условиях, не представляет собой единого целого, а содержит разрозненные законодательные акты, подготовленные, как правило, заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и не в полной мере учитывающими требования уже действующих федеральных законов и иных нормативных актов высших органов государственной власти страны.

В связи с этим, для обеспечения ее формирования как единого целого на основе системного подхода целесообразно проведение инвентаризации действующих законодательных актов, затрагивающих интересы обеспечения национальной безопасности страны, для последующего устранения имеющихся в них противоречий внесением необходимых дополнений и изменений.

При этом целесообразно учитывать, что в действующей Конституции не содержится правовых норм, которые бы давали основание принимать законодательные акты, регламентирующие деятельность сил обеспечения безопасности в условиях военного времени.

В связи с этим, современная правовая база должна быть структурирована таким образом, чтобы она позволяла федеральным органам исполнительной власти, прежде всего, силам обеспечения безопасности осуществлять перевод своих структур с режима обычного положения на режим особых условий, особенно при введении чрезвычайного, военного положений или с началом боевых действий.

Данные положения должны содержаться в действующих законодательных актах: федеральных конституционных и федеральных законах “О военном положении”, “О чрезвычайном положении”, “О безопасности”, “Об обороне”, “О Гражданской обороне”, “О Федеральной службе безопасности”, “О Внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации”, “О милиции”, а также в уголовном, уголовно-процессуальном кодексах и иных законодательных актах, затрагивающих деятельность сил обеспечения безопасности в области внутренней и внешней безопасности страны в условиях мирного и военного времени.

В свою очередь, на сформированной законодательной основе должен быть подготовлен пакет нормативно-правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, а также на ведомственном и межведомственном уровнях. Такой подход позволит обеспечить целостную нормативную базу и создать действенную основу для преодоления существующих межведомственных противоречий, в том числе и субъективного свойства.

В связи с децентрализацией системы КГБ СССР после событий в августе 1991 г. ряд вновь образованных федеральных органов исполнительной власти получил право самостоятельного ведения контрразведывательной работы (СВР, ФСО России), что, в свою очередь, внесло дополнительные трудности в организацию и осуществление контрразведывательной деятельности в стране.

Одновременно ряд органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в

соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации”, сформировали подразделения собственной безопасности. Как показала практика органов внутренних дел, подразделений уголовно-исполнительной системы Минюста России в рамках проводимой контртеррористической операции на территории Чечни и Дагестана, необходимость объединения единым замыслом организации оперативно-розыскной работы, особенно в особых условиях, по-прежнему имеет актуальное значение. По мнению автора, эти недостатки целесообразно устранить принятием Федерального закона “О контрразведывательной деятельности в Российской Федерации”.

В частности, необходимо закрепить в законодательном порядке за ФСБ России статус старшего оперативного руководителя в области ведения контрразведывательной деятельности на территории России и обеспечения безопасности федеральных органов исполнительной власти, имеющих подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, изданием Положения о старшем оперативном руководителе, утверждаемом Президентом РФ, и межведомственных нормативных актов ФСБ России с соответствующими федеральными органами исполнительной власти РФ.

Как уже отмечалось, распад СССР и Югославии создали условия для активного вовлечения в качестве гаранта мирного урегулирования возникших вооруженных конфликтов российских воинских миротворческих контингентов.

Так, только на постсоветском пространстве в настоящее время российские миротворческие силы выполняют поставленные задачи в Таджикистане, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровском регионе Республики Молдова¹⁴.

События в Афганистане, Ираке, угроза безопасности государствам СНГ в Центрально-Азиатском регионе усиливают вероятность появления новых “горячих точек” на постсоветском пространстве и, в свою очередь, участия России в локализации их последствий. Это вызывает необходимость не только обсуждать проблемы миротворчества в Содружестве Независимых Государств, но и принимать реальные меры по их разрешению.

Так, Президентом РФ на сборах руководящего состава Вооруженных Сил 20 ноября 2000 г. было однозначно сказано, что армия должна быть готова ликвидировать возможность агрессии на Юго-Западном и Центрально-Азиатском стратегических направлениях¹⁵.

Основами (Концепцией) государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2005 г. (утверждены Президентом РФ 30 июня 1998 г.) в качестве основных направлений военного строительства, затрагивающих отношения с государствами-участниками Содружества Независимых Государств, были определены:

- предотвращение и урегулирование конфликтов в Содружестве через создание и функционирование механизмов координации действий государств-участников Содружества Независимых государств¹⁵;
- сохранение (создание) российских военных баз и объектов, совместное использование объектов военной инфраструктуры на территории государств-участников Содружества;
- формирование эффективной системы коллективной военной и пограничной безопасности¹⁴.

Повышение роли Вооруженных Сил и иных воинских формирований России в миротворческих операциях на постсоветском пространстве, происходящие интеграционные процессы в военной области, охрана внешних границ СНГ формируют объективную необходимость активизации и приложения усилий в этом направлении для обеспечения деятельности иных сил обеспечения безопасности на основе создания необходимой правовой базы, формирования соответствующих координирующих органов в составе координационных органов государств-участников СНГ.

Наиболее оптимальным вариантом является разработка и установление такого порядка, когда при подготовке межгосударственных Договоров между Россией и государствами-участниками СНГ, касающихся сотрудничества в военной области, совместной охране Государственной границы и иных сферах обеспечения безопасности должны составлять их неотъемлемую часть и определяться соответствующими Протоколами, входящими в общий пакет документов.

Правовой основой для формирования с этой целью координационных структур государств-участников СНГ является Устав Содружества Независимых Государств, принятый 22 января 1993 г.

В частности, на основании ст. 12 Устава решение о совместном использовании Вооруженных Сил принимается Советом глав государств Содружества или заинтересованными государствами-членами Содружества с учетом их национального законодательства¹⁶.

В соответствии со ст. 25 Устава Совет глав государств и Совет глав правительств создают рабочие и вспомогательные органы, как на постоянной, так и на временной основе. Эти органы формируются из представителей государств-членов, наделенных соответствующими полномочиями¹⁶.

Изложенное позволяет сделать вывод, что правовые основы управления силами обеспечения безопасности государства в чрезвычайных ситуациях, представляя собой сложную структуру правовых актов законодательного характера, подзаконных актов высших органов государственной власти и управления, ведомственных и межведомственных нормативных документов, а также межгосударственных соглашений в рамках СНГ, должны содержать не только нормы директивно-распорядительного характера, но и раскрывать механизм их реализации в рамках существующего правового поля.

Эффективность управления ими при выполнении возложенных на выделенные силы и средства служебно-боевых задач в рассматриваемых условиях, во многом зависит от того, насколько в существующей правовой базе, затрагивающей сферу их деятельности, четко определены их компетенция, права и обязанности, организация координации и взаимодействия между ними в составе объединенной группировки сил и средств, в том числе сформированной на коалиционной основе.

Примечания

¹ Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Монография / Под ред. проф. А.В.Опалева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

² Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2004. С. 283–305.

³ Конституционное право России: Сборник нормативных правовых актов и документов. По состоянию на 1 августа 1996 г. М.: Бек, 1996. С. 7, 52, 58, 107.

⁴ История КПСС: В 6-ти томах. М.: Политиздат, 1966. Т. 2. С. 667.

⁵ Большая Советская энциклопедия. В 30-ти томах. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн.1. С. 42–43.

⁶ Декрет СНК о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. С.4-5.; Декрет СНК об аресте вождей Гражданской войны против революции 23 ноября (11 декабря) 1917 г. Постановление СНК о разграничении функций между народным комиссариатом юстиции и ВЧК 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.). С. 28–29; Постановление СНК “О революционном трибунале печати 28 января (10 февраля). С. 38–39; Декрет СНК “Социалистическое отечество в опасности” 21 февраля 1918 г. С. 43–44. Декрет СНК “О борьбе со взяточничеством”, 8 мая 1918 г. С. 51; Постановление СНК “Об организации чрезвычайной комиссии по борьбе с

контрреволюцией на чехословацком фронте 16 июля 1918 г.”. С. 72–73; Постановление Совета обороны “О порядке ареста ВЧК сотрудников советских учреждений и предприятий”. 11 декабря 1918 г. С. 75–76. Постановление ВЦИК “О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами 17 февраля 1919 г. С. 126–127; Постановление Совета обороны о мерах борьбы с ожидаемым паводком 31 марта 1919 г. С.142–143 // В.И.Ленин и ВЧК: Сборник документов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. I–XIV. 1.

⁷ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1975: В 4-х томах. М.: Известия, 1975. Т. 1. С. 5–6, 10, 12.

⁸ Советское Конституционное право / Под ред. С.И.Русиновой и В.А.Ренжина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 58.

⁹ Русский Архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М.: Terra, 1996. Т. 16 (5–1). С. 9–10, 20.

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. Ст. 3.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 26. Ст. 2401; 1999. № 15. Ст. 1786; 1995. № 26. Ст. 2401; 1996. № 19. Ст. 2256; 1999. № 22. Ст. 2726; 1996. № 44. Ст.5015.

¹² Правовые источники участия Вооруженных Сил Российской Федерации и поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 2. С. 1–5.

¹³ Российская газета. 2001. 2 июня.

¹⁴ Правовые источники участия Вооруженных Сил Российской Федерации по поддержанию мира в содружестве Независимых Государств // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 2. С. 2–5.

¹⁵ Независимая газета. 2000. № 220 (2282). 21 ноября.

¹⁶ Сборник законодательства по конституционному (государственному) праву Российской Федерации. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 224, 227.

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА КАПИТАЛА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. Джумов,
кандидат экономических наук

Исследование методологических аспектов формирования рынка капитала в национальной экономике предполагает осуществление анализа теоретических основ капиталообразования, его генетических, сущностных и функциональных характеристик, выявление специфики осуществления инвестиционных процессов в условиях трансформации. Начальная стадия анализа требует предварительной конкретизации некоторых базовых понятий, обладающих относительной новизной с точки зрения отечественной экономической науки и имеющих широкий спектр неоднозначных трактовок в различных источниках.

Наличие разнообразных модификаций понятия “капитал” является отражением множественности подходов к обозначению его экономической сущности, их преломления, как в различных разделах экономической науки, так и областях практической деятельности.

Данное обстоятельство в значительной степени обусловлено и качественными особенностями основных этапов историко-экономической эволюции в национальных экономиках, свойственных им преобладающих форм и механизмов хозяйствования.

Генетическая природа понятия “капитал” (*capitale*) исторически связана с эпохой средневековья.

Его идентификация во времена поздней латыни подразумевала наличие считанного поголовья скота (*capita*), являющегося одним из наиболее ценных и востребованных товаров-эквивалентов. Фактически выполняя тождественную деньгам функцию в качестве средства обмена в период господства натурального хозяйства, термин “капитал” со временем обретал все более весомое и отчетливое монетарное наполнение, (постепенно закрепляя за собой при этом статус главного или основного блага).

По мнению Й.А.Шумпетера, “Слово «капитал»” было частью юридической и деловой терминологии задолго до того, как его начали употреблять экономисты.

Для римских правоведов и их последователей капитал (*capitalis* – главный) означал “основную сумму” займа¹. Зарождению заемных отношений в значительной мере способствовало имущественное расслоение, берущее свои начала в недрах первобытного строя и ведущее к дальнейшей дифференциации общества. Накопление роскоши и богатства на одном полюсе и всевозрастающие потребности в денежном обеспечении другого постепенно формировали прочное взаимодействие между кредиторами и заемщиками, создавая при этом стабильную основу для возникновения и широкого распространения ростовщических ссуд.

В качестве кредиторов-ростовщиков фигурировало, в первую очередь, купеческое сословие, но весьма значимую роль играли также храмовые комплексы (например, Дельфийский в Греции), церкви и монастыри.

Активизация деятельности последних стимулировала усиление процессов концентрации крупных земельных угодий в руках кредиторов, способствуя перераспределению собственности и накоплению весомых фамильных состояний в среде

родовой аристократии.

Ростовщические ссуды явились источником формирования ростовщического капитала, предшествовавшего возникновению промышленного, ссудного и последующих более сложных функциональных форм.

Тем не менее, ростовщический капитал нельзя отождествлять с капиталом в полноценном смысле этого слова, свидетельством чему присущие ему характерные особенности.

Во-первых, использование накопленных посредством предоставления займов денег осуществлялось, главным образом, в качестве платежного либо покупательного средства для возведения дворцов, приобретения произведений искусства, драгоценностей, роскошных аксессуаров и прочих атрибутов богатства. Кроме того, деньги, предоставленные в ссуду, могли принимать облик капитала только для кредиторов; мелкими производителями, крестьянами и ремесленниками использование ссуд осуществлялось исключительно для удовлетворения текущих потребностей и уплаты долгов.

Одна из первоначальных форм капитала – ростовщическая – была предназначена, главным образом, для обслуживания непроизводительных расходов заемщиков, в том числе феодальной знати, не будучи задействованной в процессе кругооборота средств товаропроизводителей.

Тем не менее, именно ростовщический капитал способствовал первоначальному накоплению промышленного капитала благодаря сосредоточению в руках ростовщиков крупных денежных состояний, потенциальных ресурсов для обеспечения процесса промышленного производства.

Причем зарождение капиталистических предприятий с достаточно рациональным учетом движения капитала осуществлялось не только в Западной Европе, но и во всех цивилизованных странах земного шара – насколько возможно судить по сохранившимся источникам их хозяйственной жизни: в Индии, Китае, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах.

Обогащению смыслового значения понятия “капитал” в значительной мере способствовало становление индустриального общества. Это нашло свое отражение в углублении различий и дальнейшей поляризации качественных разновидностей капитала (например, денежного и инвестированного в торговлю), наиболее ярко проявившихся в XVII в. Результатом явилось сворачивание чисто денежной составляющей трактовки капитала и появление его новой интерпретации – в качестве товарного, явившегося основным объектом коммерческого кредитования, опосредующего процессы купли-продажи между предприятиями с отсрочкой выплат за проданные товары.

С подобными попытками мы впервые встречаемся у Ф.Кенэ, рассматривавшего хозяйственный механизм как сложную систему кругооборота товаров и денег и уподоблявшего капитал потоку крови, циркулирующей в человеческом организме и обеспечивающей его жизнеспособность.

Кругооборот промышленного капитала, осуществляемый посредством последовательной смены его функциональных форм, имел своим логическим следствием высвобождение денежного капитала. Данный процесс был обусловлен такими известными обстоятельствами, как расхождением во времени реализации товаров и приобретения элементов оборотного капитала, постепенным изнашиванием основных средств и необходимостью накопления финансовых ресурсов для расширенного воспроизводства. Достижению подобной цели способствовали и капиталы рантье, не задействованные в промышленном и торговом обороте, а также денежные сбережения и доходы экономических субъектов.

Накопленный таким образом свободный денежный капитал мог быть предоставлен во временное пользование заемщикам, приобретая при этом форму ссудного. В противоположность ему не функционирующий денежный капитал был подобен

празднолежащему сокровищу, не приносящему прибыль и обретающему характер, противоречащий природе капитала, таящей в себе возможности непрерывного роста. Формирование рынка ссудных капиталов создало возможности для разрешения данного противоречия.

Важнейшей особенностью ссудного капитала явилось то обстоятельство, что в процессе передачи его во временное пользование промышленному или торговому капиталу собственность на капитал была отделена от его функционирования. При этом функционирующий капитал осуществлял свой кругооборот на предприятии заемщика, а как капитал-собственность принадлежал кредитору, которому и возвращался по истечении срока ссуды.

По мере расширения объемов спроса на капитал, требуемый для удовлетворения возрастающих потребностей в привлечении займов, начинается становление более сложного механизма движения финансовых ресурсов между экономическими агентами. Свое воплощение данный механизм находит в возникновении качественно новых, ранее не известных форм капитала, отличных от товарной, производительной и денежной форм – ценных бумаг.

Однако ценные бумаги не изначально с момента своего происхождения и не во всем своем разнообразии являлись представителями капитала.

В античном мире Древней Греции, Древнего Рима и в эпоху раннего средневековья в Западной Европе исторически первые ценные бумаги – векселя были повсеместно признаны исключительно в качестве классического платежного средства, явившегося результатом трансформации реальных, полноценных денег (монет) в особого рода денежные документы, бумажные знаки стоимости.

По мере своего использования векселя преодолевают узкие рамки товарного обмена и приобретают новый статус, обладая при этом принципиально иными качественными характеристиками, превращаясь в универсальный кредитный инструмент, ценную долговую бумагу, гарантирующую защиту и приумножение капиталов в различных форс-мажорных обстоятельствах.

Если сам факт изобретения векселя имел своим логическим следствием смену типов денежного обращения, то есть трансформацию металлической базы обращения, представленной золотыми и серебряными монетами, в систему обращения кредитных и бумажных денег, то закрепление за ними их основной экономической функции – кредитной – положили начало формированию и становлению денежно-кредитной системы, генерирующей функционирование рынка долговых капиталов.

При расширенном воспроизводстве возникает противоречие между необходимостью аккумуляции больших капиталовложений для организации крупных предприятий и ограниченностью индивидуальных капиталов. Данное противоречие получает свое разрешение в процессе создания новой формы собственности – акционерной. В результате долговой сегмент рынка капиталов пополняется долевой составляющей, воплощенной в прообразах современных акционерных обществ*.

Исследование генетических характеристик капиталообразования позволяет констатировать, что в своей эволюции капитал непрерывно трансформировался по форме, обогащаясь при этом и содержательно.

Изучение генезиса позволяет понять сущностный аспект категории капитал, неоднозначно трактуемому представителями различных теоретических школ и направлений.

Макроэкономический подход базируется на физической концепции капитала, подразумевающей его отождествление с особым фактором производства, объединяющим любые производительные ресурсы, то есть все виды инструментов, машины, оборудование, фабрично-заводские, складские, транспортные средства, бытовую сеть, а также новейшие технологии, разработки и программные продукты, созданные людьми для осуществления производства будущих экономических благ в целях получения прибыли.

Процесс производства и накопления данных благ отражен в категории инвестирования.

В подобных или близких к ним трактовках термин “капитал” не подразумевает деньги.

Согласно им, “деньги, как таковые ничего не производят, следовательно, их нельзя считать экономическим ресурсом. Реальный капитал – инструменты, машины и другое производительное оборудование – это экономический ресурс; деньги или финансовый капитал, таким ресурсом не являются”².

Данный теоретический подход базируется на следующих ключевых моментах:

– Капитал аккумулирует ресурсы, созданные людьми.

Данное обстоятельство положено в основу его отличия от фактора земля, объединяющего разнообразные ресурсы, созданные природой;

– Капиталом являются исключительно предметы, используемые для производственной деятельности.

Блага, созданные людьми, в ассортимент которых входят предметы первой необходимости и атрибуты роскоши (одежда, обувь, автомобили и т.д.), к капиталу не относятся;

– Цель производства, в котором обращается капитал, ориентирована на прибыль.

Капиталу принадлежит одно из ведущих мест среди факторов производства, поскольку материализация накопленных ресурсов формирует производственный потенциал современного государства, и именно капиталом создан наиболее высокий экономический порядок с доминированием его интересов в постиндустриальном обществе.

Отличительной особенностью капитала является присущий ему феномен расширенного воспроизводства, подразумевающий наличие способности к увеличению в постоянно расширяющихся масштабах.

Так, в отличие от фактора “земля”, пребывающего в неизменных размерах, и фактора “труд”, детерминированного множеством компонент как социально-экономического, так и демографического характера, фактор “капитал” в стабильно функционирующей экономике имеет ярко выраженную тенденцию к увеличению, опосредующую процессы его накопления.

Воспроизводственный аспект, характерный для капитала, особо подчеркивается представителями всех ведущих экономических школ. Разным является объяснение причин, лежащих в его основании.

Так, теории, базирующиеся на множественности факторов производства, исследуют зависимость возрастания капитала от его собственной производительной силы.

В отличие от них в трудовой теории стоимости доминирующим началом являются процессы эксплуатации труда наемных работников.

Трансформация традиционной экономики в рыночную неизбежно сопровождается установлением характерной структуры собственности и процессами первоначального накопления капитала. В данных процессах преобладающей является либо перераспределительная, либо сберегательная составляющие. Зачастую именно они могут быть положены во главу угла тех или иных теоретических направлений.

Так, представители марксизма акцентируют внимание на насильственном характере перераспределения богатства общества, приводя в качестве красноречивых примеров операции ростовщичества, работоторговлю, случаи насильственного удаления крестьян от земель (известное огораживание в Англии).

Сберегательный аспект практически игнорируется представителями данной теоретической школы.

Тем не менее, именно он, ориентированный на преобладание предпочтений, обусловленных сберегательными мотивами, представляет, на наш взгляд, наибольший интерес.

В известной работе экономиста-социолога Макса Вебера “Протестантская этика и дух

капитализма” прослеживаются четкие причинно-следственные связи между зарождением в Западной Европе современного капитализма и формированием в эпоху позднего средневековья морально-религиозных установок, характеризующих протестантскую религию и направленных на высокую склонность к сбережениям, экономию рабочего времени, яркое выраженное стремление к приращению богатства.

Реальная экономическая история, несомненно, изобилует примерами и характеризуется наличием всех составляющих механизма первоначального накопления капитала. Однако, причины процветания стран, ориентированных на становление англо-саксонской модели финансового сектора экономики, кроются, в первую очередь, в плоскости преобладания сберегательного характера первоначального накопления капитала по сравнению с перераспределительными мотивами.

Микроэкономический аспект воплощен в рассмотрении капитала через призму бухгалтерского подхода, реализуемого на уровне хозяйствующего субъекта. Термин “капитал” здесь выступает в качестве синонима чистых активов, а его величина аналогична разнице между суммой активов и величиной обязательств.

Такое представление известно как финансовая концепция капитала и выражается формально следующей балансовой моделью:

Активы хозяйствующего субъекта в стоимостной оценке = капитал (собственников) + обязательства перед третьими лицами.

Отличительной особенностью данного подхода является иная трактовка роли денег в процессе капиталообразования по сравнению с тезисами, положенными в основу физической концепции капитала.

Так, по мнению представителей Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова: “Деньги могут быть просто деньгами или капиталом, то есть самовозрастающей стоимостью, или в обыденном представлении деньгами, которые приносят новые (добавочные деньги)”³.

На наш взгляд, наиболее всеобъемлющ и интересен учетно-аналитический подход, оперирующий некоторой комбинацией двух предыдущих и использующий модификации физической и финансовых концепций капитала.

Согласно авторитетному международному изданию, обобщающему методологические подходы европейских стран в области экономики, Толковому экономическому и финансовому словарю Бернара и Колли, “первоначальное значение слова “капитал” (capital, capitalis – главный – латинское происхождение) подразумевает основную сумму долга, в отличие от процентов.

В широком смысле слова капитал – имущество, способное приносить доход. (Все другие значения данного термина – производные от этих двух основных смыслов)”⁴.

Следует отметить, что подобная интерпретация не нова для экономической теории.

Еще Адам Смит подразумевал под капиталом часть имущества человека, из которого он рассчитывает извлечь доход. В данном ракурсе капитал как совокупность ресурсов является универсальным источником доходов общества и может быть охарактеризован одновременно с двух сторон:

- источников происхождения.

Характеризуя источники происхождения, классическая школа констатировала, что капитал – не дан изначально, как земля, а создан человеческим трудом с помощью естественных ресурсов. В отличие от труда и земли, капитал не является первичным фактором производства. Он создается трудом человека из вещества природы, то есть возникает как плод труда и земли, и в результате сам начинает участвовать в процессе производства. Использование труда и земли напрямую для производства необходимых благ без участия капитала оказалось бы гораздо менее эффективным (а в настоящее время – практически невозможным).

Иными словами, экономия ресурсов при производстве, осуществляемого с использованием капитала, значительно превышает величину затрат на капиталобразование. Величина превышения формирует производительность капитала и количественно фиксируется в уровне процента;

- направлений его вложения (поскольку капитал не может существовать в качестве единой самостоятельной субстанции и всегда облечен в разнообразные физические формы).

С этой точки зрения общеизвестным является выделение двух основных форм функционирования капитала:

- в форме оборота реального капитала (капитальные вложения, недвижимость, инновации);
- в форме обращения опосредующих перелив реального капитала финансовых активов (банковские кредиты, ценные бумаги и др.).

По мере становления развитых рыночных систем создается благоприятная среда для роста многообразия объектов вложения капитала, вбирающих в свою орбиту не только различные виды реальных активов, но и качественно новые финансовые инструменты. При этом “в примитивных экономиках” основная часть инвестиций относится к реальным, в то время как в современной экономике отмечено преобладание финансовых активов, в том числе и ценных бумаг. Критерием выделения данных форм, как правило, является их соотношение с производительным характером привлекаемого капитала.

Однако, использование данного критерия не способствует отражению всей сложности инвестиционных процессов, особенно в условиях трансформационных экономик. Производительный характер, особо подчеркиваемый сторонниками физической концепции капитала, присущ не только вложениям в реальные активы (основной капитал, инновации и т.д.), но и приобретению конкретных финансовых инструментов, опосредующих обращение капиталобразующих инвестиций (ценных бумаг – акций и облигаций, эмитируемых предпринимательским сектором для привлечения капитала в реальный сектор экономики). В то же время нередки примеры вложения капитала в непроизводительные как реальные (покупка недвижимости, драгоценных металлов), так и финансовые активы (спекулятивные финансовые инструменты, в первую очередь, производные ценные бумаги).

Таким образом, в настоящее время критерий производительного использования капитала не может быть положен в основу приоритетности вложений в реальные активы по сравнению с финансовыми и декларируемых с этой точки зрения преимуществ осуществления экономическими агентами прямых, а не портфельных инвестиций. Более того, экономические реформы не могут считаться состоявшимися без создания конкурентоспособного финансового сектора и его важнейшей составляющей – рынка ценных бумаг, потенциально обладающего функцией трансформации сбережений в инвестиции, аккумуляции капитала на макро- и микроуровне и его использования в целях обеспечения экономического роста.

Поскольку формирование финансовых рынков, проявивших себя фактически в роли “систем жизнеобеспечения” в экономически развитых странах, осуществлялось в течение многих столетий, сформировавшиеся богатые традиции и позитивный опыт способствовали как становлению великолепно разработанной западной инвестиционной науки, так и преобладанию в настоящее время ее прикладных аспектов, культивируемых ведущими корпорациями мира и ориентированных на использование практического инструментария участниками стабильно функционирующих рынков капитала.

В отличие от данных обстоятельств из-за относительно кратковременного трансформационного периода и масштабов осуществляемых преобразований в

национальной экономике состояние теоретической, организационно-методической и институциональной базы в данной сфере остается одним из наиболее слабых мест, препятствующих становлению новой экономической системы. Весьма ощутим недостаток фундаментальных исследований, комплексно и целенаправленно освещающих проблему формирования рынка капитала в национальной экономике. В то же время абсолютно невозможным представляется автоматическое копирование западных инвестиционных моделей, положенных в основу создания развитых фондовых рынков. В данных условиях особую актуальность приобретают теоретические исследования, способные адаптировать основные положения западной экономической, в том числе неоклассической финансовой, теории к реалиям переходной экономики, “возникающих рынков” капитала с учетом их национальной специфики и обозначившихся общемировых тенденций.

При этом, главное внимание должно быть сосредоточено на теоретико-методологическом обосновании концептуальных основ перехода к формированию рынка капитала в национальной экономике.

Первоначально отметим весьма важное обстоятельство.

Сосредоточение и направленность основных усилий теоретиков и практиков, главным образом, на сферу институциональных изменений, выражаемых в становлении новых рыночных структур и разработке соответствующего правового поля, привели в последнее десятилетие к доминированию юридического подхода в исследовании процессов формирования финансового сектора экономики.

Следствием данного подхода явились некорректности в осуществлении экономической политики, повлекшие за собой:

- несовершенство нормативно-правовой базы и ее неадекватность экономическим реалиям;
- нарушение процессов формирования общественного капитала, медленным темпам институциональных реформ;
- деформацию платежной системы;
- разрастание сферы немонетарных взаимодействий;
- диспропорциональность между системой процентных ставок и уровнем рентабельности производственного сектора;
- сокращение доли национальных сбережений.

Накопленный негативный опыт свидетельствует о поверхностной интерпретации обладающих новизной финансовых активов, акцентировании внимания на их юридических формах, недооценке их конкретного экономического содержания, облакаемого в данные формы. Соответственно, чем лучше оно исследовано, тем более совершенно законодательство его фиксирующее, более совершенны осуществляемые процессы институциональной и структурной трансформации.

Формирование рынка капитала в трансформационной экономике характеризуется основательным дисбалансом механизмов первоначального накопления капитала, что находит свое отражение в преобладании перераспределительной составляющей по сравнению со сберегательной мотивацией. Последняя, как правило, способствует выработке рациональных поведенческих аспектов, ориентированных на привлечение инвестиционных ресурсов на различных уровнях хозяйствования. В свою очередь, перераспределение капитала в условиях реформирования основ экономической системы несет на себе явно негативный отпечаток и проявляется в избытке всяческого рода деформаций, наиболее явными из которых являются следующие:

- неравенство экономических субъектов и наличие привилегий, заключавшихся в приоритетности получения дешевых государственных кредитов на относительно длительный срок.

Подобные возможности обогащения для избранных обрели свое наиболее яркое воплощение на стадии гиперинфляции, в период сверхбыстрого обесценивания финансовых активов и соответствующих сумм долговых обязательств;

- использование ценовых разниц между фиксированными государством и значительно их превышающими рыночными ценами

Например, осуществление внешнеторговых операций, способствующих образованию сверхприбылей экспортеров сырья и импортеров дефицитных потребительских товаров (благодаря дифференциации внутренних и мировых цен и наличию необеспеченного спроса на внутреннем рынке страны);

- фактический возврат к ростовщическому характеру первоначального накопления капитала.

Это было в российской практике в период с 1994 по первую половину 1998 гг. и нашло свое воплощение в осуществлении государственных заимствований со сверхвысокой доходностью, многократно превышающей эффективность иных вложений в финансовые или реальные активы;

- наконец, наличие явного криминала, экономических преступлений, связанных с фальсификацией документооборота, осуществлении платежей, адресованных фирмам-однодневкам и т.д.

В силу обозначенных обстоятельств необходимо смещение приоритетов в сторону формирования сберегательных аспектов процессов накопления капитала, лежащих в основе хозяйственного поведения не только предпринимательской элиты, но и всей массы населения, способной сформировать широкую инвестиционную базу в трансформационной экономике.

С этой точки зрения, весьма актуальным является установление соотношения между сбережениями и инвестициями в условиях транзитивной экономики. Так, исследование ее инвестиционного потенциала свидетельствует о глубоком противоречии, проявляемом в отсутствии взаимосвязи между потребностями в привлечении капитала экономическими субъектами и невостребованностью солидных финансовых средств на руках у населения.

Необходимо теоретико-методологическое обоснование основ формирования рынка сберегательных ресурсов населения, эффективного механизма регулирования трансформации сбережений в инвестиции, процессов вовлечения финансовых накоплений населения в хозяйственный инвестиционный оборот.

Примечания

¹ Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х томах. Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 26.

² Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономика: Принципы, проблемы и политика. В 2 томах.

Пер. с англ. 11 изд. М.: Республика, 1992. С. 37.

³ Рынок ценных бумаг. Учебник / Под ред. В.А.Галанова, А.И. Басова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2001. С. 13.

⁴ Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь. Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология. В 2-х томах. М.: Международные отношения, 1994. Т. 1. С. 287.

* В качестве первых акционерных обществ традиционно называют созданные в XVI–XVII вв. в Англии Московскую, Левантскую, Балтийскую, Ост-Индскую компании, а также голландскую Объединенную Ост-Индскую компанию.

НАРКОТИКИ В ВОЙН ПРОТИВ РОССИИ

А.Тихонов

Война против России идет уже очень давно и достаточно успешно. Разумеется, не на театрах военных действий под грохот канонады и крики наступающих войск.

Совсем нет. Война, которая ведется против России “негромкая” и “невидимая”.

Но, тем не менее, потери нашей страны от этой войны за последние 15 лет уже давно и многократно превысили ущерб, понесенный Советским Союзом в Великой Отечественной войне.

Прежде чем разобраться в истоках и особенностях этой “тайной” войны, необходимо, определиться, что же такое война вообще, и чем современные войны отличаются от войн прошедших.

Классики марксизма вслед за К.Клаузевицем доказывали, что война – это продолжение политики иными средствами. Для своего времени это было наиболее обоснованное определение.

Но сегодня понятие это уже давно устарело.

Современное определение звучит несколько по-другому.

Современная война – это средство разрешения противоречий между государствами, классами, народами, племенами, которые складываются вокруг ресурсов, контролируемых сторонами.

Цель у таких войн – захват или перераспределение ресурсов.

Пути ведения войн – самые разнообразные: геноцид, дезориентация и физическое уничтожение противника.

Вся история человечества свидетельствует о том, что достижение конечных целей войны возможно не только за счет применения грубой военной силы или угрозой ее применения, но и иными средствами: информационными, экономическими, наркотическими, этническими.

Для достижения своих целей противник чаще всего использует самое совершенное, самое страшное и массовое оружие – геноцид.

К средствам осуществления геноцида относится, прежде всего, наркотические вещества (алкоголь, табак, наркотики, психотропные и химические препараты), а также продукты, полученные в результате воздействия генной инженерии, психотропные средства, радиация, электромагнитные и звуковые излучения определенных спектров частот и т.п., то есть все то, что калечит и убивает не только живущих людей, но и их потомков.

Применяются эти средства массированно и вот уже на протяжении многих десятилетий приводят к деградации и гибели миллионы людей в самых разных странах мира.

В последнее десятилетие эти средства напрямую используются против России. Среди них наиболее массовое воздействие на подрастающие поколения оказывают наркотические вещества. Во многом именно наркомания, словно цепная реакция распространяющаяся среди молодежи, приводит их к последующей деградации и гибели. Этот факт в последние годы особенно активно влияет на демографическую ситуацию в стране.

Ни для кого не секрет, что в последние годы население России тает не по дням, а по часам.

Так, по данным Госкомстата России, к 2010 г. из-за неблагоприятной демографической ситуации численность населения России может сократиться до 138 млн. чел. (по результатам переписи населения 2002 г. численность постоянного населения России составляла 145,2 млн. чел.). То есть, ежегодно страна, в среднем, теряет по 1 млн. чел.

Согласно прогнозу ООН (2002 г.), к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн. чел.

К похожим результатам приходят и российские прогнозисты.

Статистика беспристрастно констатирует, что сокращение численности населения, вызвано, прежде всего, падением рождаемости и ростом смертности. Продолжает снижаться и средняя продолжительность жизни – с 67 лет в 1999 г. до 64 в 2002.

Среди основных причин – высокий уровень заболеваемости, смертность от несчастных случаев, отравления, травм и плохой экологии.

Усугубляет демографическую ситуацию и наркомания...

Свойство и действие на человека наркотических средств известны издревле.

В Южную Азию культуру опия и навык его употребления занесли войска Александра Македонского (IV в. до нашей эры).

Из Индии, опий быстро распространился по всей Юго-Восточной Азии.

В Европе введение опия сначала в медицинскую практику, а затем и потребление в других целях приписывают Парацельсу (XVI в.).

Несмотря на знакомство с наркотиками и их применение в быту в качестве одурманивающего средства еще в глубокой древности, наркомания как заболевание получила широкое распространение в странах Запада и Востока лишь после XVII столетия. Контрабанда опия в Российской Империи и особенно на Востоке процветала вплоть до начала XX в., принося наркодельцам огромные прибыли. В советские времена считалось, что в стране наркомании нет, что это пагубное занятие присуще исключительно капиталистической действительности.

Сегодня наркомания как глобальная проблема сместилась в иную плоскость. Уже никто не отрицает, что в последние годы наркотики получили широкое распространение и в России. Почти все, в том числе и сами наркоманы, осознают пагубность пристрастия к зелью. Но, несмотря на это, до сих пор остается открытым вопрос о том, как же наиболее эффективно бороться с этим бедствием, как избавить от нее жизнь наших детей.

Обратимся к статистике.

Если в 1993 г. в России только 1% населения регулярно потреблял наркотики (1,5 млн. чел.), то в 1995 г., по данным международного комитета по наркотикам, – 6 млн., из них 1 млн. – подростки.

Сегодня число потребителей наркотического зелья увеличилось, как минимум в 2 раза.

Все это говорит о том, что Россия из перевалочной базы наркотиков постепенно превращается в потребителя “белой смерти”.

В 2005 г. органами наркоконтроля в России изъято более 130 т наркотиков, в том числе около 4 т героина.

Общее количество изъятых наркотиков составляет более 100 млн. доз.

Возбуждено порядка 90 тыс. уголовных дел, из которых 70% составляют уголовные дела, возбужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления.

При этом необходимо отметить, что общее количество изымаемых в России наркотиков не превышает 15% наркотических средств, находящихся в обороте, что созвучно с мировой тенденцией (по данным специалистов, в наркобизнесе крутятся наркосодержащих веществ, по самым приблизительным оценкам, на сумму от 10 до 15 млрд. долл.). А это значит, что из оставшихся 85% наркотиков, часть остается в России, а другая транзитом идет в страны Европы.

По оценке аналитиков Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ФСКН), переброска наркотиков чаще

всего осуществляется автомобильным транспортом – свыше 70%.

По железной дороге переправляют до 20%.

Реже наркodelьцы используют воздушный и водный транспорт.

Значительная часть наркотиков доставляется в Россию через территорию Южного и Уральского федеральных округов страны.

В частности, героин из Афганистана и Средней Азии поступает через Волгоградскую, Астраханскую и Свердловскую области.

По мнению экспертов ФСКН, из Афганистана и Средней Азии в Россию ежедневно ввозится до 10 кг героина.

Через границу Дагестана и Азербайджана в центральные районы страны попадает более половины ввозимого из-за кордона опия.

По словам заместителя руководителя пограничной службы ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Манилова, за 2005 г. только на российско-казахской границе было изъято свыше 50% зелья из общего потока по стране.

Особую проблему для наркополицейских Юга России составляют этнические преступные группы: таджикские, узбекские, цыганские, азербайджанские и чеченские. Их больше половины из 276 организованных преступных группировок, известных правоохранительным органам. Они не признают границ, имеют устойчивые связи с ближним и дальним зарубежьем, а также собственные каналы контрабанды наркотиков, занимаются оптовой поставкой и реализацией зелья.

Итогом борьбы с международной наркопреступностью в Южном федеральном округе стало пресечение деятельности 20 с лишним группировок.

К уголовной ответственности привлечены 56 иностранцев. На последнем этапе операции “Канал”, проведенной правоохранительными органами приграничных территорий Юга России, к уголовной ответственности привлечены более 700 чел., у которых изъято свыше 530 кг наркотиков и 250 ед. оружия.

В течение года у наркodelьцов изымались даже авиационные пушки со снарядами, гранатометы, десятки гранат, автоматов и пистолетов, взрывчатка.

В ходе проведения операции “Канал” также выявлены факты проникновения на российский наркорынок крупных партий кокаина.

Так, сотрудники Управления ФСКН России по Московской области задержали наркокурьера, у которого в тайнике автомашины было найдено 500 г этого редкого в России и довольно дорогого наркотика.

Сотрудниками Управления ФСКН России по Приморскому краю совместно с сотрудниками Гродековской таможни на пункте пропуска “Пограничный” задержаны двое граждан КНР при попытке ввоза на территорию России сильнодействующих веществ в лекарственных формах – 4080 таблеток псевдоэфедрина гидрохлорида и 240 капсул хлорфентермина – психотропных веществ, являющихся настоящим ядом для человеческого организма.

За 2005 г. пограничники Забайкалья изъяли более 3 тыс. упаковок таблеток, содержащих психотропные вещества. В Китае этот вид таблеток находится в свободной продаже как средство для похудения, а в России они запрещены к ввозу, поскольку могут быть использованы в качестве сырья для изготовления синтетических наркотиков.

В последние годы российским наркополицейским приходится бороться не только с наркoбаронами, доставляющими зелье из Афганистана и стран Азии, но и с местными производителями наркотиков, которые из года в год расширяют ассортимент.

Так, в благодатном южном климате конопля и мак растут не только сами по себе. На потаенных участках обнаружены гектары посадок, их возделывают промышленным способом с применением сельхозтехники, ядохимикатов и удобрений. Урожай, составляющий тонны наркосырья, закатывают для сохранности в металлические бочки.

В частности, у “наркофермеров” в Ростовской области изъяты недавно свыше 60 кг марихуаны и 0,5 млн. руб. выручки (в основном – при перевозке автотранспортом).

Прошедшая осень стала урожайной не только для наркоманов юга, но и северных регионов России. Именно в октябре сотни любителей и поставщиков псилоцибиновых грибов вышли на луга собирать урожай галлюциногенов. Крохотные грибочки, произрастающие на травянистых луговых кочках, “дают по мозгам” так, как не “вставляет” большинство распространенных видов наркоты.

Однако, несмотря на кажущуюся безвредность псилоцибов, вещества, содержащиеся в наркотических грибах, очень токсичны для внутренних органов человеческого организма и его мозговой деятельности.

Какие же условия повлияли на то, что Россия, несмотря на строгие законы, пресекающие деятельность наркодельцов, все-таки стала не только страной транзита, но и страной потребления наркотического зелья?

Во-первых – это расширение социальной сферы потребителей.

Во-вторых – благоприятные возможности для “отмывания” криминальных денег и получения сверхприбылей в сфере наркобизнеса. По мнению компетентных лиц, каждый рубль вложенный в наркобизнес, приносит 1000 руб. чистого дохода.

В-третьих, по мнению наркодельцов, в России меньше риска попасть под арест за незаконную торговлю наркотиками и их производство. По данным МВД России, задерживается лишь десятая часть лиц, связанных с изготовлением, продажей и провозом наркотических средств.

В-четвертых – необустроенность новых российских границ, в первую очередь со странами Балтии, государствами Закавказья и Центральной Азии. Именно наиболее выгодное геополитическое положение РФ, наличие разветвленной транспортной системы, большая протяженность госграницы и связанная с этим сложность осуществления погранконтроля привлекают к России повышенное внимание международной оргпреступности. Контрабандисты используют для реализации своих целей также увеличивающиеся пассажиро- и грузопотоки через российские границы.

Специалисты отмечают, что особенно вырос поток наркотиков из Афганистана после вывода российских пограничников из Таджикистана.

Тщательный анализ всей этой информации невольно наталкивает на мысль, что большая часть из того, что происходило в начале 90-х годов и происходит сегодня на постсоветском пространстве, является ни чем иным, как четко спланированным заговором Запада против стран СНГ и России, в частности. “Тихая”, “невидимая” война против России набирает обороты.

Сегодня все чаще и чаще даже в нашем разобщенном, достаточно разнородном обществе раздаются озабоченные голоса реалистов: “Все ясно. Нас решили уничтожить”, “идет зачистка территории”, “для обслуживания нефтяных скважин много народу не нужно”.

Однако у подавляющего большинства людей пока отсутствует конкретное понимание того, как именно ведется эта война, кто полководцы, кто солдаты, какое оружие, какие направления ударов и т.п. Люди до сих пор не осознают, что война с Россией ведется одновременно на многих фронтах. Один из них – уменьшение народонаселения России до предельно допустимого минимума. По сути дела, против нашей страны развязана демографическая война.

Все становится на свои места, как только детально познакомишься с так называемым “Планом NSSM-200” или Меморандумом национальной безопасности США, который был составлен в 1974 г. Советом по национальной безопасности. Задача Совета – координировать зарубежные операции всех подразделений правительства.

26 ноября 1975 г. Меморандум стал в области американской внешней политики руководством к действию. И хотя в 1989 г. он был вроде бы рассекречен, опубликование фрагментов из него стало возможным лишь в июне 1990 г. Этот документ без всякого преувеличения можно назвать эпохальным: он на несколько десятилетий, по крайней мере, до 2000 г., определил мировое развитие. Когда знаешь его содержание, многое из того, что

происходит в нашей жизни, предстает в ином свете.

Прежде всего, Меморандум поражает своим цинизмом.

Вот как поборники прав человека представляют себе идеальный порядок вещей, и как они на самом деле пекутся о “равенстве возможностей”: “...Когда перенаселение приводит к массовому голоду, голодным бунтам и социальным переворотам, это не благоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций”. А потому, предупреждают авторы Меморандума, какой-то минимум ограбляемой стране все-таки надо оставить, пусть верят, что “в международном экономическом порядке для них тоже “что-то есть”, иначе концессии иностранных компаний будут экспроприированы или подвергнуты жестоким нападениям”.

И далее: “... подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения...”

В этом контексте стоит вспомнить и Зб.Бжезинского. Его постулатами, вне всякого сомнения, и сейчас в значительной мере руководствуется во внешней политике американская элита.

Удачное предсказание распада СССР подняло его на пьедестал полубога экспертного сообщества. Бжезинский же совершенно откровенно говорил о желательности распада уже новой России ещё на несколько государств.

Наркопреступность и массовая наркомания могут стать одним из действенных факторов ослабления России и других постсоветских стран. К тому же одурманенными людьми всегда легче управлять – резко повышается внушаемость.

Как же претворяются эти американские постулаты в жизнь?

Здесь нелишне процитировать Ричарда Чейни. В частности, американский политик называет нынешний афганский режим “демократией”, что в действительности не выдерживает никакой критики. Но это для американцев не важно. Важно то, что нынешний афганский режим, независимо от его политических характеристик, фактически живёт за счёт производства и экспорта наркотиков. Это не могут отрицать даже американцы.

Таким образом, нынешнее устройство Афганистана вполне можно охарактеризовать как “героиновая демократия”.

Героин производится в соответствии с демократическими нормами без ущемления прав граждан свободного Афганистана и продаётся на внешний рынок в соответствии с нормами демократической, рыночной торговли.

Общепризнанным стал факт увеличения производства и продажи наркотиков в Афганистане именно после падения режима талибов. Это не пытаются отрицать даже на Западе. Площади маковых плантаций и объёмы производства растут в геометрической прогрессии. Дело поставлено на промышленную основу. Если раньше талибы, декларируя строгое следование нормам ислама, хотя бы делали вид, что ограничивают наркобизнес, то теперь наркопроизводство в Афганистане развивается совершенно свободно и практически легально.

Фактически это основная и почти единственная отрасль афганской экономики. В неё вовлечено практически всё население. А Европа и постсоветское пространство, на которые в основном и направлен афганский трафик, в последние годы буквально захлёбываются афганским героином.

“Более половины объема внутреннего валового продукта (ВВП) Афганистана составляет доходы от производства и продажи наркотиков”, – отметил представитель посольства Италии в Афганистане на Форуме по предотвращению конфликтов в Центральной Азии “Региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью в Центральной Азии”.

Кстати сказать, самым проблемным временем для афганской наркомафии был период советского военного присутствия. Интересно, что по свидетельству афганцев сейчас Карзай вынужден массово набирать в органы власти и силовые структуры специалистов, подготовленных в советский период, так как других просто нет, а афганцы, пребывающие из

США и Европы, неспособны разобраться с местной ситуацией. Просоветский режим и Ограниченный контингент советских войск в Афганистане заметно осложняли жизнь наркобизнесу. А достаточно надёжно прикрытая южная граница СССР делала почти невозможным на данном направлении наркотрафик в Европу. В общем, Россия в очередной раз спасала Европу. Впрочем, сейчас от нас хотят того же. Натовцы развели в Афганистане полный наркобеспредел, а бороться с трафиком должна Россия, причём на своей территории.

Аналогичная ситуация сейчас складывается и в бывших советских республиках Средней Азии. Вольно или невольно, но, раскачивая ситуацию в этом регионе, американцы объективно прокладывают дорогу наркобандитам. К примеру, серьёзная роль американцев в дестабилизации положения в Киргизии. Результат – наркотрафик через Киргизию увеличивается, а контролировать данный участок стало практически невозможно.

Та же картина и в других странах региона. К примеру, серьёзное давление сейчас оказывается Западом на Узбекистан. Хорошо известно то, что наркомафия испытывает некоторые затруднения в провозе наркотиков через территорию “авторитарного” Узбекистана. Установление в этой стране “демократии” по афганскому образцу, устранение нынешнего жёсткого руководителя от власти, объективно было бы выгодно именно наркомафии.

Бездеятельность натовцев в Афганистане по пресечению наркотрафика, а скорее их прямую заинтересованность в его увеличении можно объяснить лишь одним – американцы создают благоприятные условия для увеличения наркотрафика на постсоветское пространство и в Европу совершенно умышленно. Косвенных подтверждений для этого более чем достаточно.

Во-первых, подобная политика в целом укладывается в стремление американцев радикально изменить ситуацию на постсоветских евразийских просторах. Увеличение потребления наркотиков объективно способствует внедрению в общество (особенно в молодёжную среду) прозападной психоделяческой контркультуры, расшатывает общественные институты, укрепляет позиции криминального мира, ослабляет в целом здоровье населения, что в свою очередь влияет и на показатели экономики. Всё это неизбежно ведет к расшатыванию в целом государственного устройства, что соответствует стремлению Запада не допустить возрождения на постсоветском пространстве каких-то сильных, конкурентоспособных государств и государственных союзов.

Во-вторых, фактические события только подтверждают данную версию. Выше уже говорилось о том, что натовцы с момента захвата Афганистана не провели ни одной серьёзной антинаркотической операции. И это несмотря на то, что производство героина происходит буквально у них под носом.

Это очень контрастирует с антинаркотической активностью американцев на своём континенте. Как известно, афганские наркотики до Америки не доходят. Население США травят в основном южноамериканские наркобароны. Но здесь американцы не ленятся постоянно посылать за тысячи километров свой спецназ для проведения совместных операций на территории Колумбии и других стран, выделять огромные деньги на борьбу с трафиком и подготовку специалистов.

В-третьих, нельзя исключать и наличие у части американской элиты совершенно бредовых и авантюрных планов ослабления объединённой Европы через поток наркотиков из Азии.

Известно, что американцы достаточно ревностно относятся к европейской самостоятельности и претензиям Европы на роль альтернативного “центра силы” в мире. В любом случае отношение американцев и европейцев не так радужны и просты, как это кажется на первый взгляд. По крайней мере, вопрос наркотрафика в любом случае является неплохим рычагом давления на европейцев. Ведь именно этот вопрос стал одним из ключевых факторов, вынудивших европейцев согласиться на участие в совместной с американцами оккупации Афганистана.

В борьбе с наркоманией как одним из основных средств геноцида, ведущегося против России, необходимо, прежде всего, объединяться. Объединяться на всех уровнях. Для этой нелегкой и продолжительной борьбы необходимо, в первую очередь, консолидировать общество. Общественное мнение нужно довести до правительства и президента, добиться от них решительных действий против наркомафии. Прекрасно понимая, что в одиночку с этим России не справиться, необходимо организовать широкий международный фронт борьбы с силами, напрямую или косвенно способствующими процветанию наркобизнеса.

При этом необходимо помнить, что эффективная борьба непосредственно с наркопоставками будет возможной лишь при согласованной, четкой работе правоохранительных органов, таможни и пограничников. Важным элементом в системе противодействия незаконному обороту наркотиков, в том числе и на транспорте становится создание “поясов безопасности” на границах с Афганистаном, к которому, наряду с Россией, приступили Иран, Узбекистан, Таджикистан и другие государства.

Примером международного сотрудничества по борьбе с наркотрафиком может служить операция “Канал-2005”. Недавно были подведены итоги этой оперативно-профилактической операции, которую осуществляли в координации друг с другом соответствующие ведомства государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан.

Очередная двухэтапная международная оперативно-профилактическая операция “Канал-2005” была проведена с 25 по 31 октября и с 5 по 12 декабря 2005 г. Основной ее целью стало выявление и пресечение контрабанды наркотиков, а также работа по созданию антинаркотических “поясов безопасности” вокруг Афганистана. Решались также задачи по совершенствованию механизмов взаимодействия правоохранительных органов, таможенных и пограничных служб и органов безопасности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Усилия участников операции были направлены на выявление и блокирование каналов нелегальной транспортировки наркотиков и их прекурсоров по “Северному маршруту” и части “Балканского маршрута”. Оперативно-розыскными мероприятиями охватывались регионы, непосредственно примыкающие к Афганистану. Пристальное внимание во время проведения операции уделялось выявлению и пресечению незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров через таджикско-афганский, таджикско-киргизский, туркмено-казахстанский, российско-казахстанский, белорусско-литовский, белорусско-польский, армяно-иранский участки границы.

В операции, кроме государств-членов ОДКБ, в качестве наблюдателей участвовали представители компетентных органов Республики Азербайджан, Исламской Республики Иран, Китайской Народной Республики, Исламской Республики Пакистан, Республики Узбекистан и Украины.

При проведении двух этапов операции “Канал-2005” задействовалось свыше 148 тыс. сотрудников специально уполномоченных ведомств, органов безопасности, внутренних дел, таможенных и пограничных служб.

Для пресечения нелегальной транспортировки наркотиков было создано 2832 стационарных поста, 5323 совместные оперативные группы, работавшие на приграничных территориях, а также железнодорожных вокзалах, автодорогах и аэропортах.

Перекрывалось более 1300 железнодорожных узлов и станций, 2567 автомобильных дорог, 190 аэропортов.

Была организована работа по выявлению и разоблачению лиц и преступных транснациональных групп, осуществляющих контрабанду наркотиков.

Всего в результате операции “Канал-2005” компетентными органами стран ОДКБ и наблюдателей из незаконного оборота изъято более 11 т 250 кг (в 2004 г. – 10 т 700 кг) наркотиков, в том числе около 550 кг героина, свыше 1 т гашиша и более 117,6 т прекурсоров.

Выявлено 9352 наркопреступлений, в том числе 4793 (в 2004 г. – 2098) – связанных со

сбытом и 766 (в 2004 г. – 312) – с контрабандой и перевозкой наркотиков.

Возбуждено 7567 уголовных дел.

В результате активизации правоохранительной деятельности в рамках операции “Канал-2005” раскрыто также более 43069 (в 2004 г. – 14800) общеуголовных преступлений. Изъято 1030 (в 2004 г. – 565) ед. огнестрельного оружия и около 38 тыс. ед. боеприпасов.

Принятые меры позволили уточнить основные и выявить новые маршруты поставки наркотиков с территории стран Центральной Азии в Россию, государства Европы и Африку, продолжить работу по разоблачению преступных транснациональных групп, осуществляющих контрабандные поставки наркотических средств. Проводилась работа по отслеживанию оборота прекурсоров.

В частности, компетентными органами Кыргызской Республики в одном из селений Ошской области обнаружено более 2 т серной кислоты, поступивших туда контрабандным путем и без документов.

Операции “Канал” регулярно проводятся с 2003 г. при активном участии Секретариата ОДКБ на совместной основе с компетентными органами государств-членов ОДКБ. В 2004 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ, председателем которого избран директор ФСКН России Виктор Черкесов.

В последние годы постоянно растет и крепится сотрудничество правоохранительных органов России и Казахстана, что позволяет успешно бороться с наркотрафиком, прежде всего, из Афганистана. МВД двух стран планируют проводить в приграничных районах совместные адресные операции по борьбе с преступностью, прежде всего, с наркотрафиком.

В результате сотрудничества МВД России и Казахстана только за первые месяцы 2005 г. выявлено 5 наркокурьеров, у которых изъято 15 кг наркотиков. Кроме того, в ходе совместных операций с начала года выявлено более 33 тыс. административных правонарушений, задержано 125 лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений на территории России.

Положительным можно назвать и налаживающееся сотрудничество Таджикистана с Афганистаном.

Во время встречи в Душанбе (сентябрь 2005 г.) руководители пограничных ведомств Таджикистана и Афганистана договорились о создании групп из числа высокопрофессиональных специалистов силовых структур обеих стран, которые будут вести совместную работу в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

По словам замминистра внутренних дел Афганистана Мухаммада Довуда, руководители групп будут проводить регулярные встречи, во время которых будут обмениваться информацией и опытом. В тех районах, где наблюдается повышенная активность наркоконтрабандистов, будут проводиться совместные операции.

По его данным, за последние 18 месяцев силами правоохранительных органов Афганистана в стране были уничтожены 135 лабораторий по производству наркотиков и 265 т наркотических веществ.

Достигнутые в Душанбе договоренности также предусматривают проведение совместных учебных программ для пограничников обеих государств на базе учебных центров в Душанбе и Кабуле. Первые обучающие семинары будут проведены для высшего офицерского состава.

С тем, чтобы окончательно покончить со злом, постоянно исходящим из Афганистана, необходимы совместные, скоординированные усилия всего международного сообщества, направленные как на сокращение производства наркотиков в самом Афганистане, так и на повышение эффективности борьбы правоохранительных органов с трафиком афганского героина в Центрально-Азиатский регион и по всему так называемому “северному маршруту”.

При этом особенно важно понимание того, что достижение кардинального улучшения

наркоситуации и реальное пресечение наркоэкспансии в регионе возможно только за счет стабилизации обстановки в Афганистане, восстановления народного хозяйства и экономики страны.

С тем, чтобы координировать меры правительства Афганистана и международных сил в этой стране и соседних государств необходима международная комплексная программа, которая должна включать:

- оценку параметров наркоугрозы;
- обмен оперативной информацией по наркопосевам, размещению героиновых лабораторий и каналам транспортировки наркотиков;
- содействие в подготовке кадров и оснащении соответствующих служб.

Только в этом случае можно ожидать дальнейшего ослабления наркотрафика и последующего его пресечения. Только тогда можно будет защитить россиян от наркотической зависимости и последующей деградации. Война против России идет уже очень давно и достаточно успешно. Разумеется, не на театрах военных действий под грохот канонады и крики наступающих войск.

Совсем нет. Война, которая ведется против России “негромкая” и “невидимая”.

Но, тем не менее, потери нашей страны от этой войны за последние 15 лет уже давно и многократно превысили ущерб, понесенный Советским Союзом в Великой Отечественной войне.

Прежде чем разобраться в истоках и особенностях этой “тайной” войны, необходимо, определиться, что же такое война вообще, и чем современные войны отличаются от войн прошедших.

Классики марксизма вслед за К.Клаузевицем доказывали, что война – это продолжение политики иными средствами. Для своего времени это было наиболее обоснованное определение.

Но сегодня понятие это уже давно устарело.

Современное определение звучит несколько по-другому.

Современная война – это средство разрешения противоречий между государствами, классами, народами, племенами, которые складываются вокруг ресурсов, контролируемых сторонами.

Цель у таких войн – захват или перераспределение ресурсов.

Пути ведения войн – самые разнообразные: геноцид, дезориентация и физическое уничтожение противника.

Вся история человечества свидетельствует о том, что достижение конечных целей войны возможно не только за счет применения грубой военной силы или угрозой ее применения, но и иными средствами: информационными, экономическими, наркотическими, этническими.

Для достижения своих целей противник чаще всего использует самое совершенное, самое страшное и массовое оружие – геноцид.

К средствам осуществления геноцида относится, прежде всего, наркотические вещества (алкоголь, табак, наркотики, психотропные и химические препараты), а также продукты, полученные в результате воздействия генной инженерии, психотропные средства, радиация, электромагнитные и звуковые излучения определенных спектров частот и т.п., то есть все то, что калечит и убивает не только живущих людей, но и их потомков.

Применяются эти средства массированно и вот уже на протяжении многих десятилетий приводят к деградации и гибели миллионы людей в самых разных странах мира.

В последнее десятилетие эти средства напрямую используются против России. Среди них наиболее массовое воздействие на подрастающие поколения оказывают наркотические вещества. Во многом именно наркомания, словно цепная реакция распространяющаяся

среди молодежи, приводит их к последующей деградации и гибели. Этот факт в последние годы особенно активно влияет на демографическую ситуацию в стране.

Ни для кого не секрет, что в последние годы население России тает не по дням, а по часам.

Так, по данным Госкомстата России, к 2010 г. из-за неблагоприятной демографической ситуации численность населения России может сократиться до 138 млн. чел. (по результатам переписи населения 2002 г. численность постоянного населения России составляла 145,2 млн. чел.). То есть, ежегодно страна, в среднем, теряет по 1 млн. чел.

Согласно прогнозу ООН (2002 г.), к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн. чел.

К похожим результатам приходят и российские прогнозисты.

Статистика бесстрастно констатирует, что сокращение численности населения, вызвано, прежде всего, падением рождаемости и ростом смертности. Продолжает снижаться и средняя продолжительность жизни – с 67 лет в 1999 г. до 64 в 2002.

Среди основных причин – высокий уровень заболеваемости, смертность от несчастных случаев, отравления, травм и плохой экологии.

Усугубляет демографическую ситуацию и наркомания...

Свойство и действие на человека наркотических средств известны издревле.

В Южную Азию культуру опия и навык его употребления занесли войска Александра Македонского (IV в. до нашей эры).

Из Индии, опий быстро распространился по всей Юго-Восточной Азии.

В Европе введение опия сначала в медицинскую практику, а затем и потребление в других целях приписывают Парацельсу (XVI в.).

Несмотря на знакомство с наркотиками и их применение в быту в качестве одурманивающего средства еще в глубокой древности, наркомания как заболевание получила широкое распространение в странах Запада и Востока лишь после XVII столетия. Контрабанда опия в Российской Империи и особенно на Востоке процветала вплоть до начала XX в., принося наркодельцам огромные прибыли. В советские времена считалось, что в стране наркомании нет, что это пагубное занятие присуще исключительно капиталистической действительности.

Сегодня наркомания как глобальная проблема сместилась в иную плоскость. Уже никто не отрицает, что в последние годы наркотики получили широкое распространение и в России. Почти все, в том числе и сами наркоманы, осознают пагубность пристрастия к зелью. Но, несмотря на это, до сих пор остается открытым вопрос о том, как же наиболее эффективно бороться с этим бедствием, как избавить от нее жизнь наших детей.

Обратимся к статистике.

Если в 1993 г. в России только 1% населения регулярно потреблял наркотики (1,5 млн. чел.), то в 1995 г., по данным международного комитета по наркотикам, – 6 млн., из них 1 млн. – подростки.

Сегодня число потребителей наркотического зелья увеличилось, как минимум в 2 раза.

Все это говорит о том, что Россия из перевалочной базы наркотиков постепенно превращается в потребителя “белой смерти”.

В 2005 г. органами наркоконтроля в России изъято более 130 т наркотиков, в том числе около 4 т героина.

Общее количество изъятых наркотиков составляет более 100 млн. доз.

Возбуждено порядка 90 тыс. уголовных дел, из которых 70% составляют уголовные дела, возбужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления.

При этом необходимо отметить, что общее количество изымаемых в России наркотиков не превышает 15% наркотических средств, находящихся в обороте, что созвучно с мировой тенденцией (по данным специалистов, в наркобизнесе крутятся наркосодержащих веществ, по самым приблизительным оценкам, на сумму от 10 до 15

млрд. долл.). А это значит, что из оставшихся 85% наркотиков, часть остается в России, а другая транзитом идет в страны Европы.

По оценке аналитиков Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ФСКН), переброска наркотиков чаще всего осуществляется автомобильным транспортом – свыше 70%.

По железной дороге переправляют до 20%.

Реже наркодельцы используют воздушный и водный транспорт.

Значительная часть наркотиков доставляется в Россию через территорию Южного и Уральского федеральных округов страны.

В частности, героин из Афганистана и Средней Азии поступает через Волгоградскую, Астраханскую и Свердловскую области.

По мнению экспертов ФСКН, из Афганистана и Средней Азии в Россию ежедневно ввозится до 10 кг героина.

Через границу Дагестана и Азербайджана в центральные районы страны попадает более половины ввозимого из-за кордона опия.

По словам заместителя руководителя пограничной службы ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Манилова, за 2005 г. только на российско-казахской границе было изъято свыше 50% зелья из общего потока по стране.

Особую проблему для наркополицейских Юга России составляют этнические преступные группы: таджикские, узбекские, цыганские, азербайджанские и чеченские. Их больше половины из 276 организованных преступных группировок, известных правоохранительным органам. Они не признают границ, имеют устойчивые связи с ближним и дальним зарубежьем, а также собственные каналы контрабанды наркотиков, занимаются оптовой поставкой и реализацией зелья.

Итогом борьбы с международной наркопреступностью в Южном федеральном округе стало пресечение деятельности 20 с лишним группировок.

К уголовной ответственности привлечены 56 иностранцев. На последнем этапе операции “Канал”, проведенной правоохранительными органами приграничных территорий Юга России, к уголовной ответственности привлечены более 700 чел., у которых изъято свыше 530 кг наркотиков и 250 ед. оружия.

В течение года у наркодельцов изымались даже авиационные пушки со снарядами, гранатометы, десятки гранат, автоматов и пистолетов, взрывчатка.

В ходе проведения операции “Канал” также выявлены факты проникновения на российский наркорынок крупных партий кокаина.

Так, сотрудники Управления ФСКН России по Московской области задержали наркокурьера, у которого в тайнике автомашины было найдено 500 г этого редкого в России и довольно дорогого наркотика.

Сотрудниками Управления ФСКН России по Приморскому краю совместно с сотрудниками Гродековской таможни на пункте пропуска “Пограничный” задержаны двое граждан КНР при попытке ввоза на территорию России сильнодействующих веществ в лекарственных формах – 4080 таблеток псевдоэфедрина гидрохлорида и 240 капсул хлорфентермина – психотропных веществ, являющихся настоящим ядом для человеческого организма.

За 2005 г. пограничники Забайкалья изъяли более 3 тыс. упаковок таблеток, содержащих психотропные вещества. В Китае этот вид таблеток находится в свободной продаже как средство для похудения, а в России они запрещены к ввозу, поскольку могут быть использованы в качестве сырья для изготовления синтетических наркотиков.

В последние годы российским наркополицейским приходится бороться не только с наркобаронами, доставляющими зелье из Афганистана и стран Азии, но и с местными производителями наркотиков, которые из года в год расширяют ассортимент.

Так, в благодатном южном климате конопля и мак растут не только сами по себе. На потаенных участках обнаружены гектары посадок, их возделывают промышленным

способом с применением сельхозтехники, ядохимикатов и удобрений. Урожай, составляющий тонны наркосырья, закатывают для сохранности в металлические бочки.

В частности, у “наркофермеров” в Ростовской области изъяты недавно свыше 60 кг марихуаны и 0,5 млн. руб. выручки (в основном – при перевозке автотранспортом).

Прошедшая осень стала урожайной не только для наркоманов юга, но и северных регионов России. Именно в октябре сотни любителей и поставщиков псилоцибиновых грибов вышли на луга собирать урожай галлюциногенов. Крохотные грибочки, произрастающие на травянистых луговых кочках, “дают по мозгам” так, как не “вставляет” большинство распространенных видов наркоты.

Однако, несмотря на кажущуюся безвредность псилоцибов, вещества, содержащиеся в наркотических грибах, очень токсичны для внутренних органов человеческого организма и его мозговой деятельности.

Такие же условия повлияли на то, что Россия, несмотря на строгие законы, пресекающие деятельность наркодельцов, все-таки стала не только страной транзита, но и страной потребления наркотического зелья?

Во-первых – это расширение социальной сферы потребителей.

Во-вторых – благоприятные возможности для “отмывания” криминальных денег и получения сверхприбылей в сфере наркобизнеса. По мнению компетентных лиц, каждый рубль вложенный в наркобизнес, приносит 1000 руб. чистого дохода.

В-третьих, по мнению наркодельцов, в России меньше риска попасть под арест за незаконную торговлю наркотиками и их производство. По данным МВД России, задерживается лишь десятая часть лиц, связанных с изготовлением, продажей и провозом наркотических средств.

В-четвертых – необустроенность новых российских границ, в первую очередь со странами Балтии, государствами Закавказья и Центральной Азии. Именно наиболее выгодное геополитическое положение РФ, наличие разветвленной транспортной системы, большая протяженность госграницы и связанная с этим сложность осуществления погранконтроля привлекают к России повышенное внимание международной оргпреступности. Контрабандисты используют для реализации своих целей также увеличивающиеся пассажиро- и грузопотоки через российские границы.

Специалисты отмечают, что особенно вырос поток наркотиков из Афганистана после вывода российских пограничников из Таджикистана.

Тщательный анализ всей этой информации невольно наталкивает на мысль, что большая часть из того, что происходило в начале 90-х годов и происходит сегодня на постсоветском пространстве, является ни чем иным, как четко спланированным заговором Запада против стран СНГ и России, в частности. “Тихая”, “невидимая” война против России набирает обороты.

Сегодня все чаще и чаще даже в нашем разобщенном, достаточно разнородном обществе раздаются озабоченные голоса реалистов: “Все ясно. Нас решили уничтожить”, “идет зачистка территории”, “для обслуживания нефтяных скважин много народу не нужно”.

Однако у подавляющего большинства людей пока отсутствует конкретное понимание того, как именно ведется эта война, кто полководцы, кто солдаты, какое оружие, какие направления ударов и т.п. Люди до сих пор не осознают, что война с Россией ведется одновременно на многих фронтах. Один из них – уменьшение народонаселения России до предельно допустимого минимума. По сути дела, против нашей страны развязана демографическая война.

Все становится на свои места, как только детально знакомишься с так называемым “Планом NSSM-200” или Меморандумом национальной безопасности США, который был составлен в 1974 г. Советом по национальной безопасности. Задача Совета – координировать зарубежные операции всех подразделений правительства.

26 ноября 1975 г. Меморандум стал в области американской внешней политики

руководством к действию. И хотя в 1989 г. он был вроде бы рассекречен, опубликование фрагментов из него стало возможным лишь в июне 1990 г. Этот документ без всякого преувеличения можно назвать эпохальным: он на несколько десятилетий, по крайней мере, до 2000 г., определил мировое развитие. Когда знаешь его содержание, многое из того, что происходит в нашей жизни, предстает в ином свете.

Прежде всего, Меморандум поражает своим цинизмом.

Вот как поборники прав человека представляют себе идеальный порядок вещей, и как они на самом деле пекутся о “равенстве возможностей”: “...Когда перенаселение приводит к массовому голоду, голодным бунтам и социальным переворотам, это не благоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций”. А потому, предупреждают авторы Меморандума, какой-то минимум ограбляемой стране все-таки надо оставить, пусть верят, что “в международном экономическом порядке для них тоже “что-то есть”, иначе концессии иностранных компаний будут экспроприированы или подвергнуты жестоким нападениям”.

И далее: “... подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения...”

В этом контексте стоит вспомнить и Зб.Бжезинского. Его постулатами, вне всякого сомнения, и сейчас в значительной мере руководствуется во внешней политике американская элита.

Удачное предсказание распада СССР подняло его на пьедестал полубога экспертного сообщества. Бжезинский же совершенно откровенно говорил о желательности распада уже новой России ещё на несколько государств.

Наркопреступность и массовая наркомания могут стать одним из действенных факторов ослабления России и других постсоветских стран. К тому же одурманенными людьми всегда легче управлять – резко повышается внушаемость.

Как же претворяются эти американские постулаты в жизнь?

Здесь нелишне процитировать Ричарда Чейни. В частности, американский политик называет нынешний афганский режим “демократией”, что в действительности не выдерживает никакой критики. Но это для американцев не важно. Важно то, что нынешний афганский режим, независимо от его политических характеристик, фактически живёт за счёт производства и экспорта наркотиков. Это не могут отрицать даже американцы.

Таким образом, нынешнее устройство Афганистана вполне можно охарактеризовать как “героиновая демократия”.

Героин производится в соответствии с демократическими нормами без ущемления прав граждан свободного Афганистана и продаётся на внешний рынок в соответствии с нормами демократической, рыночной торговли.

Общепризнанным стал факт увеличения производства и продажи наркотиков в Афганистане именно после падения режима талибов. Это не пытаются отрицать даже на Западе. Площади маковых плантаций и объёмы производства растут в геометрической прогрессии. Дело поставлено на промышленную основу. Если раньше талибы, декларировавшие строгое следования нормам ислама, хотя бы делали вид, что ограничивают наркобизнес, то теперь наркопроизводство в Афганистане развивается совершенно свободно и практически легально.

Фактически это основная и почти единственная отрасль афганской экономики. В неё вовлечено практически всё население. А Европа и постсоветское пространство, на которые в основном и направлен афганский трафик, в последние годы буквально захлёбываются афганским героином.

“Более половины объема внутреннего валового продукта (ВВП) Афганистана составляет доходы от производства и продажи наркотиков”, – отметил представитель посольства Италии в Афганистане на Форуме по предотвращению конфликтов в Центральной Азии “Региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью в Центральной Азии”.

Кстати сказать, самым проблемным временем для афганской наркомафии был период советского военного присутствия. Интересно, что по свидетельству афганцев сейчас Карзай вынужден массово набирать в органы власти и силовые структуры специалистов, подготовленных в советский период, так как других просто нет, а афганцы, пребывающие из США и Европы, неспособны разобраться с местной ситуацией. Просоветский режим и Ограниченный контингент советских войск в Афганистане заметно осложняли жизнь наркобизнесу. А достаточно надёжно прикрытая южная граница СССР делала почти невозможным на данном направлении наркотрафик в Европу. В общем, Россия в очередной раз спасала Европу. Впрочем, сейчас от нас хотят того же. Натовцы развели в Афганистане полный наркобеспредел, а бороться с трафиком должна Россия, причём на своей территории.

Аналогичная ситуация сейчас складывается и в бывших советских республиках Средней Азии. Вольно или невольно, но, раскачивая ситуацию в этом регионе, американцы объективно прокладывают дорогу наркобандитам. К примеру, серьёзная роль американцев в дестабилизации положения в Киргизии. Результат – наркотрафик через Киргизию увеличивается, а контролировать данный участок стало практически невозможно.

Та же картина и в других странах региона. К примеру, серьёзное давление сейчас оказывается Западом на Узбекистан. Хорошо известно то, что наркомафия испытывает некоторые затруднения в провозе наркотиков через территорию “авторитарного” Узбекистана. Установление в этой стране “демократии” по афганскому образцу, устранение нынешнего жёсткого руководителя от власти, объективно было бы выгодно именно наркомафии.

Бездеятельность натовцев в Афганистане по пресечению наркотрафика, а скорее их прямую заинтересованность в его увеличении можно объяснить лишь одним – американцы создают благоприятные условия для увеличения наркотрафика на постсоветское пространство и в Европу совершенно умышленно. Косвенных подтверждений для этого более чем достаточно.

Во-первых, подобная политика в целом укладывается в стремление американцев радикально изменить ситуацию на постсоветских евразийских просторах. Увеличение потребления наркотиков объективно способствует внедрению в общество (особенно в молодёжную среду) прозападной психоделяческой контркультуры, расшатывает общественные институты, укрепляет позиции криминального мира, ослабляет в целом здоровье населения, что в свою очередь влияет и на показатели экономики. Всё это неизбежно ведёт к расшатыванию в целом государственного устройства, что соответствует стремлению Запада не допустить возрождения на постсоветском пространстве каких-то сильных, конкурентоспособных государств и государственных союзов.

Во-вторых, фактические события только подтверждают данную версию. Выше уже говорилось о том, что натовцы с момента захвата Афганистана не провели ни одной серьёзной антинаркотической операции. И это несмотря на то, что производство героина происходит буквально у них под носом.

Это очень контрастирует с антинаркотической активностью американцев на своём континенте. Как известно, афганские наркотики до Америки не доходят. Население США травят в основном южноамериканские наркобароны. Но здесь американцы не ленятся постоянно посылать за тысячи километров свой спецназ для проведения совместных операций на территории Колумбии и других стран, выделять огромные деньги на борьбу с трафиком и подготовку специалистов.

В-третьих, нельзя исключать и наличие у части американской элиты совершенно бредовых и авантюрных планов ослабления объединённой Европы через поток наркотиков из Азии.

Известно, что американцы достаточно ревностно относятся к европейской самостоятельности и претензиям Европы на роль альтернативного “центра силы” в мире. В любом случае отношение американцев и европейцев не так радужны и просты, как это

кажется на первый взгляд. По крайней мере, вопрос наркотрафика в любом случае является неплохим рычагом давления на европейцев. Ведь именно этот вопрос стал одним из ключевых факторов, вынудивших европейцев согласиться на участие в совместной с американцами оккупации Афганистана.

В борьбе с наркоманией как одним из основных средств геноцида, ведущегося против России, необходимо, прежде всего, объединяться. Объединяться на всех уровнях. Для этой нелегкой и продолжительной борьбы необходимо, в первую очередь, консолидировать общество. Общественное мнение нужно довести до правительства и президента, добиться от них решительных действий против наркомафии. Прекрасно понимая, что в одиночку с этим России не справиться, необходимо организовать широкий международный фронт борьбы с силами, напрямую или косвенно способствующими процветанию наркобизнеса.

При этом необходимо помнить, что эффективная борьба непосредственно с наркопоставками будет возможной лишь при согласованной, четкой работе правоохранительных органов, таможни и пограничников. Важным элементом в системе противодействия незаконному обороту наркотиков, в том числе и на транспорте становится создание “поясов безопасности” на границах с Афганистаном, к которому, наряду с Россией, приступили Иран, Узбекистан, Таджикистан и другие государства.

Примером международного сотрудничества по борьбе с наркотрафиком может служить операция “Канал-2005”. Недавно были подведены итоги этой оперативно-профилактической операции, которую осуществляли в координации друг с другом соответствующие ведомства государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан.

Очередная двухэтапная международная оперативно-профилактическая операция “Канал-2005” была проведена с 25 по 31 октября и с 5 по 12 декабря 2005 г. Основной ее целью стало выявление и пресечение контрабанды наркотиков, а также работа по созданию антинаркотических “поясов безопасности” вокруг Афганистана. Решались также задачи по совершенствованию механизмов взаимодействия правоохранительных органов, таможенных и пограничных служб и органов безопасности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Усилия участников операции были направлены на выявление и блокирование каналов нелегальной транспортировки наркотиков и их прекурсоров по “Северному маршруту” и части “Балканского маршрута”. Оперативно-розыскными мероприятиями охватывались регионы, непосредственно примыкающие к Афганистану. Пристальное внимание во время проведения операции уделялось выявлению и пресечению незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров через таджикско-афганский, таджикско-киргизский, туркмено-казахстанский, российско-казахстанский, белорусско-литовский, белорусско-польский, армяно-иранский участки границы.

В операции, кроме государств-членов ОДКБ, в качестве наблюдателей участвовали представители компетентных органов Республики Азербайджан, Исламской Республики Иран, Китайской Народной Республики, Исламской Республики Пакистан, Республики Узбекистан и Украины.

При проведении двух этапов операции “Канал-2005” задействовалось свыше 148 тыс. сотрудников специально уполномоченных ведомств, органов безопасности, внутренних дел, таможенных и пограничных служб.

Для пресечения нелегальной транспортировки наркотиков было создано 2832 стационарных поста, 5323 совместные оперативные группы, работавшие на приграничных территориях, а также железнодорожных вокзалах, автодорогах и аэропортах.

Перекрывалось более 1300 железнодорожных узлов и станций, 2567 автомобильных дорог, 190 аэропортов.

Была организована работа по выявлению и разоблачению лиц и преступных транснациональных групп, осуществляющих контрабанду наркотиков.

Всего в результате операции “Канал-2005” компетентными органами стран ОДКБ и

наблюдателей из незаконного оборота изъято более 11 т 250 кг (в 2004 г. – 10 т 700 кг) наркотиков, в том числе около 550 кг героина, свыше 1 т гашиша и более 117,6 т прекурсоров.

Выявлено 9352 наркопреступлений, в том числе 4793 (в 2004 г. – 2098) – связанных со сбытом и 766 (в 2004 г. – 312) – с контрабандой и перевозкой наркотиков.

Возбуждено 7567 уголовных дел.

В результате активизации правоохранительной деятельности в рамках операции “Канал-2005” раскрыто также более 43069 (в 2004 г. – 14800) общеуголовных преступлений. Изъято 1030 (в 2004 г. – 565) ед. огнестрельного оружия и около 38 тыс. ед. боеприпасов.

Принятые меры позволили уточнить основные и выявить новые маршруты поставки наркотиков с территории стран Центральной Азии в Россию, государства Европы и Африку, продолжить работу по разоблачению преступных транснациональных групп, осуществляющих контрабандные поставки наркотических средств. Проводилась работа по отслеживанию оборота прекурсоров.

В частности, компетентными органами Кыргызской Республики в одном из селений Ошской области обнаружено более 2 т серной кислоты, поступивших туда контрабандным путем и без документов.

Операции “Канал” регулярно проводятся с 2003 г. при активном участии Секретариата ОДКБ на совместной основе с компетентными органами государств-членов ОДКБ. В 2004 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ, председателем которого избран директор ФСКН России Виктор Черкесов.

В последние годы постоянно растет и крепится сотрудничество правоохранительных органов России и Казахстана, что позволяет успешно бороться с наркотрафиком, прежде всего, из Афганистана. МВД двух стран планируют проводить в приграничных районах совместные адресные операции по борьбе с преступностью, прежде всего, с наркотрафиком.

В результате сотрудничества МВД России и Казахстана только за первые месяцы 2005 г. выявлено 5 наркокурьеров, у которых изъято 15 кг наркотиков. Кроме того, в ходе совместных операций с начала года выявлено более 33 тыс. административных правонарушений, задержано 125 лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений на территории России.

Положительным можно назвать и налаживающееся сотрудничество Таджикистана с Афганистаном.

Во время встречи в Душанбе (сентябрь 2005 г.) руководители пограничных ведомств Таджикистана и Афганистана договорились о создании групп из числа высокопрофессиональных специалистов силовых структур обеих стран, которые будут вести совместную работу в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

По словам замминистра внутренних дел Афганистана Мухаммада Довуда, руководители групп будут проводить регулярные встречи, во время которых будут обмениваться информацией и опытом. В тех районах, где наблюдается повышенная активность наркоконтрабандистов, будут проводиться совместные операции.

По его данным, за последние 18 месяцев силами правоохранительных органов Афганистана в стране были уничтожены 135 лабораторий по производству наркотиков и 265 т наркотических веществ.

Достигнутые в Душанбе договоренности также предусматривают проведение совместных учебных программ для пограничников обеих государств на базе учебных центров в Душанбе и Кабуле. Первые обучающие семинары будут проведены для высшего офицерского состава.

С тем, чтобы окончательно покончить со злом, постоянно исходящим из Афганистана, необходимы совместные, скоординированные усилия всего международного сообщества, направленные как на сокращение производства наркотиков в самом Афганистане, так и на

повышение эффективности борьбы правоохранительных органов с трафиком афганского героина в Центрально-Азиатский регион и по всему так называемому “северному маршруту”.

При этом особенно важно понимание того, что достижение кардинального улучшения наркоситуации и реальное пресечение наркоэкспансии в регионе возможно только за счет стабилизации обстановки в Афганистане, восстановления народного хозяйства и экономики страны.

С тем, чтобы координировать меры правительства Афганистана и международных сил в этой стране и соседних государств необходима международная комплексная программа, которая должна включать:

- оценку параметров наркоугрозы;
- обмен оперативной информацией по наркопосевам, размещению героиновых лабораторий и каналам транспортировки наркотиков;
- содействие в подготовке кадров и оснащении соответствующих служб.

Только в этом случае можно ожидать дальнейшего ослабления наркотрафика и последующего его пресечения. Только тогда можно будет защитить россиян от наркотической зависимости и последующей деградации.

РОССИЯ И ООН XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Л.Гришаева,
кандидат исторических наук

Россия вышла на международную арену как суверенное государство, проводящее самостоятельную внешнюю политику, в 90-е годы XX в. Соответственно изменились её стратегические интересы при резкой смене геополитической обстановки: биполярная модель мира изменилась на многополярную.

В этих условиях роль Организации Объединенных Наций как единственной глобальной международной организации, способной решать проблемы международной безопасности, будет постоянно усиливаться. Уникальность ООН очевидна: это единственная международная организация, членами которой являются практически все страны мира. Компетенция ООН охватывает самый широкий спектр проблем.

В настоящее время реальной альтернативы ООН нет, другие организации способны лишь дополнить ее деятельность. Однако в изменившемся мире и у ООН, и у России новая роль и новое значение. Переломная ситуация в международной обстановке обязывает к новым подходам, способам и формам взаимоотношений между государствами. Поиск их идет трудно и неоднозначно.

Необходимость реформы ООН и позиция России

Очевидно, что в современных условиях назрела реформа ООН, от которой зависит само существование ООН и её будущая эффективность. Ясно, что за 60 лет существования ООН очень многое в ней, несмотря на универсальность основополагающих принципов, не соответствует современным потребностям мирового сообщества. Реформа должна охватить все сферы деятельности организации. Государства-члены ООН активно участвуют в этом процессе, выдвигая свои проекты и предложения. Представления о том, как сделать ООН организацией более дееспособной, весьма различны.

До реализации реформы ООН еще далеко, так как существует ряд вопросов, вызывающих горячие споры между членами Организации, и без решения которых реформирование системы не будет полноценным.

Среди важнейших вопросов:

- расширение Совета Безопасности ООН и правило единогласия его постоянных членов;
- сокращение органов, дублирующих функции друг друга и т.д.

Для России сотрудничество с ООН имеет большое значение. Статус постоянного члена Совета Безопасности позволяет России существенно влиять на принятие важнейших политических решений, что усиливает ее вес на мировой арене. Очевидно, что в случае успеха реформы ООН Россия только выиграет. Именно поэтому проблема адаптации Организации к новым вызовам времени требует особого внимания.

Реформа ООН подразумевает принятие комплекса мер, направленных на совершенствование всей системы Организации. Главная цель реформы – адаптация ООН к

новым вызовам так, чтобы она продолжала успешно выполнять свою основную уставную функцию – поддерживать мир и безопасность.

Реформа будет не одnorазовым актом, а длительным процессом.

Организация будет меняться со временем: органы, сослужившие свою службу и ставшие неэффективными, будут отмирать, вместо них будут появляться новые, более совершенные. В настоящее время речь идет о капитальном реформировании ООН, так как реформа в большей или меньшей степени коснется всех ее главных органов.

Реформа коснется всех областей деятельности Организации: миротворческой, социальной, гуманитарной, экономической.

Пересмотру подвергнется вся структура ООН, будут упразднены комитеты и подразделения, дублирующие функции других органов.

Планируется сокращение и реорганизация административного аппарата для уменьшения затрат на его содержание и повышение эффективности.

Структура управления должна быть рационализирована, в этом случае можно будет освободить часть ресурсов, прежде всего финансовых, и направить их на деятельность для развития. Другими словами, ООН в идеале должна быть “ориентирована на конкретные результаты, как с точки зрения кадрового состава, так и с точки зрения выделения ресурсов”¹.

В конечном итоге, реформа должна привести к повышению эффективности деятельности Организации Объединенных Наций в двух приоритетных областях:

- сохранение международного мира и безопасности;
- содействие экономическому и социальному развитию государств-членов.

Поэтому наибольшие усилия будут направлены на совершенствование органов, координирующих деятельность ООН в этих областях: прежде всего Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Секретариат, Экономический и Социальный Совет.

Россия, безусловно, заинтересована в реформе. После распада Советского Союза ее положение на мировой арене заметно ослабло, хотя она и продолжает играть важную роль в мировой политике. Однако, как не без злорадства отметил в своем выступлении перед Генеральной Ассамблеей представитель Сингапура: “Геополитическая реальность состоит в том, что несколько нынешних постоянных членов сохраняют этот статус не потому, что они являются великими державами или глобальными державами в традиционном смысле этих слов. Если идти от обратного, то можно сказать, что они имеют статус великих или глобальных держав в первую очередь потому, что они уже являются постоянными членами”².

Господин Каусикан намекал, прежде всего, на Россию, внутренние проблемы которой не позволяли ей опять стать безусловным лидером в мировой политике. Но в этом едком высказывании есть доля правды, ведь статус постоянного члена Совета Безопасности имеет значительный вес на мировой арене, так как только постоянные члены Совета принимают окончательное решение по важнейшим вопросам международной безопасности, от них зависит стабильность в международных отношениях. Однако Россия является крупной ядерной державой, что, в конечном итоге, и определяет ее значимость. Именно постоянные члены, и в первую очередь Россия, заинтересованы в гибкой эффективной ООН.

Все члены ООН имеют собственные исходные представления о реформах.

В отношении реформы ООН Россия придерживается весьма осторожной и взвешенной позиции. Основное – это при проведении реформы должна быть соблюдена преемственность.

Есть несколько подходов к реформе ООН:

Консервативно-охранительный, который не предусматривает внесения каких-либо процедурно-организационных изменений, а предполагает идти по пути наращивания отдачи от имеющихся организаций и механизмов за счет рационализации их деятельности.

Умеренно-реформаторский, который предполагает, главным образом, улучшение существующих структур, но исходит из возможности внесения корректив в их композицию, функции по мере необходимости. Прежде всего, имеется в виду сокращение устаревших, ненужных или дублирующих друг друга программ и дорогостоящих проектов, а в отдельных случаях – учреждение новых за счет ранее полученных экономических средств и ресурсов.

Радикально-реформаторский, который вынашивает перспективы кардинальной перестройки международных отношений, ООН и других механизмов международного сотрудничества и взаимодействия.

Позиция России в настоящее время склоняется к сочетанию первых двух направлений. Россия исходит из того, что любая реформа не должна затрагивать основ Организации.

Совет безопасности – главный приоритет реформы ООН

Ключевым вопросом будет реформирование Совета Безопасности, так как от его решения зависит вся реформа.

Можно выделить две основные проблемы, связанные с Советом:

во-первых, вопрос о расширении Совета в категории как постоянных, так и непостоянных членов;

во-вторых, вопрос о сохранении права вето как основной привилегии постоянных членов.

С этими вопросами тесно связана проблема ревизии Устава ООН

Россия – против таких мер, так как существует опасность того, что в процессе реформирования ООН будут затронуты основополагающие принципы, зафиксированные в Уставе, а именно принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, то есть право вето.

Устав был создан более полувека тому назад, но его принципы не потеряли свою значимость до сих пор.

Безусловно, изменения в международных отношениях требуют адаптации этих принципов к новым реалиям. Но база для этого должна остаться неизменной, иначе мы получим другую организацию, и не- известно, сможет ли она также достойно сохранять международный мир и безопасность, как ООН. Именно поэтому реформа требует особого подхода, и здесь многое будет зависеть от “пятерки” постоянных членов, чье мнение будет решающим.

Вопрос о будущем Совета Безопасности – наиболее спорный и вызывающий разногласия.

Совет Безопасности является главным органом ООН, так как на нем лежит основная ответственность за поддержание мира и безопасности. Согласно Уставу ООН, государства-члены обязаны принимать и выполнять решения СБ³. Такие решения, в отличие от решений Генеральной Ассамблеи, являются юридически обязательными для всех государств-членов ООН.

Деятельность Совета Безопасности регулируют Устав ООН и Временные правила процедуры Совета Безопасности, принятые на его первом заседании и с тех пор подвергавшиеся многочисленным изменениям³.

На данный момент в Совет Безопасности входят 15 государств-членов: 5 постоянных и 10 непостоянных, избираемых по квотам (5 – от стран Азии и Африки, 1 – от региона Восточной Европы, 2 – от государств Латинской Америки, 2 – от региона Западной Европы и других государств).

Совет Безопасности уже давно подвергается мощной критике со стороны стран, не являющимися постоянными членами.

Во-первых, его называют неэффективным, напоминая о неудачах в урегулировании

военных конфликтов (кризис в Персидском заливе, конфликт в Югославии, вторжение американских войск в Ирак).

Во-вторых, говорят о его непредставительности: регионы Африки, Азии, Восточной Европы, Латинской Америки и Карибского бассейна не имеют постоянных мест в Совете.

Их позиция основана на том, что Организация действует в основном в развивающихся странах, и они должны иметь возможность самим решать свою судьбу. Отсюда вытекает сомнение основной массы государств-членов ООН в легитимности Совета Безопасности, который часто сравнивают со средневековым замком, “который принадлежит пяти феодальным владельцам”⁴, руководствующимися при принятии решений лишь своими национальными интересами.

Таким образом, основное требование развивающихся стран – предоставление их регионам постоянных мест в Совете. Они считают, что расширенный Совет Безопасности станет работать более эффективно.

В-третьих, методы работы Совета Безопасности постоянно подвергаются критике.

Особое неудовольствие вызывают закрытые заседания, на которых принимаются важные решения. Для того чтобы повысить доверие к процессу принятия решений Советом, необходима открытость и тесный диалог между Советом и остальными членами ООН. Члены Организации, не входящие в состав Совета Безопасности, настаивают на предоставлении им возможности вносить вклад в работу Совета.

Особое раздражение вызывает позиция США, которые зачастую довольно свободно трактовали, а иногда просто игнорировали и действовали в обход резолюций Совета Безопасности. В то же время России, ослабившей свои позиции после распада СССР, нечего было противопоставить опасной тенденции к созданию однополярной системы мира. Позитивные конструктивные формулировки резолюций по многим ключевым вопросам Россия не выдвигала.

Таким образом, наметился кризис в отношениях между Советом Безопасности и странами, не являющимися его членами. Надо признать, что их претензии в отношении Совета небеспочвенны. Состав постоянных членов СБ не отражает новой расстановки сил в мире и не представляет адекватно интересов всех регионов, что, естественно, вызывает недовольство основной массы государств-членов ООН.

Позиция России по реформе Совета Безопасности

Россия занимает неоднозначную позицию по вопросу реформирования Совета Безопасности.

С одной стороны, она признает, что реформа Совета необходима и должна “происходить в рамках общей задачи адаптации ООН к политическим, экономическим и иным реалиям современного мира”⁵.

С другой – в отличие от позиции развивающихся стран, главную причину неэффективности Совета Безопасности Россия видит не в нем самом, а, прежде всего, в игнорировании его решений некоторыми мировыми лидерами, так как именно это ведет к ослаблению его роли в мировой политике.

В целом, соглашаясь на реформу Совета Безопасности, наша страна настаивает на минимальном изменении этого органа, для нее принципиально важно сохранение работоспособности Совета. Поэтому, по мнению России, процесс совершенствования Совета должен проходить без спешки, а “для этого необходима выработка в рамках самого Совета согласованных концептуальных основ и практических мер по сохранению и укреплению его роли как центрального органа ООН”⁵. Для России неприемлемы изменения, которые не будут соответствовать интересам постоянных членов СБ.

Еще одной характерной чертой российской позиции по реформированию Совета Безопасности, впрочем, как и позиции остальных постоянных членов, является достаточно пассивное участие в процессе выработки проекта реформы. По большому счету она

сводится к рассмотрению предложений, выдвигаемых странами, не входящими в состав Совета, и отклонению неприемлемых для “пятерки” проектов.

Для выработки наиболее оптимального варианта реформирования Совета Безопасности была создана Рабочая группа открытого состава, учрежденная Генеральной Ассамблеей 3 декабря 1993 г. “для рассмотрения всех аспектов вопроса о расширении членского состава Совета Безопасности и других вопросов, касающихся Совета Безопасности”⁶.

На сегодняшний день в ее работе принимают участие представители более 100 государств-членов ООН, в том числе и 5 постоянных членов Совета Безопасности.

По сути, это форум, где страны могут высказать свое мнение по поводу реформирования Совета Безопасности и представлять свои проекты.

На ежегодных сессиях Генеральной Ассамблеи Рабочая группа представляет доклады о ходе своей работы. Эти документы вызывают особый интерес, так как их анализ позволяет, во-первых, выявить наиболее болезненные проблемы, связанные с Советом, а, во-вторых, определить позиции стран по этому вопросу.

Весной 1994 г. (3–17 заседания 1 марта – 27 мая)⁷ рабочая группа провела первый раунд дискуссий по шести тематическим блокам, “а именно: справедливое представительство в Совете Безопасности и расширение его членского состава; другие вопросы, касающиеся Совета Безопасности; процесс принятия решений в соответствии с положениями Устава; выборы и сроки полномочий; механизм осуществления изменений и рассмотрение связанных с ним поправок к Уставу”⁷.

В июне 1994 г. (18–21 заседания)⁷ Группа приступила ко второму раунду дискуссий. В центре внимания стоял вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава⁷. Хотя обсуждение велось активно и “позволило прояснить позиции государств-членов, никаких выводов сделано не было”⁷. Участники сошлись лишь в том, что Совет Безопасности все-таки следует расширить, но вопрос о масштабах и характере такого расширения требует дальнейшего обсуждения⁷.

Рабочая группа продолжила работу по сбору и систематизированию тех предложений, которые поступали от представителей стран-участниц.

В итоге все вопросы, связанные с Советом Безопасности, были поделены на две большие тематические группы:

В первую группу входили следующие вопросы: руководящие принципы для расширения членского состава Совета Безопасности; число и состав постоянных членов; число и состав непостоянных членов; новые категории и новые типы членов; требования и порядок отбора членов от каждой из этих категорий или типов; общий количественный состав расширенного Совета Безопасности; процедура голосования в Совете Безопасности, включая вопрос о вето; вопрос о периодическом обзоре⁸.

Если в первую группу входили вопросы, относящиеся, в основном, к составу Совета, то вторая группа включала вопросы, касающиеся деятельности этого органа: принятые Советом Безопасности меры и утвержденная им практика в целях обеспечения большей транспарентности* в его работе и совершенствования методов его работы, в частности их упорядочение, развитие и возможная институционализация; сохранение, изменение или окончательное закрепление временных правил процедуры Совета Безопасности; брифинги, проводимые Председателем Совета Безопасности; совершенствование механизмов сбора и анализа информации; проведение более широких консультаций между Советом и государствами, предоставляющими войска; взаимоотношения Совета Безопасности с другими органами ООН, включая доклады Совета Безопасности Генеральной Ассамблее⁸.

Таким образом, был очерчен круг тех вопросов, которые должны быть решены при реформе Совета Безопасности. Несмотря на то, что Рабочая группа функционирует уже около 10 лет, компромиссное решение по всему пакету реформы Совета Безопасности все еще не найдено. Многие склонны винить в этом постоянных членов Совета, которые, якобы, тормозят процесс реформы, отвергая проекты стран, не входящих в число постоянных

членов.

Но нельзя забывать, что Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание мира и безопасности, поэтому любые изменения, связанные с ним, должны быть тщательно продуманы и взвешены. С другой стороны, “пятерка” действительно занимает достаточно жесткую позицию в отношении реформы Совета, ограничивая ее рамками своих интересов.

Позиция России по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава базируется на том, что Совет должен быть расширен в обеих категориях (как постоянных, так и непостоянных членов), но расширение должно быть минимальным, “в пределах 20 членов, что позволило бы сохранить способность Совета оперативно и эффективно реагировать на неожиданные повороты в развитии международной обстановки”⁹. Признавая то, что СБ при принятии решений должен опираться на мнение всех членов ООН, Россия предпочитает идти не по пути большего увеличения Совета, а по пути налаживания более тесных связей между СБ и странами-членами ООН.

Так, на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи представитель РФ Федотов подчеркнул, что “в этих целях следовало бы полнее использовать весь заложенный в Уставе Организации Объединенных Наций потенциал. Целый ряд шагов в этом направлении был проделан самим Советом Безопасности: в рамках действующих процедур приняты решения, позволяющие всем членам Организации Объединенных Наций получать о его деятельности более полную и оперативную информацию и доводить свое мнение до членов Совета”⁹.

Такое смещение акцентов обусловлено опасением того, что чрезмерное расширение может парализовать работу Совета Безопасности, поэтому Россия настаивает на поиске других путей повышения эффективности работы этого органа. Характерно, что идентичную позицию по вопросу расширения занимают все постоянные члены Совета Безопасности, кроме Китая, позиция которого не конкретизирована.

Российская Федерация, сохраняя с 1993 г. в общем неизменной свою принципиальную позицию, тем не менее, корректировала предложения по конкретному составу расширенного Совета Безопасности.

Первоначально, исходя из обязательств, данных Японии и Германии Б.Ельциным, поддерживались только эти две кандидатуры на места постоянных членов.

Эта идея уже выдвигалась США в 70-е годы, она получила название “квик-фикс”, так как предусматривала включение в Совет Безопасности только Японии и Германии, двух промышленно развитых стран, на правах постоянных членов.

Это, во-первых, увеличило бы количество союзников Соединенных Штатов в Совете, а, во-вторых, снизило бы взносы США в бюджет ООН.

Позже было принято положение о том, что расширение в обеих категориях должно охватывать как промышленно развитые, так и развивающиеся государства, и “квик-фикс” заменяется формулой “2+3”.

Россия, поддерживая кандидатуры Японии и Германии, заявляет о том, что она считает “Индию сильным и достойным кандидатом на место постоянного члена Совета”¹⁰, и готова рассматривать кандидатуры от других регионов.

К этой формуле склоняется большинство постоянных членов Совета Безопасности, с их стороны это уступка развивающимся странам, составляющим большинство в Генеральной Ассамблее, которые не пойдут на реформу, односторонне выгодную Северу.

Но надо сказать, что за кандидатуры Германии и Японии высказывается большинство государств-членов ООН, так как очевидно, что статус Организации повысится за счет этих двух стран.

И в случае расширения Совета Безопасности эти страны, безусловно, займут места постоянных членов.

Развивающиеся страны, в отличие от “пятерки”, настроены более радикально в отношении расширения Совета Безопасности.

Нельзя сказать, что по вопросу справедливого представительства в Совете Безопасности эти страны занимают абсолютно идентичную позицию, но у них общая цель: расширить полномочия развивающихся стран за счет максимального расширения численного состава Совета (в их проектах цифры колеблются от 23 до 24). Причем, большое количество государств высказывается за расширение только категории непостоянных членов, так как считают, что нельзя допустить включения новых “вечных” членов. Это, по их мнению, только ухудшит положение развивающихся стран.

С проблемой расширения СБ связан вопрос о возможной ротации членов на постоянных местах. Эта идея, выдвинутая африканской группой, подразумевает выдвижение кандидатов в постоянные члены их регионами и последующее избрание Генеральной Ассамблеей.

“Такая система периодических выборов постоянных членов Совета Безопасности, – по мнению африканской группы, – позволит в конечном итоге обеспечить меньшую зависимость решений Совета от исключительно национальных интересов его различных членов”¹¹.

Эту идею поддерживает большинство делегаций. Такая тенденция говорит об усилении позиций региональных организаций и групп государств в современном мире, их готовности брать на себя большую ответственность в решении международных вопросов, о твердом намерении отстаивать свои интересы в ООН.

Россия в принципе не возражает против идеи ротации членов на новых постоянных местах “в случае такого желания соответствующих региональных групп”¹², но подчеркивает, что в том случае, если эта формула получит необходимую поддержку, конкретные аспекты ее применения должны быть тщательно проработаны, прежде всего, самими региональными группами.

Особую группу занимают страны регионального значения, такие как Италия, Турция, Испания, Малайзия, Бразилия и т.д.

Практически все эти страны индустриально развиты и готовы вносить более весомый вклад в деятельность ООН по поддержанию мира. И, хотя некоторые из них претендуют на постоянное членство в Совете Безопасности (Бразилия), большинство стремится закрепиться в нем за счет отмены запрета на немедленное переизбрание непостоянных членов или введения категории непостоянных членов с более частой и регулярной ротацией.

Некоторые из них (Италия, Индия), выступают против включения Японии и Германии в постоянные члены, так как, по их мнению, это приведет к усилению диспропорции представительства в Совете Безопасности Севера и Юга. Эта группа стран активно продвигает идею о введении категории полупостоянных членов, то есть новых постоянных членов, не наделенных правом вето. Идея о полупостоянных членах вызвана уверенностью в архаичности категории постоянных членов, а, следовательно, стремлением не допустить появления новых “вечных членов”. Россия не поддерживает эту идею, так как считает, что новые постоянные члены должны обладать теми же правами и обязанностями, что и нынешние.

Расширение Совета Безопасности отнюдь не будет безболезненным. Нельзя механически увеличивать количество его членов. Это приведет к ослаблению роли Совета Безопасности.

В принципе Россия не против вступления в постоянные члены Совета Безопасности Японии и Германии, но вслед за ними надо будет, видимо, предоставить подобный статус и некоторым странам Африки, Азии, Латинской Америки (по квотам), что для России неприемлемо. Россия за реформу посредством расширения, но нигде не указывает точное число стран-кандидатов на постоянное членство в Совете Безопасности, равно как и точные критерии их подбора: уровень экономического развития, ядерный статус, валютно-финансовые возможности, количество населения, выгодное стратегическое геополитическое положение, вклад в мирное политическое развитие и т.д.

Такая сдержанность обусловлена нежеланием обострять ситуацию, так как многие страны (Италия, Испания) уже высказали опасение о возможном понижении собственного статуса из-за вероятного расширения Совета Безопасности только за счет Германии и Японии; а некоторые страны (Канада) не только предложили сократить число его нынешних постоянных членов, но и заменить их места региональными организациями. Россия справедливо полагает, что Совет Безопасности должен оставаться компактным и оперативно работающим органом.

Таким образом, позиции стран по вопросу справедливого представительства в Совете Безопасности и расширению его членского состава также можно условно разделить на три группы: консервативную, умеренную и радикальную.

К первой группе относятся постоянные члены Совета Безопасности – Россия, США, Великобритания, Франция, выступающие за минимальные изменения Совета. И, обладая статусом постоянных членов, они имеют решающее слово в разработке проекта реформы, поэтому защита своих национальных интересов для “пятерки” является приоритетным фактором. Это и определяет их позицию.

Для второй, умеренной, группы характерным является рациональный подход к вопросу о расширении Совета Безопасности: количественный разброс колеблется от 20 до 25 членов, расширение, как правило, приветствуется в обеих категориях. Главное отличие стран с умеренной позицией – это осознание того, что для эффективной работы Совет Безопасности должен оставаться компактным органом, а не превращаться в парламент. Некоторые представители этого направления, например, Италия, Корея, Перу и ряд государств, выносят предложения об увеличении Совета только за счет непостоянных членов.

К третьей группе относятся проекты кардинального изменения Совета Безопасности. К ней можно причислить подавляющее большинство членов ООН.

Наиболее ярким представителем радикальной группы является Движение неприсоединения, объединяющее более ста государств Азии, Африки, Латинской Америки, Океании и Европы. Схожую позицию занимает Организация африканского единства и Группа Арабских государств.

Нельзя сказать, что по вопросу справедливого представительства в Совете Безопасности эти страны занимают абсолютно идентичную позицию, но у них общая цель: максимальное расширение численного состава Совета за счет развивающихся стран.

Что касается России, то так как она занимает место постоянного члена Совета Безопасности, она обладает рядом привилегий, позволяющих ей занимать сдержанную и выжидательную позицию.

Она была озвучена представителями РФ в ООН Орджоникидзе: “Мы по-прежнему открыты к рассмотрению конструктивных предложений о категориях членов, в которых следует расширить Совет Безопасности”¹⁰.

Итак, “открыты”, и именно к “рассмотрению конструктивных предложений”, а не к обсуждению или разработке проектов. Это как нельзя лучше демонстрирует положение России в качестве одного из ведущих государств на международной арене. Позиция России в этом вопросе достаточно твердая и стабильная, порожденная уверенностью в том, что в любом случае без ее согласия никаких решений, касающихся Совета Безопасности, принято не будет.

Примечания

¹ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 54-я. 2000 г. Официальные Отчеты. П. 49 повестки дня. Доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. A/54/2000. С. 66.

² ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 52. 1997г. A/52/PV.62.C.3.

³ Устав ООН. Гл. V, ст. 25; Гл. V, ст. 24, п. 1, 2.

⁴ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 55-я. 2000 г. Официальные отчеты: 33-е

пленарное заседание. П. 49 повестки дня.

⁵ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 48-я. 1993 г. Официальные отчеты: 64-е пленарное заседание. П. 33 повестки дня.

⁶ Резолюция 48/26 Генеральной Ассамблеи (A/48/L 28).

⁷ A/48/47. Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава. С. 1; 2.

⁸ A/49/47. Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности. С. 2.

⁹ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 49-я. 1994 г. Официальные отчеты: 32-е пленарное заседание. Выступление представителя РФ Федотова.

¹⁰ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 56-я. 2000–2001 г. Официальные отчеты: 34-е пленарное заседание. П. 49 повестки дня. Выступление представителя РФ Орджоникидзе. A/56/PV. 34. С.19.

¹¹ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 51-я. 1997 г. Официальные отчеты: дополнение №47. A/51/47. Приложение XII.

¹² ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 52-я. 1998 г. Официальные отчеты: 64-е пленарное заседание. П. 59 повестки дня. Выступление представителя РФ Горелика.

* Транспарентность (transparency – англ.) – прозрачность, ясность, открытость, доступность.

УКРАИНА ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Основные тенденции развития

С.Жильцов,
доктор политических наук

На парламентских выборах на Украине 26 марта 2006 г., трехпроцентный барьер преодолели пять политических сил: партия регионов Виктора Януковича, блок “Наша Украина” Юрия Еханурова, блок БЮТ Юлии Тимошенко, Социалистическая партия Александра Мороза и Коммунистическая партия Украины Петра Симоненко.

Расстановка сил и первые результаты переговоров о создании парламентской коалиции позволяют подвести предварительные итоги и очертить круг проблем, с которыми будет сталкиваться украинская власть. По крайней мере, в 2006 г.

Итоги выборов

Один из главных итогов парламентских выборов на Украине – сохранение политических предпочтений населения западных и восточных областей. Поддержку блоку “Наша Украина” и БЮТ выразил электорат западных областей Украины, в которых эти политические силы набрали подавляющее большинство голосов – 13,94% и 22,27%, соответственно. Данные политические силы декларировали в качестве своих приоритетов вступление Украины в НАТО и ЕС, отказ от участия в Едином экономическом пространстве, дистанцирование Украины от России. В свою очередь, партия регионов получила большинство на востоке и юго-востоке Украины – 32,12%. Партия регионов выступала за развитие отношений с Россией, поэтапное вступление страны в ЕС, участие в Едином экономическом пространстве. В итоге, парламентские выборы зафиксировали имеющиеся различия в оценке путей дальнейшего развития Украины в представлениях населения западных и восточных областей.

Неожиданным итогом выборов в Верховную Раду стал провал блока “Наша Украина”, который занял третье место. Все прогнозы и расчеты политических сил в парламенте, которые делались накануне выборов, строились на том, что именно провластный блок займет важное второе место и тем самым, сможет стать центром консолидации остальных, так называемых “оранжевых” партий, к которым относят БЮТ, “Наша Украина” и Соцпартию.

Сюрпризом для властей стала победа БЮТ, который занял второе место на выборах. Между тем, анализ партийных взаимоотношений, а также характер личных контактов между В.Ющенко и Ю.Тимошенко показывают, что украинский президент фактически сам помог лидеру БЮТ победить на выборах в Верховную Раду.

На протяжении всего периода, когда Юлия Тимошенко была премьер-министром и после ее отставки (сентябрь 2005 г.), президент Украины ни разу не заявил об ответственности ее правительства за экономический спад и локальные экономические кризисы.

Обвинения во всех экономических трудностях прежнего правительства Виктора Януковича и стремление списать все возникающие проблемы на происки “внешних сил” привели к тому, что в украинском обществе было сформировано устойчивое представление о “невинности Тимошенко”. Этот фактор был грамотно использован БЮТ, который в предвыборную кампанию создал из Ю.Тимошенко образ борца за социальные реформы и против коррупции.

В результате столь откровенный популизм оказался сильнее призывов президента поддержать блок “Наша Украина”.

Одним из интересных итогов выборов в Верховную Раду стал провал на выборах блока спикера Владимира Литвина “Мы”. Его поражение стало отражением определенных настроений в украинском обществе. В.Литвин стремился занять на украинской политической “сцене” место миротворца, политика, способного находить компромисс. Однако его политическая сила не сумела преодолеть даже трехпроцентный барьер. Видимо миротворческий опыт спикера Верховной Рады не был по достоинству оценен населением. Результаты, полученные блоком В.Литвина, лишь подтвердили тот факт, что настроения украинского населения разделены по географическому и политическому признаку: либо за политические партии востока Украины, которые выступают за укрепление дружбы с Россией, либо за партии националистического толка, отстаивающие западные ценности.

В этом смысле достаточно закономерными стали результаты, которые получили на выборах Соцпартия и Компартия Украины. Социалистическая партия А.Мороза преодолела проходной барьер, но оказалась далеко позади от тройки лидеров, получив лишь 5,67%. Не лучше был результат у коммунистов – 3,66%.

В итоге, парламентские выборы зафиксировали раскол украинского общества. И самое главное – не были созданы условия для формирования устойчивых политических коалиций, без чего невозможна эффективная работа будущего правительства.

“Обещания Майдана” задавили здравый смысл

Начавшиеся сразу после парламентских выборов на Украине переговоры по формированию парламентской коалиции наглядно продемонстрировали, что политическая элита оказалась неготовой работать в новых условиях.

Прохождение в парламент 5 партий, две из которых: Соцпартия и Компартия имеют минимальное влияние, привело к тому, что власть в Верховной Раде фактически стали делить три политические силы: партия регионов, БЮТ и блок “Наша Украина”. От их способности найти компромисс и наладить сотрудничество во многом зависит будущее Украины.

Переговоры проходили на фоне жестких заявлений партий о принципах, на которых они готовы были создавать коалиции. Все выступления вновь избранных показали, что каждая из политических партий, прошедшая в Верховную Раду, претендует на ключевые посты: на назначение своих кандидатов на должность премьер-министра, спикера Верховной Рады и министерские должности. Как и в январе – феврале 2005 г., для отстаивания своих позиций стороны используют весь арсенал доступных средств: СМИ, громкие заявления, а также давление на В.Ющенко, который оказался зажатым между политическими тяжеловесами.

Особенностью переговорного процесса о создании парламентской коалиции стало то, что его возглавили представители “оранжевого” лагеря, хотя большинство голосов получила партия регионов. Главную роль в создании парламентской коалиции стала играть БЮТ. В какой-то степени стала повторяться ситуация времен Л.Кучмы, когда экономически развитый Восток находился под политическим прессингом представителей западной Украины, которые определяли внутреннюю политику и внешнеполитический курс. В институтах государственной власти в Киеве преобладают представители Западной

Украины, которые выступают за проведение политических и экономических реформ, сближение с Западом и ориентацию на евроатлантическую интеграцию. И это при том, что реальная экономическая власть находится на востоке Украины. В итоге складывается интересная ситуация. Партия, которая состоит из представителей крупного бизнеса востока Украины и набрала на выборах наибольшее количество голосов, оказалась поставлена перед фактом ухода в оппозицию.

Все разговоры о поиске взаимовыгодных условий сотрудничества непременно наталкиваются на “невозможность переступить через обещания Майдану” и нежелание лидеров “оранжевого” лагеря “обмануть ожидания людей”. Особенно активно в этом направлении действовала лидер БЮТ Ю.Тимошенко, которая оказывала массированное давление на президента и его окружение. Неготовность партий, прошедших в Верховную Раду, искать компромисс и идти на уступки следует искать в расколе между населением Востока и Запада Украины, который углубился за последний год. После президентских выборов 2004 г. стало очевидно, что тенденции раскола страны на Восток и Запад, жесткое противопоставление одних политических сил другим не только никуда не исчезли, а получили новый импульс. Парламентская кампания на Украине многих политических сил базировалась на эксплуатации образа “своего” избирателя, противопоставляя избирателей из других регионов страны. Обществу со стороны БЮТ, “Наша Украина”, Соцпартии навязывался тезис о “недемократичности” политических сил, которые не входят в число политических сил “оранжевой” коалиции. Речь, прежде всего, шла о партии регионов. В частности, Ю.Тимошенко не раз заявляла, что видит партию регионов в будущем парламенте в роли оппозиции. Такой вариант создания парламентской коалиции представляет собой прямой путь к сохранению политического и электорального раскола Украины.

Таким образом, результаты парламентских выборов на Украине не принесли политической стабильности. Попытки во что бы то ни стало создать “оранжевую” коалицию, будут иметь негативные последствия, поскольку в Верховной Раде будет создана политически неустойчивая конструкция.

Отстранение от управления страной одной из крупнейших партий, которую поддержала треть населения страны, способно усилить протестные настроения на Востоке Украины и спровоцировать политические конфликты в Верховной Раде и на региональном уровне: в отношениях между областными советами и центральными властями. Это также будет означать углубление раскола между восточными и западными областями. Для президента, который согласился на переговоры о создании политической конструкции, в которой нет места партии, за которую проголосовала треть населения страны, проживающего на Востоке и на Юге Украины, это стало крупнейшей политической ошибкой. Ее результатом будут негативные последствия для политической стабильности и отрицательный рейтинг президента.

Неясные перспективы украинского президента

Формально президент Украины остается политической фигурой, которая располагает рычагами влияния на политическую и социально-экономическую ситуацию. Однако 13%, которые набрал пропрезидентский блок “Наша Украина” на парламентских выборах, продемонстрировал степень поддержки и доверия президенту со стороны электората. Поэтому для президента Украины вопрос о составе коалиции имеет не меньшее значение, чем для политических партий, которые прошли в Верховную Раду. От того, какая конфигурация политических сил сложится в Верховной Раде, зависит и то, какую роль В.Ющенко будет играть в новой системе власти.

Все политические партии-победители просчитывают разные варианты коалиций. Главные из них: “оранжевая” коалиция на основе БЮТ, “Наша Украина” и Соцпартия,

коалиция партии регионов с блоком “Наша Украина”, а также широкая коалиция на основе “оранжевых” партий и партии регионов. Существует также сценарий роспуска Верховной Рады и назначения повторных выборов, что не исключают все политические партии. Однако все арифметические подсчеты и декларации не могут скрыть главную проблему – низкую готовность политических сил к корректировке своих позиций и совместную работу.

Этим можно объяснить и то, с какой настойчивостью от президента пытаются добиться поддержки формирования “оранжевой” коалиции. В этом случае, В.Ющенко сможет опираться на идеологически близкое, хотя и неоднородное по своим интересам парламентское большинство, и одновременно будет создана связка “президент-парламент”. Однако такой вариант, с учетом амбиций лидера БЮТ Ю.Тимошенко, значительно снизит политический вес президента и приведет к втягиванию президента в новый виток политической борьбы.

Отстранив В.Януковича от участия в создании коалиции и формировании правительства, В.Ющенко создаст все условия для наращивания политического веса регионалов на фоне продолжающегося ухудшения экономической ситуации. Избирателям восточных регионов будет продемонстрировано, как президент относится к политической партии, за которую проголосовало свыше 32% избирателей Украины. При таком варианте можно будет забыть о примирении Востока и Запада страны. Исключительно “оранжевая” коалиция способна лишь углубить раскол в украинском обществе, который, несмотря на оптимистические заявления руководства Украины, грозит обернуться серьезными социальными и политическими последствиями в любой момент.

Не лучше будут обстоять дела у В.Ющенко при сближении блока “Наша Украина” с партией регионов. В этом случае, президент получит оппозицию в лице БЮТ, которую поддержала почти четверть избирателей. Тем самым, В.Ющенко окажется под огнем жесткой критики. “Предательство идеалов Майдана” может быть самым мягким обвинением президента со стороны БЮТ. Кроме того, в этом случае “оранжевый” электорат, как нечто единое целое окончательно прекратит свое существование. А В.Ющенко и его соратники из “Нашей Украины” столкнутся с жесткой позицией премьер-министра, назначенного от партии регионов. Представители партии регионов уже не раз заявляли, что в случае прихода во власть, пересмотрят экономический курс. Да и внешняя политика окажется под пристальным вниманием В.Януковича, который не намерен вести Украину в НАТО и ЕС ускоренными темпами.

Получается, что ключевая роль В.Ющенко продлится лишь до создания коалиции и формирования правительства. А дальше, независимо от того, на кого он сделает ставку, В.Ющенко вступит в противостояние с Верховной Радой и вновь созданным правительством. Однако главный вывод заключается в том, что независимо от того, какую политическую силу поддержит президент Украины, его позиции будут серьезно ослаблены. Это означает, что В.Ющенко сегодня выбирает между политическими силами, которые в любом случае вступят с ним в конфликт, стремясь за счет президента усилить свои позиции.

Существует, как уже отмечалось, сценарий перевыборов. Президент может его реализовать, если после месяца, определенного Конституционной реформой для формирования парламентского большинства, не будет создано парламентское большинство. В этом случае, вся полнота власти останется в его руках: старый парламент прекратил свое существование, а новый – распущен. У В.Ющенко в руках на время до следующих парламентских выборов – как минимум полгода – будет сосредоточены все властные полномочия. Хотя в нынешней экономической ситуации и при политической неопределенности назначение перевыборов является весьма спорным сценарием.

С другой стороны, В.Ющенко и его команда осознают, что о втором президентском сроке сегодня речь не идет, а для расширения возможности политического и экономического маневра президенту необходимо как можно скорее освободиться от тех социальных и политических обязательств, которые он давал людям на Майдане, когда шел к

власти. Но этот вариант развития событий таит и негативные для президента последствия. По “идеалам Майдана” в сознании большинства сторонников В.Ющенко будет нанесен еще один удар и президент потеряет последние “крохи” электоральной поддержки.

Экстремальная внешняя политика

Выборы выявили и другую особенность – среди политических партий отсутствует единое мнение о внешнеполитическом курсе Украине. Переход Украины к парламентской форме правления происходит в условиях отсутствия стратегических планов развития государства.

Украинский президент упорно, невзирая на экономические потери и отсутствие внешнеполитических успехов на западном направлении, выступает против более тесного экономического сотрудничества с постсоветскими странами, считая, что это повредит вхождению страны в ЕС.

Подписание Россией, Белоруссией и Казахстаном соглашений по Единому экономическому пространству (ЕЭП) может окончательно исключить Украину из интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Не исключено, что в скором времени Украина будет один на один выстраивать свои отношения не только с ЕС, но и со странами СНГ.

Внешняя политика Украины в 2005–2006 гг. представляла собой взгляды узкой группы чиновников из окружения В. Ющенко, подменив ими долгосрочные интересы Украины

В итоге, усилия Украины были сконцентрированы на политических аспектах сотрудничества с бывшими республиками, которые стоят на антироссийских позициях.

Так, продолжается развитие контактов в рамках ГУАМ, выстраиваются более широкие отношения в рамках Балтийско-Черноморско-Каспийского сообщества, где Украина стремится играть одну из ключевых ролей.

Данное содружество стало расширенной версией старой идеи по созданию Балтийско-Черноморского союза.

Добавление к названию сообщества Каспия свидетельствует о том, что архитекторы данной геополитической конструкции намерены создать действительно широкую коалицию стран, в том числе и расположенных на прикаспийских берегах.

Вряд ли такое сотрудничество сможет принести экономические выгоды Украине. Тем более, что наполнение многостороннего сотрудничества реальными проектами постоянно переносится.

Это и не удивительно.

Дополнительные энергетические ресурсы Каспийского бассейна, которые должны были стать ключевым фактором независимости Украины от России, сегодня отсутствуют.

Азербайджан и Казахстан, несмотря на громкие заявления украинской стороны о готовности этих стран предоставить дополнительные объемы нефти, пока ничем не могут помочь Украине.

Одновременно Россия активно диверсифицирует поставки газа в европейские страны, демонстрируя эффективность энергетической дипломатии.

В результате, при отсутствии альтернативных источников энергетических ресурсов и непродуманных внешнеполитических шагах, Украина рискует ослабить уровень экономической интеграции с постсоветскими странами, ничего не получив взамен в Европе.

Это лишь подтверждает тот факт, что отказ Украины от интеграции в рамках постсоветского пространства продиктован внутривнутриполитической ситуацией и внешнеполитической конъюнктурой, нежели существующими различиями в экономических системах или разными интересами.

По этой причине при неготовности ЕС к новому расширению, о чем не раз заявляли

его представители, Украина может еще десятилетиями находиться в положении вечного просителя, которого допустили к порогу европейского дома, но в сам дом пускать и не собираются.

На краю экономической пропасти

Парламентские выборы закрепили негативные тенденции в украинской экономике. Снижение макроэкономических показателей подстегивалось политической нестабильностью. Пока партии, прошедшие в Верховную Раду, вели переговоры о коалициях и делили портфели в правительстве, предприятия реального сектора украинской экономики стали снижать уплату налогов. Если данная динамика снижения поступлений в бюджет сохранится, то экономический кризис может разразиться в ближайшие месяцы.

Дело здесь не только в банальном желании предприятий меньше платить в бюджет. Существуют объективные причины ухудшения экономической ситуации.

Украинские предприятия в начале 2006 г. в полной мере ощутили на себе последствия “революционных” действий правительств в 2005 г., а также результат повышения цены на энергоносители, сырье и транспортные тарифы. Кроме этого, металлургические предприятия в ситуации политической и экономической неопределенности увеличивают количество своих внешнеторговых операций через оффшоры, на которые налоговики повлиять не могут.

Ситуацию усугубляют и социальные обещания правительства. Чтобы их выполнить, государству придется дополнительно изыскать как минимум 23 млрд. грн.

В итоге дефицит бюджета в 2006 г. может достичь 7% ВВП. Среди основных факторов ухудшения роста ВВП – снижение прогнозных темпов роста инвестиций, увеличение отрицательного сальдо внешней торговли, а также подорожание импортируемого в страну газа.

Покрывать дефицит нечем. Ситуацию можно бы было поправить продажей какой-нибудь крупный объект. Однако таких предприятий как “Криворожсталь” на Украине мало. И, кроме того, пока на посту Фонда государственного имущества (ФГИ) Украины находится Валентина Семенюк – представитель Соцпартии, правительству вряд ли удастся реализовать ранее заявленные планы “большой приватизации”.

У ФГИ есть четкая позиция – продавать лишь неликвидные объекты или предприятия, в которых государство рискует потерять свое присутствие.

Планы основного финансового документа Украины – бюджет можно выполнить, только включив печатный станок. В этом случае в конце 2006 г. Украина может получить гиперинфляцию. Это означает, что затягивание периода политической неопределенности делает перспективы украинской экономики весьма туманными.

Что ждет Украину?

Отсутствие консенсуса среди основных украинских политических сил по широкому спектру ключевых вопросов внешней и внутренней политики позволяет предположить, что Украина вступает в длительный период нестабильности.

Приход в Верховную Раду представителей крупного бизнеса может привести к тому, что вследствие доминирования узко корпоративных интересов и достижения компромиссов между фракциями многие важные решения будут выхолащиваться. Несбалансированная внешняя политика и нежелание президента менять ключевые фигуры, ответственные за внешнеполитический курс, ухудшающаяся экономическая ситуация провоцируют политические силы использовать трудности в своих узко политических целях. По этой причине неутраченные политические страсти при политически слабом президенте не позволяют ожидать, что будет сформировано эффективное правительство, которое перейдет к решению неотложных задач.

Переход Украины к президентской форме правления от парламентско-президентской происходит в сложный период развития страны. Кроме того, как показывает мировой опыт, государство из кризиса может вывести только президентская форма правления с жесткой вертикалью власти и упрощенной системой передачи решений от субъекта к объекту управления (чтобы управленческое решение успевало за изменяющейся ситуацией). В итоге, переход к парламентско-президентской форме правления, в соответствии с принятым 8 декабря 2004 г. “большим пакетом” по политической реформе, может затруднить выработку и принятие важных государственных решений.

Парламентские выборы в Украине вроде бы закончились. Однако, судя по некоторым признакам, они вполне могут продолжиться еще и осенью этого года. Примечательно, что многие расценивали парламентские выборы в марте 2006 г. как продолжение президентской кампании и проведение четвертого тура. По крайней мере, накал политической борьбы и за избирателя, которая шла на протяжении всего 2005 г., позволяет сделать такой вывод. На этом фоне политическая борьба с использованием патриотической лексики и взаимными обвинениями могут стать игрой “патриотов”, для которых личные интересы будут важнее политической стабильности и устойчивого экономического развития.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НОВОГО РУКОВОДСТВА УКРАИНЫ

Л.Гусев,
кандидат исторических наук

Результаты первых полутора лет нахождения у власти на Украине команды президента В.Ющенко показывают, что в своей внешнеполитической деятельности Киев намерен следовать примеру государств Центральной и Восточной Европы – новых членов НАТО и ЕС. То есть, делается попытка частичной имитации международного опыта таких стран, как Польша, Литва, Латвия, Эстония и др.

С точки зрения нынешнего руководства Украины, “оранжевая” революция и победа блока Ющенко–Тимошенко на президентских выборах, наряду с “революцией роз” в Грузии, открыли новый этап демократизации и продвижения “новых стандартов” демократии в Евразии. Во властных структурах Украины преобладает мнение, что в ближайшее десятилетие постсоветская территория станет ареной кардинальных геополитических изменений, при которых произойдет смена нежизнеспособных авторитарных режимов и отказ России от “неоимперских” сценариев политического влияния на постсоветском пространстве, равно как и полная и окончательная девальвация самого этого понятия.

С подачи западных аналитиков Россия рассматривается частью представителей киевского истеблешмента как “колосс на глиняных ногах”, уже не способный играть решающую роль в регионе и сдерживать процессы перемен в странах СНГ, доминантой которых они считают демократизацию режимов и устойчивую евроатлантическую ориентацию. Поэтому делается вывод, что Украина может перехватить роль регионального лидера, оказывающего определенную политическую поддержку демократическим движениям и тем правительствам, которые придут к власти в результате серии революционных смен режимов в странах СНГ.

На фоне постепенного изменения позиции стран–членов ЕС и НАТО как относительно РФ, так и других постсоветских государств провластными украинскими экспертами делается вывод о возможном вхождении части стран СНГ в структуры НАТО в рамках их присоединения к евроатлантическому политическому и цивилизационному пространству¹.

С точки зрения официальных властей Украины её шансам получить членство в НАТО и ЕС препятствуют распространенные в Европе стереотипы, которые традиционно относят Украину к российской зоне влияния. Поэтому для разрушения таких стереотипов киевская власть будет стремиться демонстрировать максимальную самостоятельность в отношениях с Кремлем и идти на демонстративное обострение возможных противоречий по большинству вопросов, касающихся не только политических и военных аспектов, но также и экономических отношений.

Этапы формирования внешней политики Украины

Согласно представлениям украинских властей, на первом этапе формирования внешней политики независимой Украины (первая половина 90-х годов) её главной целью было самоутверждение. К середине 90-х годов украинская внешняя политика сформулировала свои базовые ориентиры, цели и видение путей их реализации.

Многовекторность первой половины 90-х годов (как характеристика неопределенности украинской внешней политики) объективно исчерпала свой потенциал. На смену ей пришел стратегический курс на европейскую интеграцию (с 1998 г.) и евроатлантическую интеграцию (фактически – с 1997 г., официально – с 2002 г.). Период между 1998 и 2004 гг. рассматривается в Киеве как период борьбы демократических сил Украины за право страны на европейский статус. Считается, что украинская дипломатия сделала все возможное для того, чтобы государство не оказалось в “серой зоне” и не попало в зависимость от “возрождающейся российской империи”.

МИД и властные структуры делают акцент на то, что в 2005 г. начался третий период внешней политики Украины, который будет длиться не меньше 10 лет и должен завершиться вступлением Украины в НАТО, а затем – в ЕС. Вместе с тем, власть была вынуждена признать, что в силу региональной и внутренней специфики перспективы членства в ЕС и НАТО не будут для Украины столь же однозначными и скорыми, как для стран Центральной Восточной Европы.

Для признания нового качества внешней политики Украины Киев выступил с рядом внешнеполитических инициатив, в том числе по урегулированию Приднестровского конфликта, а также в контексте содействия смене политического режима в Белоруссии. Как полагают в Киеве, курс на европейскую и евроатлантическую ориентацию Украины может быть реализован только за счет более активной региональной политики в зоне СНГ, что придаст весомость евроатлантическим устремлениям команды В.Ющенко.

То есть, субрегиональная роль Украины должна выразиться в более осязаемом вкладе в обеспечение стабильности и “демократизации” зоны Причерноморья, содействие “европеизации” России, усиление пограничного контроля и сдерживание нелегальной миграции в страны Европы. Украине также отводится определенная “служебная” роль в Восточной Европе и черноморско-каспийском регионе, которая официально определяется как миссия активного продвижения европейских ценностей – как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

Таким образом, приоритетными направлениями внешней политики Украины, которые вытекают из такого курса, являются урегулирование приднестровского конфликта и политическая активизация деятельности организации ГУАМ.

На этом фоне силами, участвующими в формировании украинской внешней политики, все более настойчиво высказывается мнение, что структуры СНГ уже сыграли свою историческую роль и должны прекратить своё существование. Роспуск СНГ мотивируется необходимостью покончить с идентификацией республик СССР как стран, принадлежащих к “постсоветскому пространству”. Делается вывод о том, что “постсоветское пространство” перестало существовать как политическая реальность. Соответственно, украинская дипломатия и дипломатии ряда других “демократических” стран бывшего СССР (Грузия, Молдавия) должны приложить усилия к ликвидации этого “реликта” постсоветской эпохи и обеспечить восприятие своих стран в мире как стран с европейской идентичностью².

Новая внешнеполитическая доктрина Украины

В качестве главных идеологических элементов новой украинской внешней политики выдвинуты два взаимосвязанных тезиса:

- новая роль Украины в качестве регионального лидера (в первую очередь, в продвижении процессов антиавторитарной демократизации и разрушении российского влияния в Восточной Европе и СНГ) рассматривается как вклад в обеспечение региональной стабильности и расширение пространства безопасности (в контексте увеличения масштабов деятельности и целей НАТО);
- в ходе такой деятельности предусматривается достижение Украиной и некоторыми другими странами субрегиона политической совместимости (гомогенности) с государствами-членами НАТО, а в перспективе – полного членства в этой организации.

В отношениях с США наблюдается ускоренная и односторонняя переориентация внешней политики Киева на Вашингтон и НАТО в ущерб сбалансированным отношениям со странами СНГ и основными торговыми партнерами Украины, в том числе со странами Азии (КНР, Иран и др.).

Во время рабочего визита президента В.Ющенко в США (4 апреля 2005 г.) подписано совместное заявление “Повестка нового столетия для украинско-американского стратегического партнерства”. Украина рассматривается в нем как один из ключевых участников в рамках концепции “продвижения свободы”, принятой администрацией Дж.Буша (2003 г.).

Новый курс Украины предполагает содействие давлению на Россию с флангов, в том числе достижению ускоренного вывода российских военных баз с территории государств-участников СНГ, нейтрализации регионального политического и военно-политического влияния Москвы; размораживанию локальных конфликтов на Кавказе и, в конечном счете, ликвидации ориентированных на Россию политических режимов (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). Такая линия требует существенной мобилизации внутренних ресурсов. Подчеркнуто прозападная ориентация правительства Украины уже привела к дипломатическим осложнениям в отношениях с Кубой и Белоруссией³.

Украина – НАТО

После “оранжевой” революции Киев надеялся на ускоренное сближение с ЕС и НАТО. Однако, вопреки ожиданиям, вместо “Плана действий по подготовке к членству в НАТО” (ПДПЧ), Украине был предложен лишь “Интенсифицированный диалог” относительно членства (ИД). Эта схема была утверждена на совещании министров иностранных дел стран-членов НАТО в Вильнюсе (21 апреля 2005 г.). В то же время, по оценкам МИД Украины, уровень сотрудничества Украины с НАТО уже превосходит уровень ИД и больше соответствует уровню ПДПЧ.

На Западе высказываются достаточно сдержанные оценки перспектив членства Украины в НАТО. В основном доминируют требования, касающиеся выполнения Киевом обязательств по демократизации внутренней политики, обеспечению гражданского контроля над армией и проведения военной реформы. В этой связи Министерство обороны США весьма активно побуждает украинцев на создание сил быстрого реагирования. При этом, дабы подбодрить Киев, представители Пентагона оценивают примерно в 3 года период необходимой подготовки Украины к возможному вступлению в Североатлантический альянс. Европейские члены НАТО проявляют в этом вопросе достаточно большой скептицизм.

Это может быть связано с нежеланием европейцев осложнять диалог между ЕС и Россией в энергетической сфере. Так, на заседании Комитета Украина – НАТО в Брюсселе в

феврале и министерского совещания в Вильнюсе (апрель 2005 г.) наиболее сдержанную позицию в этом вопросе заняли представители Франции, Германии, Испании, Бельгии и Люксембурга.

Украина – ЕС

В отношениях с ЕС официальный Киев встретил еще более холодный прием.

Попытки правительства добиться от Европейской комиссии какой-то определённости по перспективам и срокам начала переговоров о вступлении Украины в ЕС закончились неудачей. Из-за экономической нестабильности в стране и ведущейся в правящей элите полемики относительно реприватизации (или переоценки) части приватизированных предприятий, отмечено сокращение притока европейских инвестиций в украинскую экономику. Дабы не дать окончательно упасть своему рейтингу в Европе украинские власти упорно именуют инвестициями кредит в сумме 2 млрд. евро, полученный НАК “Нефтегаз Украины” от ДойчеБанка под 8% годовых. Кстати, по информации газеты “Зеркало недели”, этот кредит был согласован еще при прежнем руководстве НАК “Нефтегаз Украины”, причем под меньший процент и на более длительный срок⁴.

Закончились полной неудачей попытки руководства Украины разрешить комплекс проблем в отношениях с ЕС путем проведения кампании усиленной публичной пропаганды европейских устремлений Украины. Вместо сотрудничества на основе стратегий и программ, предшествующих членству, как это делалось в отношении всех стран, признанных кандидатами в члены ЕС, Украине был предложен косметически расширенный План действий (ПД) в рамках Европейской политики соседства. Такой статус не предусматривает перспективы обретения членства в ЕС и, соответственно, не предполагает уровня политических отношений, предоставляемого странам-кандидатам, по мощи со стороны ЕС по программам PHARE, включения в европейские информационные сети и т.п.

Вплоть до заседания “Украина – Тройка ЕС” в Киеве (30 марта 2005 г.) президент В.Ющенко и вице-премьер О.Рыбачук постоянно заявляли, что Украина готовится подать заявку на вступление в ЕС уже в 2005 г. Комиссару ЕС по внешним связям и Европейской политике соседства Б.Ферреро-Вальднер в начале мая 2005 г. даже пришлось официально заявить, что Украине следует воздержаться от подачи заявки на вступление в ЕС с тем, чтобы избежать официального отказа⁵.

Россия – Украина

Отношения с Россией, несмотря на декларации о продолжении стратегического партнерства с Москвой и создание двусторонней Межгосударственной комиссии Ющенко – Путин, существенно ухудшились, в первую очередь, в сфере экономики.

Замедлилось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП). Свертываются и другие проекты, включая создание украинско-российского газотранспортного консорциума. Украинская сторона сделала попытку выдвинуть альтернативную стратегию обеспечения Украины газом, попытавшись пересмотреть заключенные в 2004 г. долгосрочные соглашения о расчетах за газ и поставках газа из Туркменистана.

Попытки правительства ввести административное регулирование цен на бензин сопровождалось выдвижением угроз о возможной реприватизации нескольких украинских НПЗ, находящихся в собственности российских компаний.

Майский 2005 г. бензиновый кризис был прекращен вследствие прямого вмешательства президента В.Ющенко, который отменил действия правительства по контролю за ценами, назвав их изначально неправильными.

Украинская сторона рассматривает как первоочередные задачи в двусторонних отношениях проведение переоценки нынешнего состояния базы Черноморского Флота РФ в

Севастополе, ограничение его деятельности в Крыму, уточнение условий базовых соглашений о статусе и условиях пребывания российского флота на территории Украины.

Тема Единого экономического пространства используется в диалоге с Россией в сугубо полемическом и риторическом плане и не воспринимается Киевом как стратегически значимая. Однако, поскольку «киевская формула» четко оговаривает право каждой страны–участницы ЕЭП самой определять глубину участия в данном проекте, представители нынешней украинской власти, вопреки их прежним (в оппозиционную бытность) декларациям об абсолютной вредности и опасности ЕЭП для национальных интересов Украины, демонстративно требуют от России скорейшего создания в рамках ЕЭП зоны свободной торговли без изъятий и ограничений. В то же время ряд представителей власти (например Б.Тарасюк) открыто заявляют, что в перспективы ЕЭП Киев не верит. По сути, представители новой власти копируют тактику Л.Кучмы, который в 1998–2001 гг. использовал лозунг создания зоны свободной торговли в рамках СНГ в сугубо пропагандистских целях.

В марте 2005 г. РАО «Газпром» и НАК «Нефтегаз Украины» договорились о повышении цены на газ для Украины в расчетах с Россией с 50 до 80 долл. за тысячу кубометров и достигли ряда других компромиссных соглашений.

Единственной содержательной мотивацией таких действий со стороны Киева было намерение устранить из схемы поставок туркменского газа на Украину компанию–посредника – совместное предприятие «РосУкрЭнерго», поставив на её место свою структуру для получения прибыли как транзитного оператора. Тот факт, что в итоге резко повышается цена на газ для всех украинских потребителей и что потери понесет вся украинская экономика (по оценкам российских экспертов, эти потери составят примерно 690 млн. долл. в год), во внимание не был принят.

До сих пор вся схема энергетических переговоров с российской стороной носит исключительно закрытый и непубличный характер. Еще более таинственный характер носили переговоры В.Ющенко, Ю.Тимошенко с главой РАО «Газпром» А.Миллером (26–27 апреля 2005 г.), когда обсуждались уровень цен на поставки российского газа на Украину и стоимость транзита. Участники пришли к выводу об отсутствии перспектив российско–украинского газотранспортного консорциума. Примечательно, что украинская сторона не сообщала о содержании переговоров. Таким образом «открытость» политики новой власти не идет дальше публичных деклараций.

В самом начале 2006 г. между Украиной и Россией разразился самый настоящий энергетический кризис.

С 1 января 2006 г. Россия перестала поставлять газ собственно для нужд Украины, так как на тот момент договорённости о ценах на газ не было, но продолжала поставлять его в страны Восточной и Западной Европы через украинскую территорию.

Украинское руководство же начало несанкционированный отбор газа, предназначенного для европейских государств, что сразу же было обнаружено.

Прошло несколько раундов переговоров между «Газпромом» и украинской компанией «Нафтогазом». Через несколько дней (4 января 2006 г.) было решено, что компания «РосУкрЭнерго» покупает газ у российской стороны по 230 долл., затем смешивает его с туркменским газом и, в конечном счёте, продаёт Украине по 95 долл.

Такая схема действует с января по настоящее время.

Однако после парламентских выборов на Украине (март 2006 г.), Ю.Тимошенко, чей блок занял второе место, в рамках воссоздающейся «оранжевой» коалиции претендует на возвращение на пост премьер–министра Украины, который после конституционной реформы становится по значимости основным, заявила, что пересмотрит данные соглашения, ибо они, по её словам, ущемляют украинские интересы. В ближайшее время мы будем наблюдать развитие ситуации.

Также в феврале–марте 2006 г. участились нападения на российские маяки в Крыму.

Эта компания проходила под лозунгами выдавливания российского черноморского флота с территории автономной республики.

Украина – постсоветские государства

В отношениях Киева с постсоветскими государствами наметились следующие тенденции: намерение правительства сделать Украину участником “расширения демократии” на постсоветском пространстве привели к ухудшению отношений с Узбекистаном и Белоруссией.

Так, после президентских выборов в Белоруссии (19 марта 2006 г.) в центре Минска наряду с белорусскими оппозиционерами против результатов выборов и А.Лукашенко активно протестовали представители “оранжевых” сил Украины. Многие из них были задержаны на несколько дней, а затем высланы из страны. Это привело к сильному скандалу на межгосударственном уровне.

Выдвинутая в конце марта 2005 г. украинско-грузинская инициатива по урегулированию ситуации в Киргизии не была поддержана лидерами переходной власти этой страны. Придание на саммите в Кишиневе (22 апреля 2005 г.) организации ГУУАМ выраженной политико-идеологической направленности привело к выходу из ее состава Узбекистана и соответственно исключению одного “У” из аббревиатуры.

ГУАМ и его новая, более активная роль должны, по замыслу Киева, более или менее воспроизводить опыт “Вышеградской группы” и Центральноевропейской зоны свободной торговли, которые способствовали интеграции Польши, Венгрии, Чехии и Словакии в ЕС. Однако, несмотря на декларации В.Ющенко и Ю.Тимошенко, власти не удалось достичь прогресса в вопросе о достройке нефтепровода “Одесса – Броды” до Плоцка, что ослабляет экономические мотивации в деятельности ГУАМ.

В качестве нового лозунга ГУАМ выдвинуты цели “демократии и развития” с акцентом на политико-идеологическую направленность в деятельности этой организации. На саммите ГУАМ в Кишиневе в качестве наблюдателей присутствовали президенты Румынии и Литвы, которые также поставили свои подписи под итоговой декларацией⁶. В рамках новых задач ГУАМ Б.Тарасюк говорил о возможности отправки украинских миротворцев в Нагорный Карабах.

Во время неофициального визита президента В.Ющенко в Грузию (август 2005 г.) он и президент М.Саакашвили подписали совместное заявление о намерении создать содружество демократий Балто-Черноморско-Каспийского региона – Сообщество демократического выбора.

Среди целей содручества названо “освобождение нашего региона от всех оставшихся разделительных линий, нарушений прав человека, ...от замороженных конфликтов”⁷.

Кроме того, данная инициатива предполагает проведение на Украине саммита лидеров стран этого региона. Представители России приглашаются принять в нём участие в качестве наблюдателей наравне с представителями США и Евросоюза.

Аналитики в Киеве характеризуют эту инициативу как второе издание идеи “Балто-Черноморской дуги”, которая, по замыслам украинских националистов 90-х годов, должна была стать санитарным кордоном против России.

Показательно, что даже министр иностранных дел Украины Б.Тарасюк пытался сгладить впечатление от этой инициативы, заявив, что данное сообщество не является альтернативой СНГ, потому что “у него нет структуры, четко очерченной, нет аппарата”⁸.

А ещё раньше, на другой день после заявления В.Ющенко, по вопросу о новом сообществе, Б.Тарасюк озвучил намерение “предложить ряд проектов, которые будут иметь интерес и резонанс со стороны всех государств СНГ”, вместо создания “геополитических проектов, в которых заинтересовано одно или некоторые государства СНГ”⁹.

Вряд ли, произнося эти слова, Тарасюк не заметил, каким диссонансом они звучат по отношению к словам своего же президента.

Международный резонанс на инициативу Ющенко и Саакашвили был крайне незначительным.

Единственным государственным деятелем, отреагировавшим на неё был президент Литвы В.Адамкус: в обнародованном его пресс-службой заявлении он приветствовал эту инициативу, но не сказал, будет ли сам Вильнюс принимать участие в новой организации.

Эта инициатива обсуждалась В.Ющенко с В.Адамкусом, М.Саакашвили и президентом Польши А.Квасьневским во время их встречи в Артеке (18–19 августа 2005 г.). Но, в опубликованных документах, никаких содержательных моментов на сей счёт аналитики не обнаружили.

Ряд российских политиков и политологов, со своей стороны, расценили заявление В.Ющенко и М.Саакашвили, а также встречу “четвёрки” в Артеке как демонстрацию прозападного курса этих стран и желания Киева и Тбилиси отмежеваться от СНГ¹⁰.

Скудость реакции на инициативу Ющенко–Саакашвили на Западе показывает отсутствие у большинства её потенциальных участников, а также возможных политических спонсоров заинтересованности в создании нового объединения. Помимо нежелания бросать явный вызов России, основная причина этого в том, что для стран-членов и кандидатов в ЕС участие в таком объединении стало бы раздражителем в их отношении с руководящими структурами Евросоюза, которые стремятся к выработке общей внешней политики ЕС.

В марте 2006 г. украинские власти перекрыли таможенную границу с Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР), выступив, таким образом, вместе с руководством Республики Молдова, и потребовав, чтобы все грузы, ввозимые на территорию Украины из ПМР имели печать молдавской таможни, что ни в какой мере не приемлемо для ПМР.

Таким образом, украинское руководство начало претворять в жизнь ту самую концепцию “продвижения свободы”, принятую американской администрацией, о которой указывалось выше.

Роль МИД Украины в сфере внешней политики

В августе 2005 г. после встречи с Б.Тарасюком, В.Ющенко подписал указ о координирующей роли МИД в сфере внешней политики, согласно которому официальные заявления по вопросам внешней политики могут делать только сам президент, премьер-министр и министр иностранных дел. К другим министерствам сотрудники МИД будут прикомандированы в качестве “дипломатических советников”.

Формальной необходимости в специальном указе на эту тему не было. Уже имелся действующий указ президента № 847 (19.09.1996 г. – с изменениями от апреля 1999 г.) о координирующей роли МИД в сфере внешних сношений. Но реальной координации МИД так и не добился.

В Киеве теперь гадают, сможет ли переломить ситуацию новый президентский указ.

Вместе с тем, действует и другой президентский указ – № 1387/2003, по существу противоречащий первому.

В частности, в нём имеются пункты об отчетности МИД и дипломатических представительств перед Администрацией президента (сейчас – Секретариатом президента), о предварительном согласовании с президентом кандидатур на руководящие должности в аппарате МИД и посольствах.

Есть в нём и формулировка, возложившая на Главное управление внешней политики АП координацию мер, принимаемых “для обеспечения реализации президентом полномочий во внешнеполитической сфере”. Б.Тарасюк добивается отмены этого указа.

Очевидно, подписывая этот указ, президент стремился изменить ситуацию, при

которой роль руководителей внешней политики Украины в правящей команде берут на себя слишком многие: спикер Верховной Рады, О.Рыбачук и др.

Подписание указа выглядит как явный успех Б.Тарасюка и, одновременно, как здравая попытка упорядочить внешнеполитическую деятельность, страдающую от наличия нескольких конкурирующих центров влияния.

Экономика Украины в процессе европейской и евроатлантической интеграции

В самом начале октября 2005 г. президент Украины Виктор Ющенко поручил Кабинету министров разработать и утвердить в первом полугодии 2006 г. государственную программу обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в процессе европейской и евроатлантической интеграции.

“Правительство должно с привлечением Национального банка проанализировать состояние конкурентоспособности национальной экономики и определить условия, необходимые для ее обеспечения в процессе европейской и евроатлантической интеграции”.

В.Ющенко также поручил по результатам этого анализа до конца 2005 г. подготовить аналитический отчет “Конкурентоспособная Украина” и организовать его общественное обсуждение. Такой отчет был подготовлен, однако широкого общественного обсуждения не получил, так как в конце декабря – начале января разгорелся российско-украинский газовый скандал, а затем всё внимание было уделено парламентской предвыборной кампании.

В сентябре 2005 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе состоялся первый раунд тематических консультаций высокого уровня Украина-НАТО в рамках “Интенсифицированного диалога по вопросам членства”.

Украину представляла межведомственная делегация во главе с первым замминистра иностранных дел А.Бутейко.

Со стороны НАТО участвовали руководители подразделений, помощник Генерального секретаря по политическим вопросам и политике безопасности и эксперты Международного секретариата НАТО.

Обсуждались положения Начального дискуссионного документа, включающего общие требования, предъявляемые к странам-кандидатам в сфере внешней, внутренней и оборонной политики, реформирования оборонного сектора и сектора безопасности, а также в правовых вопросах, связанных с обретением членства Украины в НАТО. Украинская делегация выразила готовность приложить усилия для скорейшего достижения критериев членства в Альянсе.

Принятые решения имеют директивный характер. Согласно информации пресс-службы Министерства обороны, по результатам рассмотрения оборонных аспектов Начального документа будут конкретизированы задачи Вооруженных Сил в общем контексте подготовки Украины к членству в НАТО.

Руководитель пресс-службы МИД В.Филипчук отметил в этой связи, что планируется “очень серьезный диалог между Украиной и НАТО”, который будет проводиться как в Киеве, так и в регионах Украины. По его словам, возможность вступления Украины в НАТО в 2008 г. “является вполне реалистичной”¹¹.

В то же время В.Филипчук уклонился от ответа на вопрос о статусе референдума относительно вступления Украины в НАТО. По его словам, до выполнения Украиной всех необходимых критериев и стандартов относительно членства в НАТО ставить вопрос о референдуме несвоевременно.

6–7 октября 2005 г. премьер-министр Украины Ю.Ехануров совершил свой первый визит в Брюссель где провел встречи с представителями ЕС и НАТО, принял участие в заседании комиссии Украина-НАТО и в конференции “Украина смотрит в будущее”. В состав делегации входили секретарь СНБО А.Кинах и министр экономики Яценюк.

Ранее, 29 сентября Европейская Комиссия уже выразила одобрение в связи с назначением Ю.Еханурова главой украинского правительства. При этом было заявлено, что ЕС готовится предоставить Украине статус государства с рыночной экономикой текущей осенью, что должно способствовать вступлению официального Киева в ВТО и является предпосылкой переговоров о создании зоны свободной торговли Украины и ЕС.

На международной конференции Ю.Ехануров утверждал, что Украина готова к развитию действительно стратегического партнерства с ЕС, началу переговорного процесса с Евросоюзом о создании зоны свободной торговли, заинтересовано в выработке соглашения об упрощении визового режима для отдельных категорий граждан Украины. “Но нашей конечной целью, по словам Еханурова, является обеспечение права свободного передвижения украинских граждан по странам Европы. Права, которое даст возможность украинцам непосредственно почувствовать преимущества реализации евроинтеграционной политики”¹².

Ю.Ехануров предложил ЕС уже сейчас начать диалог о новой долгосрочной политике, призванной “открыть для Украины дверь Евросоюза в соответствии с его уставными документами”. “Мы не хотим стучать в нее как “бедные родственники”. Нам нужно недвусмысленное заявление со стороны ЕС о политической поддержке курса Украины на европейскую интеграцию”¹².

Президент В.Ющенко не устаёт напоминать правительству о его ответственности за принятие законопроектов, необходимых для вступления Украины во ВТО. Исполнительная власть настроена на максимально возможный учёт пожеланий Рады, дабы поскорее “закрыть” все внутренние формальности. Похоже, тема Украина – ВТО становится некой “лакмусовой бумажкой” кредитоспособности В.Ющенко и его команды. В связи с этим в марте 2006 г. пресс-служба Министерства экономики Украины объявило о том, что Украина планирует завершить переговоры по вступлению в ВТО к концу мая 2006 г.

Заключение

Прошедшие парламентские выборы в конце марта 2006 г. показали, что примерный паритет между Западом и Востоком остаётся.

Партия “Регионы Украины” набрала 32%, Блок Ю.Тимошенко 22%, “Наша Украина” 13,8%, социалисты 5%, коммунисты 3,6%.

Партии Н.Витренко не хватило буквально 0,7% для того, чтобы попасть в парламент.

На Украине установлен 3% барьер для прохода в Верховную Раду. В настоящее время идут усиленные переговоры и консультации о создании межпартийных коалиций. Больше шансов договориться у трёх партий, которые в своё время составляли “оранжевую коалицию”: БЮТ, “Наша Украина”, Социалистическая партия. Однако есть варианты образования коалиции у какой-либо из этих сил и с партией “Регионы Украины”.

При всём при этом, даже после конституционной реформы вопросы внешней политики, обороны и безопасности остаются в руках президента, равно и назначение министров на эти должности решает исключительно он. В.Ющенко сразу же после выборов заявил, что внешнеполитический курс и приоритеты Украины останутся неизменными. Он подтвердил, что Б.Тарасюк будет и далее находиться на посту министра иностранных дел, а это означает, что во внешней политике евроатлантический курс Украины будет продолжен.

Нынешние власти Украины сделали твёрдый выбор на вступление в НАТО и Европейский союз. В то же время в отношениях с Россией они будут балансировать, чтобы не вызывать откровенное раздражение российских властей, при этом они будут идти на тактические уступки.

Что касается перспектив вступления Украины в вышеупомянутые организации, то это во многом зависит от состояния украинской экономики и политической стабильности в стране. Если в этих сферах у украинских властей не будет успехов, то перспективы

вступления в эти организации довольно сомнительные.

Примечания

¹ Внешняя политика Украины. 25.03.05. www.analitik.org.ua.

² Интервью политолога М.Погребинского (Украина). 20.05.05. www.rosbalt.ru

³ Внешняя политика Украины. 15.06.05. www.analitik.org.ua

⁴ Газовый кредит // Зеркало недели. 2005. 3 октября.

⁵ Украинская правда. 04.05.05. www.pravda.com.ua

⁶ Украинская правда. 23.04.05. www.pravda.com.ua

⁷ Визит В.Ющенко в Грузию. www.analitik.org.ua 20.08.05.

⁸ Интервью Б.Тарасюка // Украинская правда 19.08.05. www.pravda.com.ua

⁹ Интервью Б.Тарасюка // Украинская правда. 13.08.05.

¹⁰ По поводу одной инициативы. 30.08.05. www.apn.ru

¹¹ www.analitik.org.ua 15.09.05.

¹² Визит Ю.Еханурова в Брюссель // Украинская правда // www.pravda.com.ua.
10.10.05.

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ

Д.Фетищев,

кандидат политических наук

Евразия как особая региональная общность формируется в течение длительного исторического времени в результате взаимодействия многих народов и государств¹. Формирование региона Евразии исследователи связывают с целым рядом политических процессов глобального порядка. Прежде всего с возникновением и развитием многонациональных империй регионального масштаба, которые сменяя друг друга, определили контуры Евразии и которые в итоге закрепили своими границами Российская империя и ее наследник СССР.

Евразия как любая другая региональная система имеет внутреннюю структуру, сложившуюся в результате ее развития и состоящую из особых территорий, каждая из которых имеет свою культурную и геополитическую специфику. Это внутренние субрегионы или подсистемы.

В данном случае речь пойдет о пограничных территориях, где происходит контакт и пересечение/взаимодействие не только интересов, но и различных культурных, идеологических, социальных и политических систем, представленных определенными государствами, религиями, этносоциальными группами со своим укладом жизни и хозяйствования.

Приграничная территория имеет важную геополитическую функцию: она как обеспечивает взаимодействие государств, так и является буфером между ними. Баланс интересов и стабильность на этих территориях способствует устойчивости международных отношений на двустороннем, региональном и межрегиональном уровнях. Нарушение баланса и разрушение общей системы безопасности может вызывать дестабилизацию одной или более региональных систем, а то и приводить к конфликтам между государствами. Кроме того, учитывая все возрастающую глобальную взаимозависимость регионов и стран, конфликты в контактных зонах, имеющих мировое коммуникационное и экономическое значение, могут привести к обострению противоречий уже на мировом геополитическом уровне. Контактные зоны часто являются источниками дестабилизации межгосударственных отношений² и в силу особенностей своего культурно-исторического формирования при определенных социально-политических и культурных подвижках здесь актуализируются прежние противоречия. Причем конфликт вполне реально уже существующих или возникающих новых интересов, как правило, сопровождается конфликтом ценностей соответствующих групп населения, представляющих различные этнические и религиозные культуры³.

Геополитическое положение территорий контактных зон могла определять их подчиненность региональным центрам силы. Так, судьба народов, проживающих в зоне контакта, часто решалась региональными и великими державами. Но со второй половины XX в. политическая активность этих народов резко возросла. И они стремятся сами определить свое место в региональной и мировой политике. То есть, проблема сопряжения региональных систем решается теперь в значительной степени в зависимости от уровня

организации политических процессов непосредственно в контактной зоне. В частности, и от того, как народы и государства, представляющие контактную зону, могут продуктивно ответить на внешние вызовы или использовать свое геополитическое положение в своих интересах.

Учитывая пограничный характер периферии, населяющие ее группы могут ориентироваться на расположенные в разных региональных системах центры силы, участвовать в политической жизни разных государств и соответствующим образом использовать их поддержку или противоречия между ними в своих интересах. Наше внимание сосредоточено на западной периферии Евразии.

На периферии Евразии имеются два типа ориентации. Один представляет ориентацию внутрь евразийского пространства, другой – вовне. Это может относиться как к периферии в целом, так и к ее частям.

Например, на западной периферии Евразии территории прибалтийских государств исторически тяготеют к европейским странам.

На юге территории Молдавии ориентируются как вовне (Бесарабия), так и внутрь (Приднестровье) Евразии.

Ориентация может определяться историко-культурными, этническими, религиозными и экономическими связями той или иной группы населения и интересами политических элит.

Как правило, население контактных зон имеет этнически смешанный характер. Кроме того, представители того или иного народа пограничных территорий могут являться гражданами двух и более соседних государств. Например, украинцев и венгров, поляков и молдаван и т.д.

В постсоветское время на политические процессы и международные отношения в Евразии усиливается влияние внешнего фактора. Если в советский период периферии евразийского региона имели ограниченные связи с мировым пространством, то после распада СССР и возникновения новых евразийских государств, они начали развивать контакты с соседними и другими государствами. Таким образом, пространство Евразии стало более доступно для деятельности различных акторов международных отношений, причем с негативными последствиями для народов и государств региона.

Резко возросшая активность внешнего фактора создает угрозу национальной безопасности России. Речь идет о существенных подвижках в сложившемся балансе сил и интересов на региональном и мировом уровнях и неблагоприятных последствиях этого для российской государственности и экономики.

Кроме того, процесс перестройки региональных отношений сопровождается обострением межэтнических и политических противоречий и возникновением целого ряда конфликтных ситуаций по всему пространству Евразии, но со своей специфической особенностью на ее периферии, где наиболее ощущается влияние внешнего фактора.

Так, на южной периферии возникли абхазский, карабахский, внутритаджикский осетино-ингушский и юго осетино-грузинский и чеченский конфликты.

На западной периферии возник приднестровский конфликт.

Истоки этих конфликтов лежат в истории формирования периферии Евразии и связаны с борьбой Российской империи за безопасность своих границ.

Во всех перечисленных конфликтах была задействована Россия как по собственной инициативе, так и в силу обращения к ней участников или одного участника конфликта за помощью или с целью посредничества. Но главное потому, что эти конфликты явились частью общих процессов трансформации евразийского пространства. Причем, если возникновение конфликтов было связано с распадом СССР, то в дальнейшем конфликты стали еще более углубляться и приобретать новые черты, связанные с новой геополитической реальностью в Евразии и соседних регионах, а также в мире в целом.

В постсоветский период евразийское пространство стало ареной конкурирующих между собой различных внешних сил, в роли которых выступали и выступают различные

государства, а также национальные и транснациональные корпорации. Но не только экономические и политические интересы стимулировали возрастание роли международного фактора в контактных зонах постсоветской Евразии. Не менее активно развернулась конкуренция за культурное пространство. Ряд государств и международных религиозных институтов решили использовать предоставившуюся возможность для расширения своего культурного влияния в евразийском пространстве и тем самым для повышения своего регионального и мирового геополитического статуса.

Таким образом, политический процесс на южной и западной перифериях Евразии приобрел высокую степень интенсивности и особый характер. Центробежные тенденции возникли и стали усиливаться именно в периферийных зонах, создавая общую ситуацию нестабильности на всем постсоветском пространстве.

В настоящее время на геополитическом поле Евразии активно участвуют европейские государства как самостоятельные акторы, так и кооперативный актор в лице Европейского союза. Со своей стороны, Россия, выступая за сотрудничество с ЕС, не однозначно оценивает отношения европейских организаций с евразийскими государствами, видя в этом угрозу своей политической и экономической безопасности. СНГ как международная организация, призванная согласовывать национальные интересы входящих в нее государств и координировать их внешнюю политику, не выступает в отношениях с европейскими странами в коллективном качестве. Каждое евразийское государство самостоятельно определяет свою стратегию по отношению к европейскому сообществу. И, прежде всего, это относится к западной периферии Евразии, где исторически часть территорий ориентирована на Запад.

Эксперты отмечали, что первоначально в Евросоюзе особенно настороженно относились к региональному сотрудничеству между Россией и ее западными соседями из числа стран СНГ⁴.

После расширения ЕС за счет стран Центральной Европы экспертами в недрах евробюрократических структур был подготовлен ряд предложений по политике развития отношений с непосредственными восточными соседями – странами СНГ.

Они обобщены в двух документах, в которых конкретизируется соответствующая стратегия ЕС⁵, получившая название “концепция нового соседства”. Ее целью является обеспечение безопасности ЕС за счет формирования устойчивой системы сотрудничества с западными странами СНГ, а также России. Но такой подход корректируется новыми членами ЕС – странами Центральной Европы, прежде всего Польшей, которая разработала свою концепцию⁶. Хотя она и не принята ЕС в качестве официального документа, но дает возможность Польше как самому большому государству на востоке ЕС вести дискуссию в Европарламенте и претендовать на роль главного эксперта и куратора евразийского вектора европейской общей внешней политики и безопасности.

В отличие от брюссельского варианта, в котором говорится о системе трансграничных “четырёх свобод” по отношению к восточным соседям (перемещение товаров, услуг, людей и капиталов), польский документ отстаивает “разделительное” понимание европейских реалий. Брюссельский документ предлагает равноудаленность ко всем восточным соседям ЕС в СНГ. Более того, в упомянутых документах было зафиксировано, что в ЕС готовы рассмотреть те новые интеграционные инициативы, которые вырабатываются Россией совместно с западными государствами СНГ. Речь шла и о возможной помощи сотрудничеству этих стран⁵.

Варшава считает, что к Украине, Молдавии и Белоруссии следует относиться более благожелательно, но ревностно относится к пророссийским настроениям в этих странах и не видит Россию в общем европейском пространстве. Политические события конца 2004 г., связанные с выборами нового президента Украины, засвидетельствовали польское понимание регионализации постсоветского пространства – Варшава однозначно видит Украину в будущем или в ЕС, или под его патерналистской опекой (но в польском выражении). Тот факт, что разрешать украинский кризис в прозападном варианте приехали

два президента Польши – бывший и нынешний – свидетельство вышеизложенного.

В этой связи представляется целесообразным именно в этом ракурсе рассмотреть будущую политику Евросоюза в отношении западных государств СНГ и России. А именно – в том плане, как каждая новая волна расширения ЕС будет оказывать свое влияние на политику и дипломатию европейского сообщества в отношении стран СНГ и отдельно России.

ЕС не был готов принять польскую концепцию, но, исходя из общей установки на поиск консенсуса в сообществе, ищет компромисс с ней. В частности, рассматривается возможность своеобразной специализации. Так, рассматривается возможность возложить на Польшу ответственность за связи с Украиной, Белоруссией и Молдавией, а на Германию – ответственность за связи с Россией. У последней неплохие отношения с Германией. Можно ожидать, что патронаж Берлина не повредит России. Но патронаж Польши подразумевает чисто двусторонние отношения, а в идеологическом плане – их евроцентризм. То есть речь идет об изменении конфигурации евразийского региона. В этой связи стоит обратить внимание на тот факт, что ЕС уже давно имеет несколько программ развития средиземноморской интеграции⁷.

Можно предположить, что в перспективе в какой-то очередности Украина, Белоруссия и Молдавия войдут в ЕС. Сторонники проевропейской политики в этих странах есть. А их европейская идентичность может быть подтверждена историей вхождения в центральноевропейские государства. Например, в Австро-Венгрию, в ту же Польшу или Румынию.

Развитие политической ситуации в Грузии, очень похожей, по мнению ряда исследователей, на то, как это происходило на Украине, дает основание для определенного прогноза, а именно ЕС в отношении закавказских государств будет осуществлять такую же политику, как в отношении своих ближайших восточных соседей. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе закавказские государства географически будут ближе к объединенной Европе, когда Болгария, Румыния и даже Кипр, а затем, возможно, и Турция войдут в ЕС.

Таким образом, в Евразии сложилась сложная для России геополитическая ситуация.

Основа современной геополитики – изучение императивов, вытекающих для каждого конкретного государства из растущей взаимозависимости мира, неизбежных всеобщих отрицательных последствий разрыва коммуникаций и изоляции кого бы то ни было, сочетании цивилизационного разнообразия с культурной и информационной открытостью. Если придерживаться такой методологической позиции, то распад Российской империи и СССР можно рассматривать как этап интеграции в мировое пространство ранее относительно изолированных территорий и трансформации системы управления ими, переход к горизонтальной модели организации евразийского пространства на федералистских принципах, когда интересы личности, населения отдельных территорий (общества) и в целом интересы нации (государства) провозглашаются равнозначными⁸.

Следует отметить, что концепция создания Советского Союза предполагала именно федерацию государств и обществ, состоящих из самоуправляющихся единиц (республики, территориальные советы разных уровней, кооперативы) как альтернативную имперской вертикали форму организации Евразии. Другое дело, что федералистская концепция государства не реализовалась в своей полноте и большинство ее положений существовало лишь декларативно.

СНГ – это повторение указанной попытки в варианте более высокого уровня самоуправления – союза действительно независимых государств-республик.

Нельзя исключать, что время для этого упущено или для преодоления тяжелого наследия советского тоталитаризма потребуются больше времени, новые союзы, изощренная стратегия и внешнеполитическая тактика, а также и новая культура международных отношений. Во всяком случае, речь может идти о плюралистических и максимально открытых моделях отношений. Движение в указанном выше направлении не

только условие выживания, но и новые вызовы национальным государствам Евразии. Учитывать следует также и то, что набирающие силу процессы глобализации проходят при геополитическом доминировании США и экспансии на восток ценностей западной цивилизации.

Геополитика является важным аспектом цивилизационного измерения мира. “Всякая цивилизация имеет свое территориальное ядро, в котором создаются ее главные ценности, где проживает стабильное большинство носителей данной культуры”⁹. В связи с этим представляется не целесообразным рассматривать перспективы развития геополитики без отрыва от цивилизационных принципов. Другое дело, что время военно-феодалных империй, когда сила имела абсолютное значение в формировании цивилизационного пространства, прошло. В настоящее время резко возрос фактор культуры и экономики в геополитике больших пространств. Религиозный ренессанс и процессы этнической консолидации в Евразии оказывают существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств и отношения между ними. А трансконтинентальные экономические структуры приводят, если не к разрушению государственных границ, то, по крайней мере, к их размыванию.

Следует отметить, что между цивилизационным и геополитическим подходами, хотя и существуют различия, но они дополняют друг друга при научном анализе.

Цивилизационный подход предполагает, что каждое национальное государство (территория и население) является частью определенной (по П.Сорокину) культурной суперсистемы.

Геополитический подход рассматривает государство как часть региональной системы международных отношений, предполагая, что эта система обладает своими особыми характеристиками, в том числе культурно-цивилизационного порядка.

Таким образом, оба подхода опираются на теорию систем и системный анализ. Нельзя согласиться лишь с тем, когда тот или другой метод используется для обоснования экспансии и претензий на абсолютное лидерство или построения новой “Берлинской стены”.

Примечания

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992; Ритмы Евразии. М., 1993.

² Коннитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 3. М., 1997. С. 190-191.

³ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer, 1993. P. 33.

⁴ Казин Ф.А. “Фактор лимитроф” в отношениях России с Евросоюза // Международные исследования. 2004. № 1. С. 98.

⁵ Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament // Wider European – Neighborhood: A new Framework for Relations with Our Eastern and Southern neighbors <http://we/intro/>; Commission Report “Paving the Way for a New Neighborhood Instrument”. Brussels, COM [2003]. http://europa.eu.int/comm/external_relations/we_intro/index.html. (документ № 393).

⁶ Non-paper with Polish proposals concerning police towards new Eastern neighbors after EU enlargement // <http://www.msz.gov.pl/star.php>

⁷ Россия, Средиземноморье, Южная Европа. М., 1995; Проблемы европейского регионализма. М., 1999; Европа и Россия: проблемы южного направления: Средиземноморье – Черноморье – Каспий. М., 1999; Пескова Л.В. Международные организации в Средиземноморье // Многоликая Европа: пути развития. М., 2002 и др.

⁸ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Красная звезда. 2000. 20 января.

⁹ Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы Евразийства. ПОЛИС. 2001. № 5. С. 68.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МАКЕДОНИИ

Е.Пономарева,
кандидат политических наук

Проблема этнополитических конфликтов и их урегулирования прочно занимает место среди наиболее актуальных вопросов современности. Крушение блоковой системы периода “холодной войны” спровоцировало не только смещение центра силы в мировой политике, но и создало ситуацию, в которой этнополитические конфликты стали рассматриваться определенными социальными группами единственно продуктивным способом обретения власти, а значит и доступа к ресурсам. Балканы в силу чересполосного проживания наций и этнических групп, выгодного геостратегического положения и, практически, неиспользованных ресурсов – благодатная почва для этнополитических конфликтов. При чем ни один из них (хорватский, боснийский, косовский, македонский) не разрешился мирным путем. Более того, “замороженный” этнополитический конфликт 2001 г. в Македонии в связи с признанием независимости Косово приобретает сегодня новое звучание.

Многофакторность этнополитического анализа

В политической науке этнополитические конфликты оцениваются как организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности.

Чаще всего такого рода конфликты происходят между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве. Адекватное и эффективное исследование этнополитического конфликта для выявления наиболее оптимальных путей его урегулирования требует учета целого комплекса взаимодействующих между собой кризисных факторов – экономических, политико-правовых, идеологических, социо-культурных. Именно практический интерес – формирование условий для стабильного развития или поддержание конфликтности (в зависимости от целей заинтересованных сторон) – требует от науки целостное, системное знание природы этнополитического конфликта.

Современная политическая наука имеет целый арсенал теорий, объясняющих причины этнополитических конфликтов. Одним из доминирующих является социологический подход (Т.Боттомро, Д.Кэмпбелл, Дж.Тернер, С.М.Липсет, Л.Козер и др.).

Он основывается на анализе этнических параметров социальных групп и выявляет феномен узурпации тех или иных привилегированных социальных ниш представителями одной группы в ущерб другой и социальной дискриминации по этническому или расовому признаку.

Представляется, что совпадение социальной стратификации с этнической структурой населения, а также этнические диспропорции по линии “город – село” при всей их конфликтогенности все же не могут быть истолкованы как основная причина этнополитических конфликтов.

Особый интерес в социологическом подходе представляет анализ феномена экономического посредничества, особенно роли торговли, которая, как правило, в полиэтнических обществах имеет тенденцию к контролю представителями какой-то из групп или выходцами из определенного региона. В целом, однако, соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений и экономических взаимодействий так же далеко не всегда может быть названа в числе основных факторов крупных этнополитических конфликтов¹.

При объяснении причин этнополитических конфликтов важное место занимает элитарный подход (Р.Брубейкер, В.Вуячич, С.Мештрович, Ч.Роса и др.).

Данный подход выявляет роль элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, усилении межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта.

Именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп к обладанию ею, о связи власти с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликтности.

Однако не стоит преувеличивать или целиком объяснять причину конфликтов только генерирующей и организующей ролью элит. Недостаточность этого подхода и в том, что он не может в полной мере объяснить феномен массовой мобилизации и интенсивности эмоций участников межэтнических конфликтов, изначальную силу группового стремления к автономии, жертвенность, готовность перейти ради этого к самым жестоким методам насилия.

Весомым дополнением к предыдущим подходам является социально-психологический (Р.Каплан, А.Пухар, З.Сикевич и др.),

Этот подход выявляет поведенческие механизмы этнических конфликтов.

Иррациональное восприятие той или иной этнической группой угрозы утратить идентификацию является мощным средством их мобилизации, способствует закреплению предубеждений против представителей господствующей группы и оформлению экстремистских этнических требований.

К разряду социально-психологических причин этнополитических конфликтов и сепаратистских (сецессионных) движений можно отнести и чувства по поводу пережитых “исторических несправедливостей”.

Особое место в ряде причин этнополитических конфликтов занимает проблема групповой легитимности, связи коллективного самосознания и идентичности с фактом существования политического образования в форме сложившейся государственности.

Со стороны этнических групп формулируется требование, а затем и политическая программа, согласно которой государство есть атрибут и гарант сохранения групповой целостности. Для массового сознания это означает то, что все атрибуты государства (территория, символы, институты власти, нормы политического поведения и пр.), должны иметь национально-этнический характер. Аргументы в пользу такого подхода берутся из истории со ссылками на те ее периоды, которые наиболее выгодно могут быть использованы для определения границ и статуса “национального” государства.

“Именно эти представления и основанная на них стратегия политической мобилизации заключает в себе огромную силу этнополитического конфликта. Создание “национального” государства видится массовому участнику как гарантия от реальных или гипотетических угроз иноэтнического или просто чужого доминирования над физической и культурной средой обитания... Страх оказаться в подчинении может быть сильнее любых материальных расчетов, и как реакция на него возникает стремление к оформлению определенных символов своей групповой легитимности и защищенности. Такими символами чаще всего выступает территория”¹.

Этнополитические конфликтные ситуации в современном мире формируются под воздействием комплекса кризисных факторов – экономических, правовых, идеологических,

социо-культурных, глобальных. В обществах, переживающих тотальный кризис (македонский социум относится именно к таким), формирование этнополитического конфликта, как правило, начинается с формирования у населения тревожных ощущений того, что происходит серьезное ухудшение социально-экономического и политического положения. Такие настроения, в свою очередь, провоцируют ухудшение национальных отношений в конкретной республике, регионе, рост взаимных претензий и напряженности между населяющими их этносами. Элитные группы, стремящиеся к власти, имеют благодатную почву для воплощения своих замыслов через радикальные националистические организации. Деятельность последних еще в большей степени взвинчивает межнациональное напряжение и усложняет поиск компромиссного решения. Прогрессирующее ухудшение ситуации обуславливает дальнейшую радикализацию национальных движений, рост настроений экстремизма и сепаратизма. Все вроде бы верно. Вышеизложенные подходы и объяснения причин этнополитических конфликтов можно назвать классическими.

А не есть ли это лишь классические заблуждения?

Альтернатива классической конфликтологии

Интересными кажутся рассуждения по этому поводу Роджерса Брубейкера², который критикует шесть ключевых мифов и заблуждений, отягощающие, по его мнению, современные представления о природе этнополитических конфликтов, а значит и препятствующие выработке оптимальных и уникальных в каждом конкретном случае моделей их урегулирования.

Первое из них – “архитектоническая иллюзия” (architectonic illusion), сводящаяся к убеждению, что правильная “масштабная архитектура”, верные территориальные и институциональные рамки могут удовлетворить запросы сепаратистов, утихомирить националистические эмоции и таким образом разрешить этнополитические конфликты.

Вторым заблуждением Брубейкер считает примордиалистскую теорию “парового котла” (seething cauldron), относящуюся непосредственно к Балканам.

Согласно этой теории, национализм глубоко укоренен в страстных натурах местных жителей, это как “паровой котел”, в котором постоянно дымится этнополитический конфликт, то и дело переходя в состояние кипения, в насилие. Поэтому национализм, а, следовательно, насилие считается главной проблемой в этом регионе, его истинной сутью. Периодические вспышки насилия и миротворчества⁴, соответственно, есть балканская неизбежность и “никуда от нее не деться”.

Далее критике удостоиваются два подхода – “теория возвращения подавленного” (return of the repressed) и “теория манипулирующих элит” (cynically manipulative elites).

Согласно первой (она дополняет примордиалистскую “теорию парового котла”) “антинациональные” коммунистические режимы безжалостно подавили или заморозили (но не уничтожили) национальные идентичности и конфликты, глубоко укоренившиеся в истории региона. С падением коммунизма они возобновились – история продолжила свое развитие там, где ее прервали.

В противовес этой “теории”, тезис о “манипулирующих элитах” утверждает, что национализм подогревается беспринципными политическими элитами ради собственной выгоды.

Пятое ошибочное представление Брубейкер характеризует как “группизм, или тезис о социальной онтологии групп и наций” (groupism – realism of the group).

Согласно этому представлению, основанному на “групповой” социальной онтологии, нации и этнические группы считаются реальными сущностями, действующими, существующими во времени коллективами с четко очерченными границами.

Шестым мифом оказывается так называемый “манихейский” подход, утверждающий, что существуют два типа национализма: хороший (гражданский) и плохой (этнический), а

также “ориенталистскую концепцию восточноевропейского национализма”.

Действительно, все шесть “заблуждений” при анализе природы этнополитических конфликтов на постюгославском пространстве в целом и в Македонии, в частности, имеют место.

Возникает вопрос: имеет ли наука адекватные методы оценки конфликтных ситуаций современности?

Если за критерий ответа на этот вопрос взять результаты процессов урегулирования этнополитических конфликтов, то он будет неудовлетворительным. Однако не наука в этом виновата. Просто практикующие политики принимают решения без диагностов.

В этой связи следует подчеркнуть, что урегулирование этнополитического конфликта возможно при тщательном изучении всего корпуса его причин и факторов, среди которых в первую очередь выделим:

1. Характеристики конфликтных сторон: ценности и мотивации; устремления и цели; психологические, интеллектуальные, социальные и иные ресурсы; представления сторон о конфликте; стратегии и тактики; предполагаемую выгоду от конфликта; насколько равны участники конфликта – части целого, часть и целое, целое и целое.

2. Предыстория взаимоотношений конфликтующих сторон: отношения друг к другу; взаимные стереотипы и ожидания; что противоположная сторона полагает о них самих; степень доверия.

3. Природа того, что привело к конфликту: границы конфликта, жестокость; мотивационная ценность; определение; периодичность.

4. Среда, в которой возникает конфликт: институты и сдерживающие центры; опыт конструктивного разрешения спора.

5. Роль заинтересованных сторон: их отношение к участникам конфликта; повышенное внимание или невнимание общественности; манипуляция общественным мнением.

6. Применяющаяся стратегия и тактика: принуждение, убеждение, шантаж, давление, доверительность, обмен информацией, заложничество, насилие.

7. Результаты конфликта для участников и заинтересованных сторон: выгоды, потери, внутреннее изменение участников, перспективы взаимоотношений.

Исторический фактор этнополитического конфликта

В 2001 г. страна, которая служила примером относительно успешного осуществления преобразований в полиэтническом социуме, продемонстрировала провал превентивной дипломатии и пережила гражданскую войну.

С момента провозглашения независимости на национальном и международном уровнях предпринимались усилия, направленные на предотвращение этнополитического конфликта и межнациональной войны. В течение ряда лет правительство Македонии, в состав которого входили представители различных этнических групп, проводило политику примирения и интеграции меньшинств во власть.

Например, переговоры между этническими албанцами и правительством Македонии о расширении прав национальных меньшинств проходили под непосредственным руководством рабочей группы по этническим и национальным общинам Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ).

На границах Македонии с Сербией и Албанией ООН были размещены силы превентивного развертывания (СПРООН).

Миссия Верховного комиссара по делам национальных меньшинств ОБСЕ осуществляла наблюдение за процессом обеспечения прав национальных меньшинств и других прав человека.

В македонском законодательстве с 1991 г. были закреплены широкие права меньшинств во всех сферах общественной и политической жизни, с учетом принципа

пропорциональности.

Например, гарантировалось право на получение бесплатного образования на родном языке в начальных и средних учебных заведениях, а также право открывать собственные частные образовательные институты; государство гарантировало и обеспечивало публикацию ежедневных и ежемесячных газет на языках национальных меньшинств, ежедневную трансляцию радио- и теленовостей и передач на албанском, турецком, сербском, цыганском и валашском языках.

Национальные меньшинства были представлены в структурах министерства внутренних дел, в министерстве обороны.

Согласно статистическим данным на 2001 г. процентное участие национальных меньшинств в этих структурах составляло соответственно 8,7% и 8,16%.

Наконец, Конституция 1991 г. предоставляла особые права национальным меньшинствам в политической сфере: было введено двуязычие/многоязычие в органах местного самоуправления в тех общинах, где представители национальных меньшинств составляют 20% и более от общей численности населения, проживающего в регионе⁴.

С момента принятия Закона о политических партиях (1995 г.) в Македонии существуют 15 партий, созданных на национальной основе, влияние которых весьма велико. Политические партии в стране выступают не как связующее звено между государством и гражданами, а, скорее, в роли посредников между властью и этносами.

Что же касается албанских партий, то на выборах 1998 г. две самые крупные албанские политические партии завоевали 19,6% всех голосов, в результате чего в македонском Парламенте были представлены 25 албанских депутатов.

На момент начала террористической деятельности со стороны албанцев против силовых структур Македонии в состав македонского правительства входили министры – албанцы.

Военные действия хорошо организованной и подготовленной албанской повстанческой армии в феврале 2001 г. не только застали большинство экспертов врасплох, но и поставили жирную точку на десятилетней деятельности международных организаций по преодолению межэтнической напряженности, так как посредники, под руководством которых было разработано республиканское законодательство, не знали или не хотели знать природу конфликта.

Македонский казус имеет многосоставной характер. В нем тесно переплетены социальные, демографические и психологические причины недовольства, специфика групповой идентичности и легитимности албанцев, исторические претензии.

Ряд ученых и политиков объясняют ирредентистскую активность албанцев исторической несправедливостью, причиненной этому народу решениями Берлинского конгресса 1878 г., в результате которых к Сербии, Черногории и Греции были присоединены “территории, являющиеся этнически албанскими”⁵. Свообразным ответом на решения конгресса стало создание 10 июня 1878 г. в г. Призрен (Косово) “Призренской Лиги Албанцев”, которая стала первой институциональной формой албанского национализма.

Политическая программа-минимум Лиги предполагала защиту всех исторически населенных албанцами территорий.

Программа-максимум – объединение всех территорий в автономное государство под властью Османской империи.

Призренская Лига послужила не только сильным толчком к дальнейшему росту албанского национализма, но и стала символом великоалбанских настроений.

Однако вплоть до Балканских войн албанские лидеры не были готовы видеть Албанию независимым государством, отделенным от Османской империи.

В октябре 1912 г. Сербия, Греция, Болгария и Черногория объявили войну Османской империи для возвращения исторических территорий, которые к тому моменту были населены этническими албанцами. В этих обстоятельствах Национальное собрание во Влёре

с представителями от всех албанских территорий провозгласило Албанию свободной и независимой.

На конференции в Лондоне во второй половине 1913 г. была впервые признана независимость албанского государства в современных границах. По мнению албанских идеологов, именно присоединение земель Косова и Западной Македонии, где албанское население составляло абсолютное большинство, к Сербии и сохранение провинции Камерия в составе Греции является корнем современного албанского вопроса⁶.

События Первой мировой войны временно “заморозили” косовский конфликт между албанцами и сербами. Однако уже к концу войны албанский вопрос вновь обостряется – существование независимого албанского государства было опять поставлено под вопрос.

В течение 1918–1920 гг. европейскими канцеляриями было разработано несколько проектов разделения Албании для восстановления общеевропейского баланса.

В том, что эти проекты не состоялись, и Албания стала членом Лиги Наций в декабре 1920 г., заслуга принадлежит Соединенным Штатам. Президент США Вудро Вильсоном в марте 1920 г. отклонил франко-британский план раскола Албании.

В этой связи интересны рассуждения Л.Дехийо о “хрупком балансе” в Европе.

Великобритания и США исторически и геополитически заинтересованы в существовании именно “распыленной” Европы и “всегда выступали на стороне тех европейских государств, которые становились или могли стать жертвами наиболее сильной континентальной державы – претендента на роль имперского объединителя”⁷.

Стремясь сохранить суверенитет и территориальную целостность Албании, националистические круги не забыли другую важную задачу – объединение всех территорий, населенных албанцами. Временное правительство Албании после Первой мировой войны декларировало в своей программе и в заявлениях на Парижской мирной конференции, что ставит своей задачей найти естественные границы Албании. Руководители националистического движения создали Комитет Национальной обороны Косова (1918 г.), основной целью которого провозглашалось – освобождение Косова и его объединение с Албанией.

Однако уже 7 апреля 1939 г. Албания утратила свою независимость.

Правительство, созданное в Тиране, предложило корону Албании итальянскому королю Виктору Эммануилу III. После вторжения германских и итальянских армий в Югославию (1941 г.) территории, населенные албанцами были распределены между Италией, Германией и Болгарией. В августе 1941 г. в соответствии с королевским декретом, подписанным итальянским регентом в Тиране Ф.Джакомони, албанские территории в итальянской оккупационной зоне в Черногории, Македонии и наибольшей части Косова были переданы оккупированной Албании.

После капитуляции Болгарии границы Албании были расширены до Скопье и оттуда вдоль линии Куманово-Прешево-Буяновац.

Именно тогда впервые был употреблен термин “Великая Албания”.

Особого внимания заслуживает тот факт, что “многие албанцы считали объединение при фашистском режиме меньшим злом по сравнению с владычеством сербов”⁸.

Вопрос об объединении Косова и других территорий с этническим албанским населением в границах “Большой Албании” активно обсуждался на всех уровнях в период Второй мировой войны.

Тем не менее, никакого решения союзными государствами на Ялтинской конференции и позднее принято не было, хотя югославское коммунистическое руководство в принципе было готово обсудить вопрос об объединении Косова и Албании.

После войны югославские и албанские коммунисты дебатировали разные варианты объединения территорий, населенных албанцами:

- включение Албании в югославскую федерацию в качестве седьмой республики;

- передачи Косово Албании в рамках Балканской федерации.

Разрыв югославо-албанских отношений (1948 г.) положил конец обсуждению проблемы объединения на официальном уровне, но не прекратил процесс эволюции албанского национализма. Косово осталось центром ирредентистского движения.

Уже в начале 60-х годов XX в. нелегальное движение за объединение приняло организованную форму. Аделе Демачи в 1961 г. основал “Революционное движение за объединение албанцев”, главной целью которого провозглашалось освобождение албанских провинций, “аннексированных” Югославией, и их объединение с Албанией. Либерализация югославского режима с конца 60-х годов XX в. способствовала усилению сепаратистских настроений.

Более того, официальный Белград косвенно способствовал его развитию. По Конституции 1974 г. Косово получил статус автономии с чрезвычайно широкими полномочиями. Именно этот шаг спровоцировал появление лозунга “Косово – республика” и сформировал уверенность албанского населения в том, что этого действительно можно добиться.

Подавление демонстраций в 1981 г., отмена широких полномочий Края в 1989–1990 гг., введение армейских подразделений для борьбы с Армией Освобождения Косово в 1998–1999 гг. уже не могли изменить ситуацию в регионе. Произошла передача карт Истории.

Демографический фактор кризиса

Любая, даже самая красивая идея требует обоснований, которые ищутся в истории, выдумываются, наконец. Но помимо этого нужна еще сила, способная и желающая эту идею реализовать. В данном случае ставка была сделана на силу демографии и воспитания. В отсутствие научно обоснованных аргументов, необходимых для подкрепления территориальных претензий, единственным способом реализации великоалбанской идеи стало освоение обозначенных территорий за счет их албанизации. Осуществлялось это различными способами:

- колонизацией (механическим притоком) и поселением албанцев на неалбанских территориях;
- насилием над христианским, коренным населением и его принудительной высылкой;
- албанизацией этнических групп исламского вероисповедания и т.п.;
- проведения стратегии интенсивной рождаемости, объявления так называемой “демографической войны”.

При отсутствии должной государственной стратегии все это неизбежно привело к появлению разрушительных демографических диспропорций. Широкие возможности для проведения албанизации и полной радикализации своей пропагандистской деятельности на территории Македонии албанцы получили после того, как ее часть была включена в упоминавшуюся “Великую Албанию” (“Шипнию”). Именно тогда начался массовый исход македонского населения с территорий Западной Македонии. Албанцы активно осваивали новое жизненное пространство, к тому же эти земли были несравнимо богаче и удобнее для возделывания, чем территория каменистой Албании.

Существенного восстановления демографического баланса в Македонии после окончания Второй мировой войны не произошло. Проведение в рамках Югославии политики “позитивной дискриминации”^{*} в аграрном секторе в пользу албанских крестьян оказало сильное влияние на положение македонских землевладельцев, что определило интенсивные миграционные потоки из села в город.

В послевоенный период происходит абсолютная депопуляция более чем 500 македонских сел в западной части Македонии, а в 562 поселках остается менее 100 жителей

македонской национальности.

Социо-экономические исследования демографических изменений в послевоенный период в Западной Македонии показывают, что с 1948 г. по 1971 г. численность населения сел, в которых проживало албанское население, увеличилось на 56%; в смешанных по своему этническому составу селах, численность албанского населения возросла на 50%.

В то время как демографический рост македонского населения в том же регионе снизился на 4%⁹.

Помимо сельских местностей нарушение демографических пропорций в пользу албанского населения наблюдалось и продолжает наблюдаться в городах западной и северо-западной части Македонии.

Резкое повышение присутствия на территории Македонии лиц мусульманского вероисповедания было в большой степени определено массовой миграцией мусульман из Косово, Санджака, Боснии и Герцеговины, в результате которых только в период с 1951 по 1956 гг. в Македонию официально переселилось около 20 тыс. чел.

В послевоенный период на территории Македонии поселилось более чем 50 тыс. иммигрантов из Албании, которым, в духе лозунга “братства и единства” югославское руководство предоставило гражданство СФРЮ¹⁰.

Высокие темпы рождаемости привели к интенсивной концентрации албанского мусульманского населения и к постепенной исламизации-албанизации и замкнутости западной и северо-западной частей Македонии, где албанцы стали преобладающим большинством.

Согласно переписи населения 1994 г. албанцы составляли четверть населения страны¹¹. По официальным данным на 2002 г. этнических албанцев из двух миллионного населения было 22,7%. Причем ислам исповедуют 30% населения¹². Кроме того, после распада СФРЮ в стране проживало по разным оценкам от 50 до 200 тыс. нелегальных албанцев¹³. Цифра эта постоянно менялась в зависимости от ситуации в самой Албании: потоки беженцев то увеличивались, то сокращались. При этом показательно, что албанцы предпочитают жить в столице – Скопье.

Албанский элемент в Македонии, будучи самым многочисленным и самым организованным, послужил основой для религиозной и этнической идентификации остального мусульманского неалбанского населения. Наложение религиозного фактора на этнический привело к албанизации не только значительной части мусульманского населения, но и к албанизации исламской религиозной общины в Македонии. Например, еще в социалистический период албанский язык вытеснил все остальные языки в исламских теологических училищах и мечетях.

При изучении албанского фактора на Балканах следует понимать специфическую иждивенческую сущность албанского этноса. Несмотря на наличие собственного государства, албанцы активно мигрировали в поисках лучшей доли, богатой земли. Получается, что “албанцев скорее занимает проблема собственного благосостояния, нежели территориальный вопрос”¹⁴. В то же время активная биологическая репродукция не способствует благосостоянию. Без соответствующих социальных вложений высокая рождаемость неизбежно обуславливает стиль проживания: занятие пространства, в котором есть лишь стены и крыша; архитектурно-урбанистическое страдание; межполовая дискриминация от рождения до смерти; стремление к эзотерическому; субстандартный вид образования и культуры в рамках этноса; идеологизированная, романтическая историография в функции расширения албанцев в географической и политической сфере; склонность к беззаконию, теневой экономике, криминалу; сильная тенденция к эмиграции¹⁵.

Активное воспроизводство формирует почву для устойчивого недовольства тем как живут другие, определяет иждивенческую позицию: “так как мы живем плохо, нам должны помогать”. Известно, что любая ставка естественного роста населения, которая выше 2%, является угрозой по отношению к будущему развитию. Западная Македония дает пример

высокого естественного прироста населения, что ставит этот регион в один ряд с мусульманскими странами, в которых совокупный процент рождаемости выше четырех. В Македонии среднестатистическая рождаемость албанской женщины – более трех детей. Слабая экономика Македонии не в состоянии выдержать такой демографический удар. Чрезвычайно сложная экономическая ситуация в стране, валовой национальный продукт которой составляет всего 10 млрд. долл., а уровень безработицы – 35% при индексе человеческого развития в 0,766, лишь провоцирует социальную и этнополитическую конфликтность.

Промежуточные выводы

Итак, набор вышеперечисленных факторов обнажает всю глубину и сложную природу этнополитического конфликта в Македонии.

Политика демографической экспансии, используемая албанской стороной в качестве инструмента легализации территориальных претензий, имеет далеко идущие последствия не только для суверенитета и неделимости македонского государства.

В Косово и Македонии произошла легализация демографической экспансии как оружия для изменения государственных границ. Ее схема простая, но действенная. Сначала накапливается критическая этническая масса, затем создаются нелегальные вооруженные формирования, поднимается вопрос о расширении политических прав национальных меньшинств, возникает открытый конфликт с применением силы. Именно на этом этапе конфликта активизируются посреднические структуры, которые реализуют уже имеющиеся модели урегулирования кризиса и окончательно закрепляют свое влияние в регионе.

Примечания

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и урегулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 222, 223.

² Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism / The State Nation. Ernest Gellner and the Theory of the Nationalism. Hall John A. ed. Cambridge, 1998. P. 272–306; Наумович С. “Балканские мясники”: мифы и заблуждения о распаде Югославии / Сербия о себе. Сб. под ред. М. Йовановича. М.: “Европа”, 2005. С. 79–112.

³ Пономарева Е. Вспышка миротворчества // Политический журнал. 2004. № 11 (14). С. 38–40.

⁴ Закон за локална самоуправа на Република Македонија од 1995 // Службени Весник на Република Македонија. Скопје, 1995.

⁵ Платформа за решавање на албанското национално прашање. Академија на науките на Албанија. Тирана, 1998.

⁶ Miljo P. Albanian Question within the Current Context of the Balkan Crisis. Skopje, 1994.

⁷ Фурсов А. Европейская система государств, англосаксы и Россия. Предисловие // Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005. С. 33.

⁸ Милё П. “Великая Албания”..., С. 139.

⁹ Ачкоска В. Идејата за “Голема Албанија” и албанизацијата на Западниот дел на Република Македонија // Вест. 07.05.2001. № 248.

¹⁰ Студија за регионален развој на Република Македонија / Фонд за развој на недоволно развиени општини. Скопје, 1992. С. 46.

¹¹ Judah T. Greater Albania? // Survival. L., 2001. Vol. 43. №. 2.

¹² www.drs.hr/statinfo/htm_vecernyi_list

¹³ www.cia.gov/cia/publications/factbook

¹⁴ Judah T. Greater Albania? // Survival. L., 2001. Vol. 4. Е. Пономарева, кандидат политических наук. Е. Пономарева, кандидат политических наук. № 2. Р. 8.

¹⁵ Димитров Д. Албанский антропогенез и его влияние на политическую ситуацию на Балканах // Албанский фактор на Балканах. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 106.

* Ссылаясь на архивные документы и статистические данные, В. Ачкоска утверждает, что ограничения в скотоводстве, обязательный выкуп продовольственных продуктов и коллективизация проводилась в основном по отношению к македонским хозяйствам и лишь частично затрагивала албанских земледельцев, проживающих на территории Македонии. (Ачкоска В. Идејата за “Голема Албанија” и албанизацијата на Западниот дел на Република Македонија // Вест. 07.05.2001. № 248.).

МОДЕЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКЕ

Т.Петрова,

кандидат физико-математических наук
(Волгоградский государственный педагогический университет)

Изменения, происходящие в обществе, широкая информатизация всех сфер образования обусловили возникновение новых видов профессиональной деятельности педагога, которые, в свою очередь, определяют трансформацию форм обучения и появление дистанционного обучения. Анализ профессиограммы современного преподавателя информатики показал, что он должен быть готов к реализации дистанционного обучения, как своего предмета, так и других, а также к оказанию методической помощи специалистам других предметных областей. Все это определило необходимость трансформации процесса подготовки педагога к реализации дистанционного обучения информатике.

Педагогическое обеспечение подготовки учителя к реализации дистанционного обучения информатике выдвигает требование объединения в учебном процессе его трех составляющих:

- овладение необходимыми психологическими знаниями;
- интерализация профессиональных ценностей, а также приобретение и развитие профессионально важных качеств;
- формирование профессиональных навыков и поведенческих образцов.

Выстраивая систему подготовки к реализации дистанционного обучения информатике, необходимо исходить из предположения о том, что такая подготовка будет эффективной в том случае, если ее основные черты будут максимально соответствовать выявленным принципам и требованиям; что в процессе подготовки можно найти разрешение основного противоречия, понимаемого как противопоставление собственно реальной профессиональной деятельности и процесса овладения этой деятельностью.

В связи с этим готовность к реализации дистанционного обучения информатике представляет собой осознанную направленность педагога на педагогическую профессию в области дистанционного обучения, мировоззренческую зрелость, установки на постоянное профессиональное и личностное совершенствование, самореализацию и самовоспитание, нацеленность на прогностичность и динамичность в разработке авторской технологии дистанционного обучения.

Разработанная модель подготовки будущего учителя к реализации дистанционного обучения информатике включает следующие этапы: общеподготовительный, профессионально-ориентирующий и профессионально-специализирующий.

Целью общеподготовительного этапа является овладение психолого-педагогическими знаниями и знаниями информатических дисциплин, получение опыта участия в обучении по различным технологиям дистанционного обучения; профессионально-ориентирующего – формирование готовности будущего педагога к реализации дистанционного обучения информатике; профессионально-специализирующего – формирование методического опыта реализации дистанционного обучения информатике.

На общеподготовительном этапе в соответствии с учебным планом начинается изучение дисциплин психолого-педагогического цикла. Приоритетное место в содержании занимает психология, которая в учебном плане вуза присутствует в большинстве случаев в виде набора курсов: общая психология, социальная психология, возрастная психология, педагогическая психология и т.д. Содержание психологической подготовки предлагается организовывать в такие блоки, как “Введение в психологию человека”, “Профессиональные основы консультирования” и дополнить курсами по выбору, позволяющими усовершенствовать важные в профессиональном отношении аспекты подготовки к консультированию в учебном процессе.

На этом этапе также осваивается дидактика, которая обеспечивает получение системы знаний по теории обучения. Освоение курса завершается разработкой и защитой проекта с использованием потенциала информационных технологий.

Информационная деятельность формируется в рамках учебных курсов “Математика и информатика” и “Информационно-коммуникационные технологии”.

Дополнительно в содержание включается курс по выбору “Введение в дистанционное обучение”, предполагающий освоение таких тем, как “Основы дистанционного обучения”, “Технологии дистанционного обучения”, “Методическая система дистанционного обучения”.

На профессионально-ориентирующем этапе продолжается освоение дисциплин психолого-педагогического цикла, приоритетными становятся знания о возможностях и особенностях специфики работы с клиентами. Дополнительно в содержание психолого-педагогических дисциплин включаются дидактические модули по теории и методике консультирования; курс “Профессиональные основы консультирования”.

Также предлагаются такие дистанционные учебные курсы по освоению дисциплин информатического цикла, как “Интернет-образование”, “Интернет-ресурсы на уроках и во внеурочной работе”, “Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе”, “Информационные технологии в работе педагога”, “Информационная деятельность педагога”, “Информационно-коммуникационные технологии в моей жизни” и др.

В качестве основного средства организации взаимодействия при освоении их содержания используется электронная почта.

Студент, выбравший дистанционный курс, получает в виде пакета информационный модуль, после этого по электронной почте проводится консультация по организации учебной работы, в ходе которой выстраивается график освоения курса и определяется логика его изучения; завершается освоение курса очной зачетной работой.

Другой вариант организации дистанционного курса – размещение информационного образовательного ресурса на сервере кафедры. Работа при реализации этого пути предполагает разумное сочетание очной и дистанционной форм обучения.

Для реализации сочетания очной и дистанционной форм используются тьюториалы, такие формы организации учебного процесса, при которых интегрируются характеристики урока, консультации, проектного занятия и деловой игры.

В ходе установочного тьюториала под руководством преподавателя создается индивидуальная траектория освоения данного курса, далее студент самостоятельно работает по этому графику с теоретическим и практическим материалами, консультации проводятся преподавателем перед контролем.

Перед итоговой отчетностью за курс проводится итоговый тьюториал, в рамках которого через тренинги определяются и устраняются проблемы, возникшие у обучаемых и систематизируется материал по освоенному содержанию. После этого проводятся зачет или экзамен.

На данном этапе также предлагаются следующие курсы по выбору: “Основы дистанционного обучения”, “Введение в дистанционное образование”, “Модели дистанционного обучения”, “Технологии дистанционного обучения”.

В программу курса “Основы дистанционного обучения” входят такие разделы, как:

- “Основные понятия” (рассматриваются различные определения “дистанционного обучения”, его особенности, системы дистанционного обучения, история развития);
- “Программное обеспечение” (рассматриваются типы обучающих компьютерных программ и требования, предъявляемые к ним, инструментальные среды для создания дистанционных учебных курсов);
- “Методическое обеспечение” (демонстрируются примеры нестандартных дидактических приемов оформления учебного материала, проведения занятий в условиях дистанционного обучения);
- “Организационное обеспечение” (демонстрируются приемы организации дистанционного обучения в вузах России и на Западе, рассказывает о целях и задачах различных ассоциаций по дистанционному обучению, даются полезные ссылки в Интернет).

Заканчивается изучение курса работой, в которой описывается спроектированный дистанционный курс, методические приемы обучения, особенности использования Интернет, сценарий обучающей программы.

В рамках курса “Введение в дистанционное образование” изучаются следующие разделы:

- “Дистанционное обучение: сущность феномена”;
- “Характеристика дистанционного обучения”;
- “Дистанционное образование: сущность феномена”;
- “Принципы дистанционного образования (за рубежом)”;
- “Зарубежные концепции дистанционного образования”;
- “Развитие дистанционного образования в России”;
- “Образовательные учреждения дистанционного образования в России”.

Основное содержание этих разделов представляется через теоретические блоки и блоки упражнений.

Курс “Модели дистанционного обучения” включает такие занятия, как: “Модели в педагогике и методике обучения”; “Модели дистанционного образования”; “Участники процесса дистанционного обучения”; “Дистанционные курсы как элемент дистанционного образования”; “Модели дистанционных курсов”. В рамках этого курса увеличивается доля самостоятельной работы студентов, поэтому кроме блоков упражнений к каждому занятию предлагаются упражнения для самостоятельной работы.

Профессионально-специализирующий этап дает возможность посредством блока курсов по выбору приобрести навыки реализации ситуаций консультирования в дистанционном обучении информатике.

На данном этапе в качестве дистанционных учебных курсов предлагаются курсы по содержанию, наполненные проблемами консультирования в дистанционном обучении. Они демонстрируют средства данного консультирования через дистанционное обучение.

В состав курсов по выбору входят курсы “Социально-психологические аспекты работы с клиентами в дистанционном обучении”, “Консультирование в дистанционном обучении”, “Методическая система дистанционного обучения”, “Организация консультирования для дистанционного курса”, “Выбор стратегии консультирования при дистанционном обучении”.

Например, курс “Методическая система дистанционного обучения” включает в себя следующие темы:

- “Общая характеристика системы дистанционного обучения”;
- “Телекоммуникации в дистанционном обучении”;
- “Методическая система обучения: сущность, структура”;
- “Методическая система дистанционного обучения”;
- “Цели дистанционного обучения”;
- “Содержание дистанционного обучения”;

- “Методы дистанционного обучения”;
- “Средства дистанционного обучения”;
- “Формы дистанционного обучения”;
- “Субъекты дистанционного обучения: обучающий и обучаемый”;
- “Подсистемы системы дистанционного обучения”.

На этом этапе обучаемый получает (ограниченный их опытом и под контролем преподавателя) доступ к настоящему “живому” консультированию в условиях дистанционного обучения не только в условиях учебной аудитории, но и в образовательных учреждениях, центрах дистанционного обучения.

На практике студенты выполняют следующие задания:

- разработать содержание дистанционного дидактического курса по одной из содержательных линий информатики;
- определить логику освоения этого курса обучаемыми;
- сконструировать рекламу для этого курса;
- создать технолого-методическое обеспечение для разработанного курса.

На заключительной конференции по педагогической практике презентуются результаты выполнения заданий.

Таким образом, содержание традиционной профессиональной подготовки будущего учителя информатики дополняется курсами по выбору, обеспечивающими формирование готовности будущего учителя к реализации ситуаций консультирования в дистанционном обучении информатике.

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы показал, что на I этапе целесообразно использовать такие средства, как учебные проекты, тренинги, учебно-профессиональные ситуации, на II – учебные проекты, дистанционные учебные курсы, учебно-профессиональные ситуации, на III – учебно-профессиональные ситуации, учебные проекты, деловые игры, дистанционные учебные курсы.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

Интенсивная методика

Е.Максимова

Экономическая, политическая и общественная жизнь в России вовлекает в своё русло всё большее и большее количество участников, поэтому знание английского языка становится одним из неперемennых условий сотрудничества между российскими и иностранными коллегами и партнёрами. Масштабы экономических, политических и общественных связей, конечно, ни в какой мере не могут быть сравнимы с отношениями, существовавшими в прошлом веке. Огромное количество специалистов постоянно находятся в контакте со своими коллегами, партнёрами как за рубежом, так и на территории страны. Общение, обсуждение, проведение различных мероприятий, дискуссий по важным вопросам политики, общественной жизни, предпринимательской деятельности сегодня уже не могут достаточно эффективно проводиться только с участием профессиональных переводчиков. Всё большее значение приобретают личные контакты, которые возможны только в том случае, если обе стороны ведут переговоры на одном или на обоих языках. С этой точки зрения знание иностранного языка, а именно, английского языка, является одним из очень важных элементов, одним из очень важных условий налаживания эффективных контактов с партнёрами по бизнесу, с коллегами по общественной деятельности, с политиками и другими людьми, которые общаются с представителями российских кругов в разных сферах деятельности.

Эта проблема не решается на основе традиционной школьной или вузовской подготовки. Конечно, в данном случае не имеется ввиду подготовка, полученная в так называемых специальных школах с углублённым изучением языка, или в высших учебных заведениях, где знания иностранного языка являются одной из составляющих квалификационной характеристики. Именно поэтому очень большое значение приобретает разработка методов обучения английскому языку, построенных на интенсификации этого процесса. Естественно, существуют многообразные методики, в том числе и воздействующие на обучаемых на подсознательном уровне. Но практика показывает, что большинство этих методик не является достаточно эффективными, потому что знание иностранного языка как языка вообще является фактором приобретённым. И для его освоения требуется достаточно продолжительное время и сознательное отношение к изучаемому предмету.

В некоторых высших учебных заведениях, в том числе и в МГИМО, накоплен богатый опыт по обучению людей даже в возрасте от 30 до 50 лет, у которых был достаточно большой перерыв в изучении английского языка, либо основным языком, который они изучали в школе или институте, не был английским. Использование этих методик помогает в относительно короткие сроки за два-три года добиться эффективных результатов и приводит к тому, что лица, обучавшиеся по этим методикам, могут достаточно свободно вести как деловые переговоры, так и участвовать в общеполитических дискуссиях, обмениваться мнениями в процессе проведения общественных или культурных мероприятий и т.д.

Знание одного из европейских языков помогает овладеть английским языком значительно быстрее. Английский язык на 30% состоит из заимствований. Знание интернациональной лексики также облегчает процесс самостоятельной работы над лексикой.

Учитывая многообразие методов и приёмов, используемых различными методиками при обучении иностранному языку, нужно отметить, что интенсивная методика вобрала в себя наиболее эффективные, объединив их лучшие стороны.

Основной целью интенсивного курса обучения английскому языку является формирование и развитие навыков речевой деятельности на английском языке, умения вести беседу-диалог общего характера. Должное внимание отводится формированию у обучаемых навыков чтения и понимания английского текста в подлиннике на базе общеупотребительной лексики, умения быстро извлекать необходимую информацию.

Образовательная задача заключается в прочном усвоении необходимых выразительных средств английского языка, его грамматического строя, лексических и фонетических средств выражения мысли.

Чтение и изучение литературы на английском языке даёт представление о духовных и нравственных ценностях страны изучаемого языка, способствует уважительному отношению к истории и культуре народа.

Знание необходимого минимума грамматических правил считается неотъемлемой частью освоения языка. Заучивание “заготовок”, которыми пестрят многие самоучители, может помочь только тогда, когда нужно выдать необходимую информацию в условиях или ситуациях, спрогнозированных заранее.

Так, решив отправиться в путешествие за рубеж и забронировав номер в гостинице через Интернет, вы приезжаете в выбранную гостиницу и сообщаете администратору своё имя и факт бронирования номера. Эти фразы заранее заучены наизусть.

Но что в ответ говорит вам администратор – носитель языка той страны, куда вы приехали, вам уже не понять без знаний определённого запаса лексики и грамматических правил.

Скорее всего, вас заверяют в том, что рады вас видеть и желают приятного отдыха.

Но вполне может оказаться и так, что работники гостиницы очень сожалеют о том, что не могут предоставить вам номер, так как ваш заказ на резервирование был по каким-то причинам аннулирован.

Английский язык, уже давно завоевав титул международного языка, становится неотъемлемой частью не только проведения переговоров на высшем уровне, но и необходимым средством общения в повседневной жизни.

Трудно представить себе хороший ресторан, гостиницу или магазин, служащие которых не смогут проявить достаточно внимания по отношению к своему клиенту, не воспользовавшись английским языком как универсальным инструментом общения между людьми, говорящими на разных языках.

Жизнь, время диктуют свой темп и свои правила. В наш скоростной век нужно успевать решать одновременно несколько задач и решать их качественно и продуктивно. Столкнувшись с проблемой непосредственного общения в бытовой сфере: на улице, в магазине, в кафе и т.д., отказавшись от услуг переводчиков ради налаживания личных контактов с деловыми партнёрами за рубежом, всё больше и больше людей ищут возможность за короткий срок овладеть необходимым минимумом выразительных средств английского языка, чтобы применить полученные знания на практике.

Принимая во внимание такие требования, интенсивная методика опирается на то, что обучение английскому языку нужно строить так, чтобы обучаемые видели конкретную необходимость владения языком, практическую пользу от полученных знаний и имели мотивацию к его изучению.

При выборе приёмов интенсивной методики учитывается возраст, способности, интересы и психологические особенности обучаемых.

Чтобы научиться владеть любым иностранным языком практически, то есть общаться, читать и переводить произведения на языке, понимать иностранную речь, а также говорить, необходимо не только запомнить определённое количество слов, но и усвоить необходимый минимум грамматических правил и уметь ими пользоваться.

Без грамматики речь становится неуправляемой, а набор выученных фраз способен поддержать беседу только в ограниченном ряде случаев. Для поддержания разговора необходимо уметь грамотно выражать свои мысли и понимать собеседника. Интенсивная методика предусматривает обучение грамотному выражению своих мыслей с опорой на тот багаж лексических единиц и грамматических правил, который получен на конкретном этапе обучения. Необходимый минимум грамматической базы распределяется на несколько модулей по принципу “от простого к сложному”, и за первый год обучения вся базовая грамматика английского языка должна быть освоена. Вместе с изучением грамматики постепенно расширяется и словарный запас.

Одним из главных условий преподавания грамматических норм является вариативность видов деятельности на занятиях. Накопленный опыт позволяет систематизировать интересные упражнения и методические приёмы. Материалы для работы отбираются с учётом принципа доступности, отвечающие требованиям каждого отдельного вида работы и могущие вызвать интерес у обучаемых.

Предлагая тексты для чтения, преподаватель формирует навыки просмотрового чтения, которые будут необходимы при чтении газет, договоров, контрактов, иных деловых бумаг, работая с которыми, люди получают при первом прочтении общую идею, решая, таким образом, насколько важна или нужна полученная информация. Навыку зрительно ориентироваться в тексте, выделить главную и второстепенную информацию, быстро найти ответ на интересующий вопрос уделяется в интенсивной методике особое внимание. Умение зрительно правильно понять то или иное выражение, фиксирование зрительного образа некоторых трудных конструкций или форм не могут не облегчить непосредственное понимание и устной речи. Соответствующий набор упражнений способствует выработке определённой сообразительности, заключающейся в умении догадаться о значении незнакомых слов или словосочетаний на основе контекста.

Успех зависит и от мотивации обучаемых, и от того, насколько правильно работает с ними преподаватель. Необходимым условием успешного обучения иностранному языку по интенсивной методике является коллективная работа в положительной эмоциональной тональности, когда все участники чувствуют себя комфортно и находятся в атмосфере взаимопонимания и активного взаимодействия. Преподаватель следит за тем, чтобы освоению языка сопутствовали положительные эмоции. Выбор тем для обсуждения, близких по проблематике, включение видеоматериала, газетных статей, музыкального материала – всё направлено на повышение интереса к изучаемому языку. С другой стороны, комбинирование интеллектуальной и эмоциональной деятельности обеспечивает максимально эффективное запоминание. Уже на втором-третьем занятии слушатели общаются на изучаемом языке, используя грамматические правила и речевые клише, усвоенные на предыдущем занятии.

Ролевые игры также являются отличительной чертой интенсивной методики обучения иностранному языку. Проигрывая различные ситуации, от социально-бытовых до проблемных на занятиях, слушатели как бы репетируют собственное речевое поведение, реакцию перед схожей ситуацией в реальной жизни с использованием иностранного языка. Боязнь сделать ошибку иногда приводит к отказу от общения на английском языке. И ролевые игры помогают преодолеть барьер замкнутости, смущения, неуверенности в своих знаниях.

Таким образом, учебное общение сохраняет все социально-психологические процессы общения за рамками учебных занятий.

Работа преподавателя по интенсивной методике является по существу творческим процессом на высоком профессиональном уровне. Основная задача преподавателя – вести

занятия инициативно, темпераментно, заинтересованно, сочетая при этом разнообразные формы ведения учебного процесса.

Работа с аудиоматериалом, способствующая формированию навыка восприятия информации на слух – неперемное условие обучения английскому языку по интенсивной методике. Слушателям предлагаются и сюжетные мини-диалоги, наиболее часто используемые в бытовых ситуациях, и отдельные предложения, содержащие верную или ложную информацию о предварительно прочитанном тексте, и небольшие рассказы.

Слуховое восприятие должно опережать зрительное. Это доказано трудами многих известных методистов, лингвистов, психологов, многолетним опытом преподавания иностранных языков, в частности, английского языка по интенсивной методике. И это связано с требованием жизненных реалий.

Вряд ли руководителю компании, банкиру при проведении переговоров, дискуссий со своими партнёрами потребуется записывать высказанное или услышанное.

Гуляя по улицам зарубежных столиц и интересуясь у прохожих, как найти ту или иную достопримечательность, прежде всего воспринимают информацию на слух. И сформированный навык такого восприятия потребуется в первую очередь.

Предложив выполнение упражнения по образцу, преподаватель вскоре меняет вид работы, переходя от прослушивания аудиоматериала к обсуждению содержания прослушанного. От модуля к модулю характер обсуждения меняется. На начальном этапе работа проходит в вопросо-ответной форме, затем постепенно переходит в анализирование предложенной проблемы или прослушанного текста, и высказывание собственного мнения или предложение альтернативного решения проблемы, в зависимости от того, на какой ступени или в каком модуле освоения грамматических и лексических норм находятся обучаемые.

Для большинства людей характерными являются зрительный и двигательный тип памяти, в то время как доминирующая роль слуховых ощущений при общении требует развития слуховой памяти.

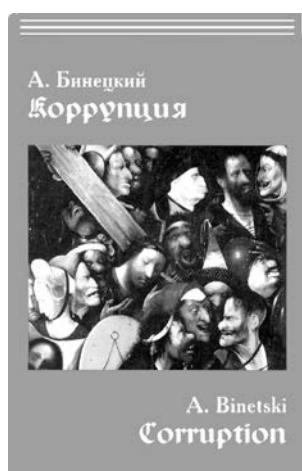
Принимая во внимание значение слухового запоминания, преподаватель стремится развивать её, начиная с общей установки запомнить главное, при этом задача варьируется, принимая во внимание объём материала, степень его трудности и те цели, которые преследуются на данном этапе обучения. Для этого подавляющее количество упражнений на запоминание строится так, чтобы наибольшая нагрузка приходилась на слуховую память. И такие упражнения используются систематически.

На заключительном этапе курса слушателям предлагаются записи деловых переговоров, выступлений известных политиков, сюжетные истории. Слушатели, овладев необходимым минимумом грамматических правил и лексики, сосредотачивают своё внимание на содержании прослушанных аудиозаписей, на сути переговоров, на проблемах, затронутых в выступлениях политических деятелей, чтобы затем высказать своё отношение к поднятым вопросам.

Разумеется, ошибки совершаются и на заключительном этапе, но главная задача интенсивной методики достигнута – овладев необходимыми умениями и навыками речевой деятельности, умениями и навыками чтения и понимания английского текста, слушатели применяют эти навыки на практике, путешествуя по разным странам и общаясь с носителями языка страны пребывания, пользуясь английским языком как международным, самостоятельно решая вопросы на деловых встречах, общаясь с коллегами на конференциях, налаживая контакты с партнёрами по бизнесу, не прибегая при этом к услугам переводчиков.

Учитывая всё вышеизложенное можно сделать вывод о неперменных преимуществах изучения языка по интенсивной методике. Данная методика помогает быстро освоить необходимый минимум необходимых средств речевой деятельности, что даёт возможность шире раскрывать горизонты общения людей в разных сферах общественной деятельности,

способствует более глубокому познанию культуры, укреплению деловых, экономических, политических и общественных связей.

МЕТАСТАЗЫ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.Ли,

Заслуженный деятель науки РФ,
профессор

В последние годы на книжных полках появилось немало публикаций, посвященных одному из самых разрушительных явлений современного общества – массовой коррупции. Объемистый труд А.Э.Бинецкого заметно выделяется в этом ряду.

Автор книги – Председатель президиума Московской коллегии адвокатов, член Международной ассоциации адвокатов создал труд, который раскрывает фундаментальные корни опаснейшей коррупционной болезни. На основе основательной аргументации автор пытается одновременно определить оптимальные пути ограничения этого деструктивного явления.

Солидная теоретическая база и богатая юридическая практика позволили А.Бинецкому написать оригинальную книгу, которая, в свою очередь, рождает новые идеи.

В работе последовательно освещаются такие животрепещущие проблемы, как противозаконное сращивание власти и бизнеса, коррупция и гражданское общество, коррупционная деформация правоохранительных структур, коррупция на этнонациональной основе, влияние коррупции на рост преступности и терроризма.

Коррупция, как верно подмечено в книге, – явление историческое, то есть существовало ранее при всех политических системах и формациях. Но никогда в прошлом эта социальная болезнь не поражала общество так глубоко и основательно, как в эпоху глобализации.

Современная коррупция – это невидимая паутина всемирных транснациональных взаимосвязей, во многом неподвластная самым активным усилиям национальных государств и международных организаций.

Как социальный феномен коррупция появляется еще на заре зарождения первых государственных образований и властных структур.

Усложнение функций государственно-административного управления ведет к появлению профессиональной касты чиновничества и бюрократии, оторванной и изолированной от народа.

Всесилие чиновнической касты перерастает в произвол, в ни чем не сопоставимое всеохватывающее мздоимство, которое становится одним из основных источников обогащения государственной бюрократии.

О современных масштабах коррупции только в России свидетельствуют следующие данные социологических исследований, приведенные в рецензируемой книге.

Общая сумма взяток, получаемых чиновниками различного уровня, достигает 33,5 млрд. долл. в год (с. 10), что соответствует бюджету целой отрасли национальной экономики.

Всеразъедающие метастазы коррупции в современной России развиваются не только вширь, но и вглубь.

Со ссылкой на источники в отечественных СМИ А.Бинецкий не без горечи пишет, что депутаты Госдумы РФ за различные лоббистские услуги берут обычно до 3 тыс. долл., а за лоббистское проталкивание законопроекта приходится платить до 1 млн. долл. (с. 27). Вопреки различного рода мифам о некой “стимулирующей” роли эпидемии коррупции автор заключает, что “коррупция усугубляет положение бедных, мешает социальному и экономическому развитию, разлагает систему государственных услуг населению, подрывает демократию...”. (с. 30–31).

Существуют ли какие-либо реальные рычаги, если не полного устранения, то хотя бы существенного ограждения общества от тяжелейших последствий коррупционной болезни?

Отвечая на этот непростой вопрос, А.Бинецкий пишет, что обращение лишь к сугубо карательным мерам не приводит к заметному свертыванию взяточничества и казнокрадства.

Такого рода меры необходимо тесно сочетать с широким комплексом институциональных акций превентивного характера. В их числе: упрощение бюрократических операций, максимальная прозрачность в исполнении административных процедур, широкий общественный контроль, универсальный характер антикоррупционных акций, участие в борьбе с коррупцией широких слоев общественности, совершенствование нормативно-правовой базы, наконец, эффективные инвестиции в антикоррупционную политику общества и государства.

К числу основных принципов институциональной профилактики коррупционной социальной болезни автор книги относит:

- непрерывное устранение путей и каналов злоупотребления бюрократическим персоналом своими должностными прерогативами;
- неформальная и постоянная проверка источников доходов государственных чиновников;
- обеспечение стабильности и материальной независимости административно-управленческих кадров;
- неукоснительное порицание и придание анафеме коррупционного поведения;
- тесное международное взаимодействие в проведении антикоррупционной стратегии политики (с. 259).

Раскрывая мировой опыт антикоррупционной политики, А.Бинецкий напоминает о том, что еще в 1996 г. ООН одобрила весьма содержательную Программу действий по борьбе с коррупцией.

В порядке практической реализации данной программы была принята Уголовно-правовая конвенция о коррупции и Гражданско-правовая конвенция о коррупции. В этих документах дано достаточно четкое международно-правовое определение коррупционного действия, что создало серьезную межгосударственную правовую базу антикоррупционного взаимодействия на трансграничной основе.

Автор книги аргументированно отмечает, что реальные социальные результаты антикоррупционного курса во многом предопределяются сущностью политического режима.

При тоталитарной власти преобладает гипертрофированный страх за возможные отклонения от установленных норм, поскольку действует сверхжесткий контроль за поведением должностных лиц. Но эта линия нередко ведет к ограничению и нарушению прав человека.

При авторитарном правлении государственный чиновник вместе со служебной должностью обретает правовой иммунитет со всеми негативными последствиями,

вытекающими из этого статуса.

При подобной модели закладываются “процессы деградации власти и ее последовательного коррумпирования” (с. 257), что не может не отталкивать демократические и прогрессивные силы. При олигархической модели в административно-управленческой структуре преобладает принцип “свой-чужой”. Власть всеми способами защищает “своих” и так же настойчиво собирает компромат на “чужих”. “Борьба с коррупцией в этих условиях становится орудием борьбы за власть”, – заключает автор (с. 25).

Наконец, при либеральной модели, которая преобладает в периоды крупных социальных потрясений и стихийной смены власти, резко усиливаются элементы анархии, произвола, вседозволенности.

И лишь модель правового демократического государства с развитым гражданским обществом обеспечивает оптимальные предпосылки для преодоления или ограничения тяжелых коррупционных действий.

С несомненным интересом читаются те страницы книги, в которых в лаконичной форме раскрывается уникальный опыт противодействия коррупции в США, Китае, Латвии, ряде западноевропейских государств.

В США все антикоррупционные структуры (государственные и неправительственные, независимые) обеспечены в достатке финансовыми ресурсами на принципах самокупаемости, укомплектованы первоклассными профессионалами.

Чиновникам, включая сотрудников силовых структур, замешанных во взятках, полностью закрывается путь дальнейшего карьерного роста. Как правило, их навсегда увольняют с государственной службы.

В Китае вскоре после установления власти КПК была провозглашена широкая общенациональная кампания “Три анти”: антикоррупция, антибюрократизм, антирасточительство.

По всей стране проходили специальные антикоррупционные народные суды, которые наделены правом строжайших наказаний вплоть до смертной казни.

Особое внимание уделяется выявлению и наказанию кадровых работников, вовлеченных в коррупционную паутину. В стране законодательно ограничено участие в коммерческой деятельности родственников должностных лиц (жен, сыновей, родителей и т.п.).

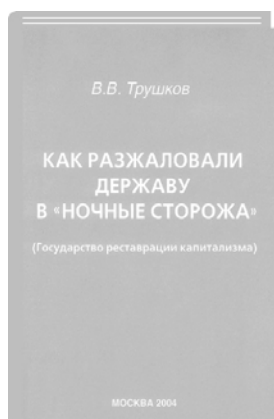
Работа А.Э.Бинецкого “Коррупция” – хороший подарок не только тем, кто интересуется вопросами становления российской государственности, но и самым широким кругам читателей в России и за рубежом.

Обращает на себя внимание оригинальное художественное оформление книги: выразительные репродукции картин Альбрехта Дюрера, Иеронима Босха, Питера Брейгеля, мифологические сюжеты фольклора разных народов органически дополняют и обогащают содержательный научный труд, который вполне заслуживает нового переиздания на иностранных языках – английском и китайском.

А.Бинецкий.

Коррупция. (A.Binetski. Corruption).

М.: Издательство “Известия” Управления делами Президента РФ.
2005. 343 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ГЛАВНЫМ

А.Дробан,
доктор философских наук, профессор

Научное творчество профессора В.В. Трушкова – заметное явление нашей общественно-политической жизни. В целом ряде трудов, в том числе в рецензируемой книге “Как разжаловали державу в “ночные сторожа”. (Государство реставрации капитализма)”, автор настойчиво ищет ответа на коренные вопросы исторического бытия нашего Отечества – СССР, России. Талантливо применяемая методология диалектического материализма, глубокое знание действительности, смелые выводы и обобщения позволяют Трушкову подойти к объективной истине в самых главных, наиболее волнующих трудящихся проблемах общественного развития советского и послесоветского периода.

Российская наука не может похвастать обилием серьезных исследований проблематики государства 1917–2005 гг.

В скорее публицистических выступлениях авторов самого разного спектра преобладают, с одной стороны, ностальгические вздохи по прошлому без необходимого диалектического, то есть критического, анализа великого и бесценного опыта нашего общества, а с другой – безудержная критика выступает не в виде убедительного разбора действительных противоречий, а как поверхностное шельмование, а то и просто клевета.

В этих условиях теоретическая часть исследования Трушкова приобретает особое значение.

Автор рассматривает обе ипостаси российского государства – великую советскую державу и хилое государство реставрации капитализма. Он сосредоточивает внимание на этом последнем, что можно считать обоснованным выбором. Вместе с тем, обращение к принципиальным моментам предшествующего развития обязательно для понимания современной ситуации.

Трушков, в отличие от многих писателей левого лагеря, не уклоняется от тяжелых воспоминаний, от неприятных констатаций. Он сразу ставит острый вопрос о причинах и факторах отступления социализма и реставрации капитализма в нашей стране. Полемизируя с различными объяснениями этих процессов в литературе и массовом сознании, автор приходит к единственно правильному выводу: важнейшее (хотя и не исключительное) значение в колеблющемся, кризисном, а затем и откровенно попятном развитии советского общества от достигнутых рубежей социального прогресса имели внутренние противоречия реального социалистического строительства в нашей стране (с. 10). Точнее говоря, отсутствие их своевременного раскрытия, научной формулировки, практического разрешения в прогрессивном направлении.

Здесь и встает проблема: что же помешало решению этих задач?

Автор правильно подчеркивает, что в антисоциалистической кампании реакции главное место занимает клевета на советское прошлое. Поэтому необходимо дать убедительные и, если надо, критические ответы по поводу практики Советского

государства, Коммунистической партии. Трушков пишет: “Против этого потока клеветы, подлогов и полуправды можно уберечь умы и души искренних соотечественников только тем, что коммунисты сами по-ленински точно и взвешенно скажут об истинных противоречиях, проблемах, промахах и опрометчивых решениях той поры, когда Компартия была в нашей стране правящей” (там же).

Естественно, исследуя, откуда взялась сама возможность деформации государства в нынешнюю пору капиталистической реставрации, автор углубляется в фундаментальную сферу экономики. Он изучает богатый и убедительный статистический материал. Сравнительный анализ экономических данных подводит к выводу: “Экономическими предпосылками становления государства капиталистической реставрации явились наиболее острые противоречия реальной советской экономики, которые в период горбачевской перестройки разрешались по-буржуазному в соответствии с политической линией на практическую конвергенцию социализма и капитализма в СССР рубежа 80–90-х годов” (с. 24).

На первое место среди этих предпосылок (они же – факторы скрытой капитализации) Трушков ставит теневую экономику, разросшуюся внутри советского общества.

Каково происхождение и сила этого явления?

Ответ исследователя ясный и недвусмысленный. “Появление теневой экономики в обществе строящегося социализма связано, вероятно, с “забеганием” в темпах юридического обобществления производства. А такое “забегание” было налицо. Об этом свидетельствует даже официальная статистика”, – отмечает автор (с.24).

Думается, что использованное здесь словечко “вероятно” представляет собой дипломатическую уступку Трушкова неизбежным оппонентам. “Забегание” вперед от реального уровня развития, провозглашение таких оценок и рубежей, которые все больше отрывались от действительности во всех сферах жизни советского общества, давало все более неточные и неверные ориентиры общественной практике. Обещание скорого прихода бесклассового общества после коллективизации; поспешное, вопреки ленинским критериям, объявление о достижении социализма в 1936 г.; послевоенное нагнетание все более завышенных оценок достигнутых этапов вплоть до ожидания основ коммунистического общества к 80-м годам – все это серьезно дезориентировало и подрывало усилия советского народа.

Так было и с “теневой экономикой”: преждевременное, с помощью чрезвычайных насильственных мер, полное устранение частной собственности там, где она еще не изжила себя экономически (мелкие производства, обмен, услуги), и привело к уходу всей этой деятельности в “подполье”.

С “теневой экономикой” не удавалось справиться именно потому, что она удовлетворяла определенные потребности общества и в этом смысле оставалась необходимой вместе со своей основой – мелкой частной собственностью.

Ленинская линия в этом вопросе предполагала допущение легальной деятельности мелкого производителя при решающей, руководящей силе крупного общественного производства. Разумеется, предполагалась перспектива постепенно, на добровольной основе, при помощи, прежде всего, экономических методов дальнейшего обобществления. Полное исчезновение остаточной частной собственности в производственно-экономической сфере могло стать фактом позитивного развития лишь по мере исчерпания ею своей экономической роли. Триумфальные декларации об успехах полного обобществления не могли изменить действительного положения вещей, а только мешали адекватному налаживанию экономической деятельности.

Автор трезво характеризует последствия ошибок в этой области. “Несоответствие экономического и юридического обобществления производства с необходимостью порождало противоречия.

Экономическое содержание стремилось разорвать оковы юридической формы. Поскольку легально это осуществить не удавалось, то появились нелегальные

экономические структуры, которые “протестовали” против административного насилия над реальным экономическим обобществлением производства. Но так как все общественные противоречия являются не чем иным, как противоречиями реальных групп людей, то “протест” объективного уровня обобществления производства против формально социалистических структур проявлял себя как деятельность субъектов теневой экономики, организованной по-капиталистически” (с. 25–26).

Поскольку такая деятельность была незаконной, субъекты ее подвергались преследованиям соответствующих органов подавления. Но этого было явно недостаточно для решения фундаментальных экономических проблем. Не хватало глубокой ленинской методологии в политике, в теории; бессильной оставалась и практика противодействия нарастающей капитализации, вплоть до появления в руководящих кругах горбачевского руководства, тонко подмечает автор, откровенно пораженческих настроений. Они не справились с положением, с управлением социалистическим обществом.

Большая заслуга автора – анализ того капитала, который вырос в СССР в канун его разрушения. В книге показаны его основные специфические черты: это капитал изначально криминальный, паразитический, компрадорский.

Последняя из указанных характеристик доказательно определяет всю дальнейшую линию экономической деятельности государства капитализаторов, финансовой олигархии и всего крупного капитала в сфере внешних связей.

Опираясь на экономический анализ, автор исследует “многоступенчатый процесс” замены советского социалистического государства на буржуазное.

Выявлен систематический и целенаправленный характер разрушения основ и форм советской государственности самой горбачевской властью – растерявшихся, капитулянтов и ренегатов. Здесь – подрыв и ликвидация руководящей и направляющей роли КПСС, правящей партии в обществе. Здесь – изменение системы государственного правления на все более антидемократическую и антинародную. Здесь, наконец, разрушение союзного народнохозяйственного комплекса – экономической базы союзного советского государства.

В книге выявлено качественное изменение всех параметров государства ельцинской поры, формирования буржуазной государственности. Дан разбор деформации всех основных функций государства в современной России. Из всего выше изложенного вытекает закономерный вывод: “...в РФ сложилось... специфическое государство капиталистической реставрации. Это государство подобно рахиту: у него “полная” система буржуазных надстроечных институтов, покоящаяся на слабых ножках неустойчивого базиса. Уже поэтому такое государство исторически ограничено” (с. 40).

Изучать проблематику государства в многонациональной стране нельзя вне рассмотрения роли национальных отношений. Достоинства работы Трушкова полномерно проявляются и тогда, когда он берется за исследование национального аспекта деформации государства – сначала в СССР, затем в РФ.

Размышляя над судьбой СССР, автор прежде всего развенчивает “аргументацию” тех врагов социалистического государства, которые пытаются подкрепить развал великой многонациональной державы соображением о якобы неотвратимой судьбе всех империй и о разрушении всех многонациональных государств в наше время.

Он показывает что тезис о “конце империй”, выражающий классовые интересы буржуазии, отражает практику функционирования буржуазных государств. Что же касается России, преобразенной Великим Октябрем, то ее народы породили иную социальную практику.

Отдавая должное экономической потребности в формировании союзного советского социалистического многонационального государства в декабре 1922 г., Трушков основательно и убедительно исследует и другие потребности и факторы, система которых привела к соединению социалистических республик на территории Российской Империи в единый Союз. Если мы не излагаем здесь все соображения автора по этому вопросу, то это

не только по соображениям экономии места, но и для того, чтобы оставить читателям редкое удовольствие знакомства с глубоким автором.

Он подчеркивает огромное значение ленинской национальной политики, ленинской теоретической мысли как основ советской концепции межнациональных отношений и национально-государственного устройства. И здесь авторская трактовка твердо противостоит всем идейным шатаниям, вроде сомнений насчет права наций на самоопределение вплоть до отделения. Эта трактовка, выявляет историческую прогрессивность созидательного опыта СССР. Отсюда великолепный по своему интернациональному звучанию тезис В.В.Трушкова: “Развитие СССР предвосхитило те мировые интернациональные тенденции, которые стали зримо проявлять себя в западном мире только в последнюю треть XX в. Союз был не насилием над историей, отправившей на свалку все империи прошлых веков, а пионером качественно новых экономических, политических, социальных и геополитических интеграционных процессов” (с. 44).

И в данном разделе своей книги Трушков остался верен диалектической методологии. Он констатирует: “Советское государство не миновало ни объективных противоречий, ни трудностей развития, ни субъективизма и волюнтаризма. И все это болезненно отразилось на сфере межнациональных отношений. Но при этом оно было могучим, пока оставался надежным его экономический стержень – господство общественных форм собственности на средства производства” (с. 45).

Таким образом, историческая судьба нашего Отечества, его единство и величие неразрывно связаны с перспективой социализма

Одно из замечательных мест книги, один из принципиальных аспектов анализа национального момента – обрисовка отношений между СССР и РСФСР.

Автор прав в своей критике статуса донора, навязанного России внутри Союза. Однако – и это мое самое главное возражение автору – он необоснованно краток в рассмотрении этой гигантски важной проблемы. Что касается донорства (частный вопрос), то протестуя против его весьма чувствительных последствий для уровня жизни граждан РСФСР, нельзя обойти правильную ленинскую линию на сближение уровней развития различных республик, а в этом деле “донорство” России играло, конечно по необходимости, решающую роль.

Другое дело, что руководители СССР не проявили способности чутко реагировать на изменение обстановки, на обостряющиеся проблемы и круто менять политику, в том числе в экономических составляющих “донорства”.

Я надеюсь, что среди читателей этой рецензии встретятся слушатели семинара 70-х годов в Академии общественных наук, посвященного как раз национальной политике, которым довелось руководить мне. Мы тогда говорили о том, что назрела потребность изменить соотношение уровней жизни некоторых республик в пользу РСФСР, отстававшей, без всяких оснований, по этому показателю.

Еще одна семинарская проблема. Выращивая и поощряя национальные кадры в республиках, Союз пришел к возникновению вредных привилегий и ограничений в расстановке кадров. По дружному мнению участников семинара, в том числе из республик, назрела потребность в ленинском повороте – проведении линии демократического равенства кадров повсеместно и независимо от национального происхождения.

Эта линия не успела сложиться и получить перевес в руководстве КПСС и СССР. Последствия этого недостатка мы ощутили уже в 80–90-е годы.

К сожалению, в своем кратком анализе Трушков не останавливается на националистических перекосах, которыми воспользовался Ельцин.

Нельзя забывать, что атака на СССР, подрыв его и ликвидация прорвались под флагом защиты России от “союзного центра”. Борьба с этой идеологической спекуляцией и политическим жульничеством антинациональных и антирусских политиков потребует больших усилий и, несомненно, долгого времени.

Преобладающая по объему часть книги посвящена хронологическому, “летописному”

воспроизведению истории Отечества 1989–2003 гг. Из книги ясно видно, что в советском обществе были силы, стойко боровшиеся за социализм, противостоявшие развалу, и силы, работавшие на разрушение СССР, Советской власти. Среди этих последних важнейшую роль сыграли не прямые и открытые противники социализма, а растерявшиеся, капитулянты и ренегаты из высших властных структур, управленческого “класса” и примыкавшей к ним интеллигенции. Перерожденцы с партбилетом заняли при Горбачеве решающие посты.

Почему взяла верх эта тенденция, почему не удалось своевременно остановить Горбачева, Ельцина и Кс? Я лично думаю, что среди причин важны две.

Трудящиеся массы сторонников социализма, более полувека скованные бюрократическими обручами, не выступили по собственной инициативе.

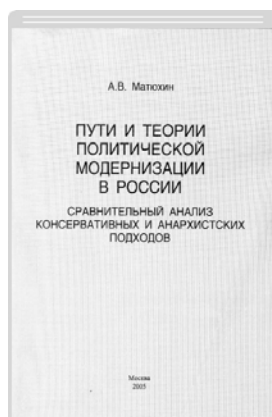
А в руководящей верхушке, кризис и разложение которой выявились с ошеломляющей остротой, не нашлось крупной политической фигуры, сочетающей качества твердого руководителя, глубокого мыслителя, последовательного сторонника пролетарского, народного, социалистического демократизма. Потому и восторжествовали спекулянты от “демократии”.

Всем этим проблемам Трушков посвящает заключительные главы и раздел “Вместо заключения. Демократия в современном российском исполнении”.

Я согласен с его предсказанием: “Чтобы в России XXI в. не была вытравлена демократия, эта демократия должна быть народной. Иначе говоря, народовластие появится только тогда, когда народ захочет иметь в своих руках политическую власть” (с. 292).

Книга эта помогает пробуждению народа. Она заслуживает того, чтобы быть изданной массовым тиражом.

Трушков В.В.
Как разжаловали державу в “ночные сторожа”.
(Государство реставрации капитализма).
М.: “Былина”, 2004. 296 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

О.Рыжов,

доктор философских наук, профессор

Монографическое исследование А.В.Матюхина “Пути и теории политической модернизации в России. Сравнительный анализ консервативных и анархистских подходов” представляется весьма интересной и, несомненно, актуальной научной работой. В ней методом компаративного анализа отражены позиции представителей диаметрально противоположных идеологических направлений в России XIX – начала XX в. анархического и консервативно-монархического. В этом и несомненное новаторство работы – до сих пор анализ отечественных теорий политической модернизации подобным образом не проводился в научной литературе.

Учитывая традиционность “раскола” российской политики, а также особенности исторического развития страны, характеризующиеся чередованием революционных и консервативных тенденций, обращение автора к полярным политическим доктринам является правомерным.

В монографии справедливо отмечается, что в сегодняшней ситуации краха западной либерально-рыночной модели модернизации и определенного идеологического тупика, в котором оказалась Россия, появляется настоящая необходимость творческого обращения к классическому опыту самого широкого спектра социально-политических теорий, рожденных на отечественной почве – от крайне левых, радикально-революционных (анархисты), до крайне правых – консервативно-теократических (монархисты). Сама этимология понятий an-archia (греческое – безвластие) и mon-archia (греч. – единовластие) подталкивает к подобному сравнительному анализу. Крайние идеологические подходы высвечивают наиболее отчетливо основополагающие принципы радикально-противостоящих позиций, дают более четкое представление обо всем прост- ранстве политического центра и позволяют искать “золотую середину”.

И анархистам, и монархистам в России не очень повезло с “исторической славой”. Например, представление об анархизме у современного человека является во многом искаженным вследствие многолетнего и идеологизированного формирования ассоциативного ряда “анархия – хаос – разрушение – произвол” в советском (и даже в досоветском) и постсоветском обществоведении и масс-культуре. Образ анархиста как удалого маргинала, промышленяющего грабежами, прочно осел в массовом сознании. А за монархистами, по той же причине идеологизированности подходов, закрепились такие ярлыки, как “ретрограды”, “мракобесы”, “обскуранты”, “черносотенцы”, “антисемиты” и т.д. К сожалению, подобная терминология в отношении анархистов и монархистов-

консерваторов имеет место до сих пор в научной, околонуучной и учебной литературе, не говоря уже о современной публицистике, журналистике, художественной литературе, кинематографе и т.д.

В своей работе автор, отходя от поверхностных и популистских трактовок, показывает, что и анархизм, и монархизм – это уникальные, достаточно цельные и системные идейно-политические течения русской общественной мысли, имеющие свою концептуально-философскую базу, социально-политическую программатику, свои модели модернизации.

Действительно, и анархистский, и консервативно-монархический проекты в России были модернизационными, ориентированными на воплощение применительно к “современности”, к новым реалиям, в которых оказался мир, и, прежде всего – западный мир либерально-демократической и рыночной цивилизации. Этим реалиям необходимо было найти адекватный ответ, предложить свои модели социально-политической жизни и развития России. В отличие от коммунистического и либерального проектов, анархистский и консервативный модернизационные проекты не были реализованы в XX в. Тем интереснее посмотреть на возможные идеологические альтернативы.

В работе проводится сравнительный анализ этатистских и антиэтатистских теорий, выявляется различие полярных идеологических подходов к проблеме места и роли человека в социальной жизни, к специфике интерпретаций таких понятий, как “свобода”, “власть”, “общество”, “государство”, “революция”, “реформы” и т.д. В контексте компаративистики исследуются формы, принципы и методы социальной и политической организации общества, анализируются теории государственного управления и самоуправления, концепции федерализма и имперского централизма, а также экономические программы анархистов и монархистов.

Особый интерес представляет сравнение революционной и консервативно-эволюционной модели модернизации. На основе анархистской теории раскрыта сущность радикально-революционного варианта модернизации, выявлены его конкретные параметры, показаны противоречия между “личным” и “общим”, между морально-нравственным обоснованием революционных программ и реальными, насильственными способами их реализации. Проанализирована сущность консервативной модели модернизации в монархизме, показана актуальность и значение методологии эволюционно-консервативных, “не катастрофических” российских реформ.

В тоже время, в монографии отмечается необходимость формирования в современной России новой идеологии общественного развития на основе привлечения всего богатейшего отечественного опыта социально-политической и философской мысли.

Несомненно, что сегодня поиск оптимальной модели общественного развития предполагает “конструктивный синтез” всего позитивного и жизнеспособного, что наработано, “выстрадано” в отечественной социально-политической науке и практике. Можно согласиться с автором, что в современной России успешная политическая модернизация не возможна на основе какой-либо моноидеологии, все равно “правой” или “левой”. Идейно-теоретические основания, на которые плодотворно сможет опираться российское общество в своем развитии, должны быть многоуровневыми, ориентированными на решение целого комплекса социальных, политических, экономических, культурных, экологических проблем.

Работа имеет важное значение для современной методологии проведения сравнительных исследований на материале различных социально-политических доктрин. Она тем самым вносит значительный вклад в становление компаративистики как отрасли отечественной политической науки. Необходимо также отметить, что монографическое исследование А.В.Матюхина базируется на солидной теоретической основе, с привлечением основных трудов классиков анархизма и монархизма: М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина, А.А.Карелина, Я.И.Новомирского, М.И.Корн, Г.П.Максимова, А.А.Борового, Л.А.Тихомирова, М.Н.Каткова, К.П.Победоносцева, И.С.Аксакова,

А.И.Кошелева, К.Н.Леонтьева, В.Н.Мещерского, В.И.Черняева Б.Н.Чичерина, Д.А.Хомякова и др.

Кроме того, в целях системной, комплексной реконструкции консервативно-монархической и анархистской доктрин в монографии используются труды многих неизвестных или малоизвестных авторов: А.Атабекяна, А.Белецкого, В.Волина, братьев Гординых, О.Виконта, М.Дубинского, П.Казанского, П.Логанова, П.Семенова, А.Тышко, Л.Черного, В.Ярмонкина и др.

Представляется интересным также сочетание социологического и политологического аспектов проблем, соотношение исторических и современных подходов. Обобщенные автором теоретические и исторические материалы придают работе аргументированный и системный характер.

Данное монографическое исследование, несомненно, заинтересует политологов, историков, философов, научных работников, преподавателей ВУЗов, а так же широкий круг читателей, равнодушных как к истории, так и к будущему России.

А.В. Матюхин.

Пути и теории политической модернизации в России.
Сравнительный анализ консервативных и анархистских подходов.
М.: Изд-во УРАО, 2005. 204 с.